

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВА,
БИЗНЕСА И ПОЛИТИКИ**

На правах рукописи

Хакимова Мавзунаджон Махмуджоновна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭВФЕМИЗМОВ В
ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

**Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Мавджуда Назирова**

Худжанд – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	9
1.1. К проблеме истории исследования эвфемизма в лингвистической литературе	9
1.2. Понятийный аспект эвфемизма.....	21
1.2.1. К проблеме определения понятия эвфемизма.....	21
1.2.2. Сферы, функции и причины использования эвфемизмов	34
1.2.3. Соотношение понятий табу и эвфемизма.....	50
1.3. Общелингвистическая классификация эвфемизмов в сопоставляемых языках.....	59
ГЛАВА II ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	69
2.1. Системная семантическая организация эвфемизмов в сопоставляемых языках.....	69
2.2. Лексико-семантическая организация эвфемизмов в английском и таджикском языках.....	74
I. ЛСК эвфемизмов «Человек и его личностная характеристика» в сопоставляемых языках	79
I. 1. ЛТГ эвфемизмов «Анатомия и физиология человека».....	87
I. 2. ЛТГ эвфемизмов названий болезней.....	87
I. 3. ЛТГ эвфемизмов, связанных понятием смерти.....	89
I. 4. ЛТГ эвфемизмов, обозначающие понятия, относящиеся к половой сфере.....	103
I. 5. ЛТГ эвфемизмов, именующих «внешность человека».....	105
I. 6. ЛТГ эвфемизмов, характеризующих человеческие пороки.....	114
I. 7. ЛТГ эвфемизмов, употребляющихся для именованя человеческих недостатков.....	117
II. Устройство общества и отношения внутри него	122

II. 1. ЛТГ эвфемизмов, употребляющихся в пределах понятийного поля «религия, вера» в сопоставляемых языках.....	122
II.2. ЛТГ эвфемистических наименований, относящихся к сфере преступлений и их последствий.....	127
II.3. ЛТГ эвфемизмов, фигурирующих в военно-политическом дискурсе.....	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	138
ЛИТЕРАТУРА.....	143
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	157

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы данной работы определяется тем, что в системе лексических единиц эвфемистическая лексика играет особую роль. Несмотря на то, что тема исследования глубоко изучена в русском, английском и таджикском языковедении, все же ей уделено ещё недостаточное внимание. Что касается сопоставления данного пласта лексики в таджикском и английском языках, то предлагаемая работа является первой попыткой в данном направлении. Наиболее полная и детально разработанная классификация эвфемизмов имеет важное значение и для языкознания, в частности, для разработки общих вопросов лексикологии и теории номинации, для изучения духовной культуры носителей рассматриваемых языков.

Целью диссертационной работы заключается в изучении системно функционального аспекта эвфемистической лексики, в описании семантики эвфемизма, раскрытие механизма ее функционирования на материале таджикского и английского языков. Цель исследования и объект обусловили решение следующих **задач**:

- определить категориальный статус эвфемистической лексики в лексической системе сопоставляемых языков;
- выявить истоки происхождения эвфемизмов;
- осуществить лексико-семантический анализ эвфемистической лексики в таджикском и английском языках;
- установить критерии выделения средств выражения эвфемистической лексики в сравнительном освещении;
- описать динамику развития современных эвфемистических единиц;
- изучить функционирование эвфемизмов в языке и речи;
- провести лексико-тематическую классификацию эвфемистической лексики.

Объектом исследования является эвфемистическая лексика таджикского и английского языков.

Предметом исследования является сравнительное изучение эвфемистической лексики, их тематическая классификация в таджикском и английском.

Материалом исследования послужили данные, извлеченные из словарей J. Ayto «Dictionary of Euphemisms» (2000) и R.W. Holder «How Not To Say What You Mean» (2003), а также окказиональные эвфемизмы из Британского национального корпуса (British National Corpus), двуязычных, толковых, тематических словарей таджикского и английского языков [Чамшедов, 2008; Мамадназаров, 2013; Фарҳанги забони тоҷикӣ, 1969; Советский энциклопедический словарь, 1985], из произведений художественной литературы на таджикском, английском языках, образцов фольклора и устной речи.

Научная новизна диссертационного исследования. Данная работа представляет собой сравнительно - сопоставительное исследование, посвященное изучению эвфемистической лексики в плане ее содержания и внутриязыковой и межъязыковой английско - таджикской реализации, системы разноуровневых средств, объединенных на основе единой категории. Впервые в таджикском языкознании проведено обобщенное исследование лексико-семантических особенностей эвфемизмов:

- определен категориальный статус эвфемистической лексики в лексической системе сопоставляемых языков;
- дан анализ современных взглядов на эвфемизм, как универсальное явление языковой системы, и выявлены основные критерии эвфемизации в сопоставляемых языках;
- на основе имеющейся исследовательской литературы выявлены и теоретически обобщены истоки происхождения эвфемизмов;
- установлены критерии выделения средств выражения эвфемистической лексики в сравнительном освещении;
- описана динамика развития современных эвфемистических единиц в сопоставляемых языках;
- осуществлен лексико - семантический анализ эвфемистической лексики в таджикском и английском языках;

– проведена лексико - тематическая классификация эвфемистической лексики в сопоставляемых языках.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Результаты теоретических обобщений по теме исследования могут служить важной научной базой и прикладной основой при изучении лексикологии и сравнительной типологии языков, в познании и осмыслении лексико-семантических особенностей эвфемизмов таджикского и английского языков, могут быть использованы для разработки вопросов соотношения языка и культуры, учитывая статус эвфемизмов как языковой и культурной универсалии. Предложенная в работе методика выявления моделей эвфемизации в английском и таджикском языках применима к другим языкам.

Практические рекомендации диссертационной работы могут быть использованы: а) при составлении учебников и учебных пособий по сравнительной типологии английского и таджикского языков; б) при чтении спецкурсов, на факультативных занятиях и спецсеминарах; в) при написании дипломных, курсовых и реферативных работ; г) результаты могут найти применение в теоретических курсах по лексикологии, по сопоставительному языкознанию.

Методологической базой исследования послужили положения общей теории лексикологии как предмета исследования в современной лингвистике, в теории языкознания в целом, а также в иранистике, русистике и англистике, в частности, разработанные в трудах зарубежных и отечественных учёных Дж. Фрезера, Л.А.Булаховского, А.А.Потебни, В.В.Виноградова, И.Р.Гальперина, Б.А.Ларина, А.А.Реформатского, А.И.Смирницкого, И.В.Арнольд, Ю.Д.Апресяна, А.М.Кацева, Л.П.Крысина, В.Н.Ярцевой, Ю.С.Маслова, Н.Н.Толстого, Б. Камолиддинова, Х. Маджидова, М.Н. Азимовой, А.А. Акбарова, М.М. Тохировой и др.

Примеры из художественных произведений таджикской и английской литературы использовались в качестве иллюстративного материала. Часть примеров даются в нашем собственном переводе, а также в переводах

информантов, в качестве которых выступили кандидаты филологических наук М. Мирзоджанова, М. Солиева, знающие английский, таджикский и русские языки и работающие на кафедре английского языка ТГУПБП.

Методы исследования. Для достижения цели и решения поставленных задач был выбран комплексный подход к изучению материала: метод контекстуального анализа, описательно-аналитический метод (при описании особенностей семантических функций эвфемизмов) в рассматриваемых языках. Использовались также методы наблюдения и эксперимента, метод (семного) компонентного анализа, метод структурного анализа и метод статистического анализа. Каждый из них привлекается, прежде всего, в рамках синхронного исследования. Ведущим же методом в нашей научной работе стал сопоставительный, который в значительной мере способствовал успешной разработке поставленных задач.

На защиту выносятся следующие положения:

- эвфемия – это явление языка, имеющее как социально-психологический, так и собственно-лингвистический аспекты;
- большое количество эвфемизмов в сопоставляемых языках образуются путем метафорического или метонимического сдвигов и отличаются экспрессивно-ассоциативным компонентом коннотации. Чем неожиданнее признак, послуживший основным наименованием, тем образнее само наименование;
- эвфемистический словарь сопоставляемых языков представляет собой иерархическую структуру, большие и меньшие блоки которой включают в себя единицы, группируемые по тематическому принципу. В лексико-семантических группах выявляются отдельные синонимические ряды эвфемизмов, сокращенно именуемые эвфемистическими рядами;
- большую роль в номинации табуированных явлений в сопоставляемых языках играют эвфемизмы - окказионализмы, использование которых носит единичный характер и оригинальность которых зависит от фантазии говорящего;

– при номинации табуированных явлений широкое применение получает такой способ эвфемизации, как умолчание. В обоих языках чаще всего используются такие способы молчания, как эллипсис или особое изложение информации, при котором само действие не называется, но называется его действие и результат.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в статьях, изданных в различных научных изданиях. Результаты исследования были изложены в докладах на ежегодных научных конференциях преподавателей ТГУПБП (Худжанд 2012, 2013, 2014, 2017), а также апробированы при преподавании курса английского языка в таджикоязычной аудитории.

По материалам диссертации опубликовано 7 статей: «Вестник Таджикского национального университета» (Душанбе, 2014) № 4/5 (143); «Вестник Таджикского национального университета» (Душанбе, 2014) № 4/6 (146); «Вестник Таджикского национального университета» (Душанбе, 2015) № 4/1 (159); «Ученые записки» №1 (42), (Худжанд-2015); «Материалы межвузовской научно-практической конференции «Роль науки в развитии национального правления» Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики» (Худжанд, 2015); «Материалы межвузовской научно-практической конференции «Развитие современной науки в Таджикистане: Теория и практика» (Худжанд, 2017); «Научно практическая конференция молодых ученых, аспирантов, соискателей и магистрантов ТГУПБП «Молодежь и проблема современной науки» (Худжанд, 2017)

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Общий объем исследования составляет 169 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. К проблеме истории исследования эвфемизма в лингвистической литературе

Еще в античности явление эвфемии пользовалось популярностью. В V-I вв. до н.э. такие римские и греческие ученые, как Цицерон, Аристотель, Квинтилиан обратили свое внимание на понятие эвфемизм. Термин эвфемизм упоминался также в трудах Демокрита, Гиппия, Платона.

В лингвистическом аспекте эвфемизмы были вовлечены в исследование, начиная с конца XIX столетия. В конце девятнадцатого столетия немецкий ученый Г. Пауль представил их как хорошо известную схему семантических изменений. Работы А. Мейе, который изучал эвфемизмов в античном обществе, привлекли внимание ученых к этому явлению в первой половине XX века. Он, исследуя лингвистические свойства эвфемизмов в древних языках, определяет эти процессы как “проявление изменения семантики слова.” [Цит. по: 62, с. 4].

Следует отметить, что в английском языке впервые термин «эвфемизм» упоминается Т.Блаунтом в 1656 году в работе «Глоссография», где под эвфемизмом подразумевается «a good or favourable interpretation of a bad word» [Цит. по: 129, с. 90].

К всестороннему исследованию эвфемизмов привлекаются лишь в 60-80 г.г. XX в. в исследованиях С.Видлака и Дж. Лоренса.

В настоящее время особенности эвфемистических и табуизированных лексических единиц нашли отражение в работах русских и иностранных ученых Дж. Эйто "Эвфемизмы" [1994], «Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов» [2003]; А.М.Кацева

«Языковое табу и эвфемия» [1988]; Б.А.Ларина «Об эвфемизмах» [1961]; С.Видлака «Проблема эвфемизма на фоне теорий языкового поля» [1965]; Н.Исматуллоева «Эвфемизмы в современном узбекском языке» [1964], в работах и теоретических заключениях таджикских лингвистов Т.Максудова [1986], Ф.Зикриёева [2008], А.Акбарова [2011], М.Тахировой [2006], и т.д.

Для истории изучения эвфемизмов в нашей стране характерным фактологическим материалом является то что в советский период проблема эвфемизмов изучалась в основном в диахронном плане, что, в частности, связано с исследованиями Л. А. Булаховского, Б. А. Ларина и А. А. Реформатского и др., так как по чисто идеологическим факторам сохранение эвфемизмов в языке считалось пережитком прошлого, вместо них предпочтение отдавалось выражениям прямым, неэвфемистического свойства. Хотя язык этого периода также характеризуется развитием и становлением эвфемизмов, свойственных для советской эпохи. Вот некоторые примеры: *взять (на производстве, у потребителя) гирифтан, бурдан (аз корхона, аз ҷои кор)* – вместо *украсть*; *дать, брать, додан, гирифтан* – вместо *дать взятку – пора гирифтан, пора додан; недочеты-камбудихо* – вместо *ошибки; недовес* вместо *воровство* и т. п. [109, с.18].

В то же время следует отметить, что, несмотря на отрицание данного фактора, советская эпоха выработала свой репертуар эвфемизмов. «*Взял*» (на производстве, у потребителя) – значит, *украл*; «*дал*» (распределителям ценностей – материальных или престижных) значит, *дал взятку*; «*приписал*» (ради себя или своего коллектива) *обманул государство*; «*достал*»; «*потерять работу*»[30, с.104].

Типичным эвфемизмом советской эпохи для таджикского языка являются слова «*баъзеҳо – некоторые*»: *баъзе рафиқон – некоторые товарищи*, «*алоҳида – отдельный*»: *рафиқони алоҳида – отдельные товарищи*). Неопределенное местоимение «*баъзеҳо*», имеющее значение «*на ҳама, алоҳида, баъзе – не все, отдельные*» в преуменьшительном, мейотическом употреблении стал штампом языка советской эпохи. Например: – *Аммо на ҳамаи соҳаҳои саноат корро аз рӯи омӯзиши вазъи*

бозор хуб ба роҳ мондаанд. (Ҳақиқати Ленинобод, 18.06. 1989). – Однако некоторые штабы отраслей недооценивают работу по изучению конъюнктуры рынка. В английском языке в данном случае вместо местоимения со значением «не все» употребляется some – некоторые: However some staffs of branches underestimate work on studying of market condition.

В настоящее время исследование эвфемизмов в постсоветских странах все более активизируется и пробел в исследовании эвфемизмов советского общества начинает заполняться.

Большой интерес к проблеме эвфемии отмечается в последние годы. Появляются диссертационные работы Вильданова [2011]; Порохницкая [2004]; Тюрина [1998] и другие публикации по данной проблематике. Вопросы эвфемии неоднократно были рассмотрены в работах зарубежных лингвистов на основе различных языков: Видлак [1965]; Кацев [1988]; Крысин [1994]; Павлова [1989]; Мухамедьянова [2005]; и др.

В последнее десятилетие XX в. появилось значительное количество работ, посвященных, в частности, способам образования эвфемизмов, целям и средствам эвфемизации, диахроническому аспекту исследования, эвфемизмам в художественных текстах, эвфемизмам, заменяющим обесцененную лексику, и многим другим аспектам этого явления. Следует особо выделять работы Л. П. Крысины “Эвфемизмы в современной русской речи” в книге Русское слово, свое и чужое: Исследования по современной лингвистике [2004] и В. П. Москвина “Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка” [2010].

Изучение эвфемии в настоящее время является актуальной лингвистической проблемой, ведь процессы образования эвфемизмов как слова или выражения, которыми заменяют в языке грубое, неприличное, с неприятной окраской слово, происходят чрезвычайно интенсивно, о чем свидетельствует широкое использование эвфемистических единиц в

художественных произведениях современных авторов, активизация лексикографической работы в области эвфемии.

Для английского языка средства эвфемии являются традиционной областью исследования, начиная с 60-х годов XX века (см., например, T. Lawrence, S. Partridge, D. Enright, B. Foster, Ch. Barger др.). Собранный на данном этапе лексический материал упорядочен и представлен в специальных словарях. В англоязычной лексикографии эвфемизмы также включаются в толковые словари.

Исследовательские работы в целом охватывают широкий круг проблем формирования эвфемизмов в языке, среди которых важное место занимают такие проблемы, как определение сущности эвфемии, установление ее признаков, трактовка явления эвфемии с различных точек зрения, прежде всего различных научных парадигм, действующих в языкознании (системно-структурной, функциональной, парадигматической, когнитивной), разграничение сфер применения эвфемистических средств выражения, комплексная характеристика эвфемистической лексики, разработка вопросов классификации типов эвфемии, выявление потенциала эвфемизмов, в частности, прагматического и манипулятивного и др.

Проблемы комплексной характеристики эвфемистической лексики ставится в работах Крысин [2004]; Тюрина [1998] и др.

Ряд исследователей анализирует вопрос о разграничении сфер применения эвфемистических средств выражения. Это прежде всего работы Б.А. Ларина [1961], в которых системно рассматривается вопрос о сферах использования эвфемизмов и раскрывается проблема взаимообусловленности формирования и во взаимосвязи со сферой употребления. Некоторые работы посвящаются анализу эвфемизмов в конкретных сферах использования. В этом отношении наиболее детально изучено функционирование эвфемизмов в политическом дискурсе (Мухамедьянова [2005]; Панин [2004], в СМИ Бойко [2005]; Патапова [2008]; Кипрская [2005], художественной литературе Вильданова [2011], военной сфере Корнюшенкова [2005]; Обвинцева [2003] и др.)

Проблема лингвистических особенностях эвфемии охватывал также вопрос об определении эвфемизмов с точки зрения лингвистической и художественной номинации, в этом аспекте предпринимались попытки определить эвфемизм как троп, состоящий в непрямом прикрытом обозначении какого-либо предмета или явления (Шмелев, 1979 и др.)

В лингвистической литературе изучаются лингвопрагматическая сущность и дискурсивное поведение дисфемизмов. Так, проводилось описание дисфемизмов по лексико-семантическим разрядам на материале англоязычных СМИ (Резанова, 2008), изучался прагматический аспект дисфемизмов в современном английском языке (Бушуева, 2005), отмечалась семантическая близость дисфемизма с такими понятиями, как сленг, жаргон и табу.

Начиная с первых работ, посвященных словесному табу, американские лингвисты во главу угла ставят изучение современных словесных запретов. Причем под словесным табу понимается любое слово с «неприятной коннотацией» («unpleasant connotation») [131, с.38].

Особое место в исследованиях американских лингвистов занимает обценная лексика как вид словесного табу. Некоторые лингвисты отмечают, что обычно процесс замены слова-табу на его эвфемизм, который вскоре требовал новой эвфемистической субституции, шел по цепочке, однако в случае с обценным словом-табу этого не происходило [131, с.54].

Само запретное слово оставалось в языке и переживало свои более мягкие эвфемистические синонимы. Исследователи объясняют это тем, что обценное слово-табу обладает большей эмоциональной силой и поэтому первым приходит на ум, хотя в процессе речи, особенно в ситуации формального общения, нередко происходит отказ от его произнесения.

Исследования эвфемизмов в британской и, прежде всего, американской лингвистике отличаются прикладным характером. Поэтому лингвисты, занимающиеся проблемами эвфемистической

лексики, являются, как правило, известными лексикографами (К. Сильвер; Дж. Эйто и др.).

В недавнем прошлом появилось несколько специальных словарей, причем в англоязычных странах эти словари появились в конце XX века, в русском языке — только в 2008 году. Это уже ставшими общеизвестными словари «A Dictionary of Euphemisms» [Ayto, 2000], «A dictionary of slang and unconventional English » [Partridge, 1973], «A Dictionary of Euphemisms. How not to Say What You Mean» [Holder, 2003], «Словарь эвфемизмов русского языка» [Сеничкина, 2008], «Словарь новых слов и значений» [Трофимова, 1993].

Явление эвфемии является неотъемлемой частью языкового поведения, тесно связано с понятиями нормы и оценки.

Несмотря на дискуссионность некоторых положений теории табу и эвфемизмов, исследователи едины в экстралингвистической интерпретации их сущности – замены в определенных условиях слов, формулирование и обозначение которых является неприличным, противоречащим. Таким образом, в интерпретации эвфемизмов преобладает социолингвистическая ориентация исследования данного явления.

В лингвистической литературе уделялось внимание мотивам создания эвфемизмов и их функциям, критериям, способам образования эвфемизмов, факторам, влияющим на эвфемистическую способность слов, сферам применения эвфемизмов. Разработаны и представлены тематические классификации эвфемизмов (Н.М. Бердова, [1981]; С. Видлак, [1965]; А.М. Кацев, [1988]; Л.П. Крысин [1994] и др.).

Многие исследователи указывают на то, что одной из функций эвфемизмов на современном этапе развития общества стало стремление ввести в заблуждение адресата с целью оказания определенного воздействия на него, манипулирования им. В лингвистической литературе есть ряд исследований, посвященных эвфемистическим средствам в области политики и рекламы (О.В. Обвинцева, 2003, Е.В. Кипрская, 2005). Многие исследователи подчеркивают, что целевое

назначение рекламы, относящейся к манипулятивной коммуникации, заключается в воздействии на адресата, создании положительных эмоций у потенциального покупателя по отношению к товару, и особое место отводится эвфемистическим средствам (Ю.С. Баскова [2006], О.Ф. Иванова [2002] и др.).

Исследованию функционирования эвфемии и дисфемии в специальном аспекте – в газетном тексте – посвящена кандидатская диссертация Т. В. Бойко [2005]. Особый интерес в работе вызывает разграничение эвфемизмов и смежных с ними явлений. Так, например, Т. В. Бойко разграничивает эвфемизмы, выраженные сленговыми выражениями, и собственно сленг. Сленговые эвфемизмы перефразируют слова с негативной оценочностью и используются с целью нейтрализовать негативный прагматический эффект при восприятии, например, “the little house” вместо “toilet”. [29, с.118].

Диссертант также выделяет так называемые стилистически нейтральные или «стертые» эвфемизмы, зарегистрированные в словарях и первоначально возникшие как замены наименований Бога, дьявола, смерти, преступлений, болезней, грехов, частей тела и т. д., и стилистические маркированные эвфемизмы, представляющие собой, как правило, окказиональные эвфемистические замены [29, с.134].

Е. П. Сеничкина указывает на четыре обязательных признака эвфемизмов: обозначение нежелательного денотата, семантическую неопределенность эвфемизма, позволяющую уменьшить или «смягчить» негативную оценку денотата, улучшение характера денотата по сравнению с заменяемым словом или сочетанием, и формальный характер улучшения денотата. Автор также выделяет четыре вида эвфемизмов в словаре: исторические, эвфемизмы по происхождению, языковые и функциональные эвфемизмы, причем максимальной степенью эвфемизации, с ее точки зрения, являются окказиональные эвфемизмы, образованные в процессе речи [109, с. 87].

Проведенный обзор теоретических работ показал, что в языкознании имеются лишь очень ограниченное количество диссертационных работ, посвященных изучению эвфемизмов.

Что касается таджикского языка, то следует отметить, что в таджикском языкознании монографическое исследование данной проблемы началось в начале XXI в., хотя имеются попытки исследовать некоторые её аспекты были предприняты еще в 80-ые годы прошлого столетия. Это отдельные статьи или разделы учебных пособий или специальных монографических исследований Т.Максудова, Ф.Зикриёева, Х. Джалилова (Т.Максудов, Ф.К.Зикриёев, Х.Чалилов Х. [1984]; Х. Маджидова [Мачидов,1983]).

В этом отношении следует согласиться с А.А.Акбаровым, предпринимавшим впервые провести специальное исследование табу и эвфемизма в таджикском языке, в том, что в таджикском языкознании проблема эвфемизмов и некоторые их аспекты затрагиваются в связи с вопросом функционирования метонимии и метафоры, а также изменением значения слова; особенно это касается вопроса о диахронических и современных эвфемизмах. [5, с. 34]

В таджикской лексикографии за исключением некоторых словарей (наподобие «Чароғи хидоят»), охватывающих только случайные характеристики эвфемизмов, в частности, фразеологически связанное значение эвфемизмов, отсутствует специальный словарь, который охватил бы полное толкование эвфемизмов.

Монографическое исследование данной проблемы, началось в недавнем прошлом. В то же время в таджикской лингвистике имеется лишь очень ограниченное количество диссертационных работ, посвященных изучению эвфемизмов, это кандидатские диссертации А.А.Акбарова и М.Тахировой. Как уже отмечалось выше, работа А.А.Акбарова выполнена на основе таджикского языка [Акбаров, 2011], а вторая завершена в сопоставительном аспекте на основе русского и таджикского языков [Тахирова, 2006].

В работе М.Тахировой исследуется проблема инструментарии русских и таджикских табу и эвфемизмов, выявляются основные закономерности функционирования табу и эвфемизмов в сопоставляемых языках, разрабатывается методология их исследования и проводится классификация табу и эвфемизмов в сопоставляемых языках, описывается в лингвистическом аспекте эвфемизация табуированной лексики двух языков, сопоставляется механизм и стилистические особенности эвфемизации русской и таджикской табуированной лексики, раскрывается вопрос о функционировании эвфемизмов в сопоставляемых языках. Важными аспектами данной работы становятся также динамика эвфемистических рядов, реализация эвфемистического потенциала, тенденции эвфемизации в сопоставляемых языках, в работе раскрывается понятийный аспект эвфемизмов в сопоставляемых языках, проводится разносторонний лексико-семантический анализ эвфемизмов сопоставляемых языков и дается их расширенная классификация. Достаточно большое место в работе занимает также словообразовательная классификация, которая охватывает вопрос о развитии и обогащении системы эвфемизации в сопоставляемых языках.

Как показывает обзор литературы Lawrence [1973]; Spears [2001]; Partridge [1973]; Holder [2003]; Видлак [1965]; Кацев [1988]; Крысин [1994]; Павлова [1989]; Москвин [2010], явление эвфемии в лингвистической литературе исследуется в нескольких аспектах.

Прежде всего социолингвистический аспект исследования эвфемизмов охватывает такие проблемы, как становление эвфемизма и понятийные сферы его использования, раскрываются основные сферы социальной жизни, в которых используются эвфемизмы: дипломатия, сфера государственных и военных тайн и секретов, деятельность армии, разведки, милиции и некоторых других органов власти, сфера распределения и обслуживания, отношения между различными национальными и социальными группами, военные действия и их участники, экономические методы и их последствия, различные

национальные и социальные группы и отношения между ними, органы власти и их деятельность и др.

Функциональный аспект эвфемии прежде всего связывается с мотивами эвфемизации и причинами их появления.

Как особый и важнейший аспект исследования эвфемии в лингвистической литературе признается лингвистический аспект. Он направлен на раскрытие таких важнейших свойств и признаков эвфемизмов, как грамматическая и семантическая структура эвфемизмов, способы эвфемизации и др.

Объектом исследования в кандидатской диссертации Т. В. Бойко являются эвфемизмы и дисфемизмы в современном англоязычном газетном тексте. Особый интерес в работе вызывает разграничение эвфемизмов и смежных с ними явлений. Так, например, Т. В. Бойко разграничивает эвфемизмы, выраженные сленговыми выражениями, и собственно сленг. Автор устанавливает, что сленговые эвфемизмы перефразируют слова с негативной оценочностью и используются с целью нейтрализовать негативный прагматический эффект при восприятии, например, *“the little house”* вместо *“toilet”*. [29, с. 156].

Е. П. Сеничкина также выделяет деэвфемизмы, под которыми понимает языковые единицы, утратившие свою эвфемистическую функцию и приобретшие отрицательную оценку, типа «бомж», «альфонс», «сортир» и т. п. [Словарь эвфемизмов русского языка, 2008].

Т. В. Бойко использует термины эвфемизм и дисфемизм, считая, что они образуют лингвистическую дихотомию [29, с. 67]. Дисфемизмы в ее работе находят всесторонний анализ как с точки зрения структурных особенностей, так и системной семантической организации, раскрываются их отличительные особенности от эвфемизмов и других сходных явлений. Развернутый семантический анализ в этой работе дисэвфемизмы находят с точки зрения лексико-семантического аспекта [29, с. 96], представляя тематическую классификацию дисэвфемистических единиц экономической сферы функционирования: дисфемизмы, связанные с различными религиозными событиями; дисфемистические наименования

смерти, болезни, физических и умственных недостатков; дисфемизмы, относящиеся к криминальной среде и связанные с экономическими и финансовыми махинациями; дисфемизмы, характеризующие имущественный статус; дисфемизмы, обозначающие пороки и недостатки экономической сферы; дисфемизмы, маркирующие политико-экономические взгляды; дисфемизмы, номинирующие природные катаклизмы в экономической сфере; дисфемизмы, маркирующие эмоциональное состояние субъектов экономической деятельности; дисфемистические номинации профессий / рода занятий.

Т.В.Бойко в своей работе обращает внимание также стилистическим особенностям эвфемизмов, разграничивая в данном аспекте так называемые стилистически нейтральные или «стертые» эвфемизмы, зарегистрированные в словарях и первоначально возникшие как замены наименований *Бога, дьявола, смерти, преступлений, болезней, грехов, частей тела* и т. д., и стилистические маркированные эвфемизмы, представляющие собой, как правило, окказиональные эвфемистические замены [29, с. 88].

В некоторых работах затрагивается такой аспект эвфемии, как фразеологическая эвфемия. Фразеологическая эвфемизация рассматривается также как замена слов и выражений грубых, неприемлемых по той или иной причине, фразеологическими единицами более мягкой или завуалированной номинации. В качестве отличительных признаков фразеологических эвфемизмов (также как и фразеологических единиц) отмечаются: переосмысленность значения, раздельнооформленность, стабильность (лексическая и грамматическая) с возможностью контекстуальных трансформаций, образность и высокая значимость коннотативных составляющих в структуре фразеологического значения [5, с.112].

В настоящее время не существует ни одного фразеологического словаря эвфемизмов, хотя создание подобных словарей является назревшей необходимостью.

Проблема отличительных признаков эвфемизмов среди сходных явлений стоит в центре лингвистических явлений. В лингвистической литературе в целом разграничены и установлены основные лингвистические признаки эвфемизмов.

Таким образом, явление эвфемии в лингвистической литературе исследуется в нескольких аспектах: социолингвистическом (табу, понятийные сферы использования), функциональном (мотивы эвфемизации), грамматическом и семантическом (структура эвфемизмов, способы эвфемизации). Lawrence [1973]; Partridge [1964]; Holder [2003]; Видлак [1965]; Кацев [1988]; Крысин [1994]; Павлова [1989]; Москвин [2010] и др.

В последний период в современной лингвистике приобрела ключевую роль антропоцентрическая парадигма, в этой связи исследовательский интерес в исследовании эвфемии привлекает, в первую очередь, субъект познания, взаимосвязь человека и языка, человека в языковом социуме (В.И. Карасик [2002]; В.Н. Телия [1988]; и др.).

Явление эвфемии является неотъемлемой частью языкового поведения, тесно связано с понятиями нормы и оценки. В.И. Карасик относит эвфемизацию к двум основным приемам этикетизации, наряду с повышением статуса партнера и выбором косвенных способов оформления речи [59, с.112]. Социальный характер эвфемии, взаимное воздействие речевого и социального поведения признается многими исследователями (Н.М. Бердова [1981]; Т.С. Бушуева [2005]; А.М. Кацев [1988]; Л.П. Крысин [1994]).

Н.М. Потапова исследует особую разновидность эвфемии – эвфемиию в сфере бизнеса, называя их бизнес-эвфемизмами, под которыми она понимает «языковые единицы, которые, в силу своих особенностей, выполняют функцию воздействия в языке бизнеса, они создаются в речи и там раскрывают свои свойства, реализуют особую речевую стратегию, зачастую являясь речевыми, или контекстуальными и не всегда находят закрепление в словарях» [102, с.78].

Следует также обратить внимание на становление особого направления исследования системы эвфемизмов, в пределах которого эвфемистические единицы анализируются с точки зрения сферы использования. В данном направлении наиболее известными становятся работы, объектом исследования которых становятся социально-политические эвфемизмы в целом, или эвфемизмы отдельных областей социально-политической сферы, в частности, военной сферы, служащие прикрытием агрессивных военных действий [Обвинцева, 2003], сферы дипломатии [Павлова, 1989] и др.

В то же время следует отметить, что многие аспекты эвфемии остаются дискуссионными. Так, по-разному определяются и классифицируются мотивы эвфемизации (причины замен некоторых слов и выражений эвфемизмами), имеются различные классификации способов образования эвфемизмов, нет единого мнения по вопросу о месте эвфемии среди смежных языковых явлений.

1.2. Понятийный аспект эвфемизма

1.2.1. К проблеме определения понятия эвфемизма

Как показывает материал исследования, как и во всех других языках мира, в английском и таджикском языках ярко выделяются слова, которые считаются неприятными, грубыми, невежливыми или некорректными, поэтому носители языка, избегая их, часто заменяют их другими словами, которые называются эвфемизмами. Как выше уже указывалось, анализируя их этимологию, исследователи указывают на различные факторы и причины их возникновения. Часто эти слова продиктованы социальными факторами, хотя следует указать, что в некоторых случаях без надобности заменяют слова другими единицами, не совсем верно отражающими суть мысли. Многие темы, как в английском, так и в таджикском языках, кажутся постыдными, и тем самым подвергаются эвфемизации.

Прежде чем перейти к установлению дефинитивных свойств эвфемизмов, следует обратиться к проблеме номинативных особенностей языка, так как эвфемистическое наименование выступает как один из способов номинации предметов окружающей действительности в языке.

Известно, что способы номинации понятий зависят от характера языковой ситуации, условий коммуникации, социальной роли участников коммуникации, содержания речи, их общекультурного значения. Условия коммуникации в дружественных беседах допускают использования запрещенных оборотов для выражения отрицательных эмоций и эмоционального состояния говорящего, непосредственного наименования понятия, выражения, имеющего крайне отрицательное значение, т.е. брани.

Проблемам деривации в современном языкознании уделяется большое внимание. В разное время деривационные процессы изучали такие лингвисты, как В. Фон Гумбольдт, Г. Пауль, С. Ульман и многие другие. В более позднее время вопросы деривации рассматривались в рамках таких направлений, как когнитивная, функциональная и коммуникативная лингвистика, также к вопросам изменения значения слова обращаются исследователи полисемии и словообразования.

Поскольку эвфемизация относится к способам семантической деривации, то она представляет собой образование производных значений от исходных без изменения формы знака [23, с.59]. Этот способ формирования производных номинаций называется семантическим словообразованием.

Семантическая деривация может заключаться в расширении, сужении или различного рода сдвигах семантической структуры. Использование того или иного семантического механизма формирования смысла в рамках более общего деривационного процесса обусловлено особенностями семантического содержания и характера взаимодействия рассматриваемых семантических областей. Следует отметить, что в процессе семантической деривации происходит объединение исходных семантических признаков в семантические

структуры, внутри которых исходные семантические признаки выступают как согласованные по тем или иным семантическим характеристикам друг с другом.

В связи с этим следует отметить, что процессы деривации в целом основываются на влиянии некоторых механизмов, которые в различных направлениях исследований именуется по-разному, в частности, в когнитивных исследованиях называются когнитивными механизмами. [24, с. 135].

Эвфемизация представляет собой частный случай семантической деривации, который основан на оценочном переосмыслении и вторичной репрезентации исходного знания. Как отмечалось выше, в зависимости от характера исходного знания и мотивов формирования эвфемистической замены, могут быть использованы различные языковые механизмы эвфемизации: словообразовательная, паронимическая номинация, использование заимствованной лексической единицы в качестве эвфемизма, а также вторичная номинация. Именно вторичная номинация выполняет роль языкового механизма формирования эвфемистических переименований, в основе которых лежит изменение концептуального содержания.

В процессе эвфемизации исходный источник именованного обретает новое наименование, он получает свою репрезентацию за счет средств репрезентации другого содержания. Это обстоятельство позволяет рассмотреть явление эвфемии в рамках теории вторичной номинации.

Вслед за В.Н. Телия, под вторичной номинацией будем понимать использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения [112, с.129]. При этом «в качестве главной предпосылки применения вторичной номинации служит сходство денотатов объединяемых реалий; даже если оно незначительно – возможно осуществить вторичное название, которое происходит за счет установления общих (интегрирующих) признаков, позволяющих объединить определенные реалии в один класс» [24, с.8]. Применительно к явлению эвфемизации этот принцип находит свою реализацию в том,

что эвфемистическое переименование возможно лишь при наличии определенных концептуальных связей, обеспечивающих взаимодействие исходного концепта и концепта, репрезентированного единицей вторичной номинации. По мнению Л.В.Бабиной, при взаимодействии двух концептов актуализируется не только собственно лингвистическое знание, но также общее, энциклопедическое знание о мире, благодаря чему в результате процесса инференции «осуществляется вывод информации, непосредственно не представленной в концептуальных структурах, за счет чего происходит развитие концептов и создание новых смыслов» [24, с. 47]. Таким образом, новая лексическая единица не только репрезентирует исходный концепт, но и может обретать новый, дополнительный смысл.

Эвфемизмами заменяются также названия, табуизированные или архаичные, отражающие историческое прошлое народа и его языка. В этом отношении следует еще подчеркнуть, что эвфемизмы «выросли» из табуизмов, заменяя их.

Как подчеркивает А.Н.Резанова, если взглянуть особенно в прошлое, то следует указать, что имеются запреты на лексемы, дозволенные только жрецам и вождям, к числу которых относятся суеверная боязнь заклинаний, магического действия слова. Вера в магию породила молитвы, заговоры болезней, привораживания [105, с.74].

Проблема соотношения табу и эвфемизмов неоднозначна, но причинно-следственная связь между табу и эвфемизмом отмечается почти всеми исследователями. Интересно утверждение А. М. Кацева, что «эвфемия невозможна без табу, хотя табу может быть без эвфемии» [61, с. 16].

В лингвистической литературе существует довольно много определений понятия «эвфемизм».

Слова или целые выражения, которыми из этических соображений заменяют другие слова и выражения, считающиеся неприличными или грубыми, называются эвфемизмами (*греч: eipneteо* - “говорю хорошо, вежливо”). Эвфемизмы нередко скрывают или маскируют суть явления;

например: *даргузаитан* – *to pass away* – *скончаться* вместо *мурдан* – *to die* – *умереть*; *лоф задан* – *говорить неправду* – вместо *дурӯғ гуфтан* – *to tell lie* – *врать*; *болоравиш нарх* – *liberalization of the price* – *либерализация цен* – вместо *қимматишавиш нарх* – *rise of price* – *повышение цен*.

Изучение вопросов эвфемизма требует от исследователя при анализе практического материала опираться не только на эвфемистические выражения и слова-табу, но и на социально-культурное и языковое поле, на котором возникают эвфемизмы. Исследователь вынужден привлечь к анализу всю лексику без исключения, несмотря на то, что некоторые лексические элементы далеко не соответствуют культурным нормам и чужды ему самому, однако во имя точности в науке он обязан охватить и эту группу.

Современная речь имеет свои особенности развития и в настоящее время наблюдается в ней две противоположные тенденции: одна из них – огрубление речи, а другая – ее эвфемизация. К огрублению речи относится употребление грубо-просторечных и жаргонных слов и выражений.

Заметным явлением стало и то, что в использовании грубых выражений и слов, а также матерщины в последнее время наблюдается пристрастие не только мужчин, но и женщин. Матерные слова и выражения используется в основной в рабочей среде или в уличных жаргонах, включая людей занимающихся торговлей, мастеров, шофёров и т.п. В их речи чувствуется высокая степень агрессивности не только в своем коллективе, но и при общении с посторонними.

Н.С. Арапова определяет эвфемию как «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичных слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными» [16, с. 201].

А.М. Кацев полагает, что эвфемизмы – это «косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного, способствующие эффекту смягчения» [61, с. 28].

По мнению же Л.П. Крысина, эвфемию можно определить как «способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия» [70, с. 269].

Подводя итоги определениям ученых, можно заключить, что эвфемия – это коммуникативные лексические замены, вызванные эвфемизацией речи и получившие новое значение.

Эвфемизмы в отличие от обычной лексики все явления оценивают как «приличные» и «неприличные». Эвфемизмы со временем могут изменять свой статус, ибо от поколения к поколению меняются взгляды и вкус и поэтому, то, что одно поколение считает удачным эвфемистическим наименованием, другое поколение может расценивать, как невежество и грубость. Конечно же, следует учитывать и тот факт, что различается речь между носителями литературного языка от речи тех, кто пользуется в основном местным диалектом, просторечием и жаргонами.

Е. П. Сеничкина предлагает следующее определение, которое, на наш взгляд, отражает наиболее общее представление об эвфемизмах, с которым лингвисты в основном проявляют согласие. “Эвфемизм – слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести” [109, с. 5].

Л.В. Порохницкая определяет эвфемизм, как “слово или словосочетание, используемое взамен другого слова или словосочетания, которое по нравственным, этическим, эстетическим, религиозным и другим мотивам представляется неуместным в данном контексте” [103, с. 21].

По мнению Н.М. Потаповой, «эвфемизм — это единица, обладающая некоторыми основными признаками: семантической неопределённостью, отрицательной оценочной, эстетической или стилистической окрашенностью денотата, требующей улучшения, способностью создавать положительные или нейтральные коннотации вследствие своего употребления, сохранение истинности высказываний» [102, с.138].

Ю.С.Маслова дает следующее определение эвфемизма: «эвфемизмы – слова, не имеющие ярко выраженного оценочного компонента (нередко, в силу своей малопонятности для большинства населения). В качестве эвфемизмов в политике могут использоваться слова, подчеркивающие какой - либо из второстепенных аспектов понятия, научные и технические термины и другие слова, позволяющие нейтрализовать социальную неприемлемость тех или иных явлений» [88, с. 232].

Ввиду сложности самого феномена, а также принимая во внимание факт подвижности данного слоя лексики, в современной лингвистической науке нет общепризнанного определения термина «эвфемизм». Хотя приведенные определения прежде всего характеризуются общими признаками, в то же время следует отметить, что в них выделяются также разные оттенки в акцентах. При этом, одни исследователи в качестве основного, ядерного составляющего признака эвфемизма выделяют устремление не обидеть, избежать конфликта, другие – прикрыть подлинное смысловое содержание эвфемизма, а третьи – избежать запретные слова.

Имеющиеся определения эвфемизмов часто характеризуются недостаточной определенностью, конкретностью, не охватывают все аспекты и свойства эвфемизмов, прежде всего такие проблемы эвфемизмов как вопрос о ядерном критерии, установления основных признаков, распространенности и сферах функционирования эвфемизмов, а также места эвфемизмов среди однотипных или сходных языковых явлений. Решение указанных практических вопросов содействует решению проблем теоретического освоения эвфемизмов в языке и в том числе в сопоставительном аспекте. Отсутствует также единогласие в решении проблемы места и роли эвфемизмов в языке, она оценивается по разному.

Одни исследователи указывают на неактуальность употребления эвфемизмов в языке и поэтому их число в словарном составе каждого языка незначительно. Основанием для выдвижения данной точки зрения

считают процесс всеобщей демократизации языка, с которой связано в целом огрубление языка, при котором разговорная речь теряет некоторые черты ограниченного пользования и проникает в сферу других стилистических функций. Этот фактор наблюдается в проникновении лексических элементов просторечий во все сферы речи, что открывает возможность для использования прямых, грубых, порой и вульгарных выражений прежде всего в такие сферы речи, как язык СМИ и политического дискурса. Это явление в языке начинается с периода перестройки, когда действия власти и правительства не пользовались особой популярностью, что и вызвало появление эвфемизмов (*чораҳои зарурӣ* «непопулярные меры» вместо *болоравии нархҳо* «повышение цен, увеличение налогов» и т.п.).

Учитывая это, лингвисты, придерживающиеся данную точку зрения, утверждают, что в настоящее время подобные обороты и отдельные слова в сферах экономики и социальной жизни особой популярностью не пользуются [109, с. 10-11].

Исследователи, придерживающиеся точку зрения, противоположной выше приведенной, утверждает, что продуктивность использования эвфемизмов не потерпела никаких изменений, они достаточно продуктивны в языке. Такое мнение высказывается Л. П. Крысиным, который считает, что “процесс эвфемизации речи также весьма характерный для современного ее состояния”[69, с. 30].

При этом он указывает на существование двух основных сфер употребления эвфемизмов: личная и сфера межличностного общения.

Существует узкий и широкий подход к изучению эвфемистической лексики. Первый подход мы называем лингвостилистическим, а второй лингвокультурологическим.

Сторонники лингвостилистического подхода считают, что исследование эвфемистического способа номинации должно проводиться в *лексикоцентрическом* и *текстоцентрическом* словарных пространственных измерениях, при котором эвфемизмы по традиции анализируются как компоненты лексико - фразеологического корпуса и

эвфемизмы рассматриваются как производные речевой деятельности, выполняющие в речи функцию любой единицы языка. Лингвокультурологический аспект, который придерживаются сторонники широкого подхода, рассматривают эвфемию в плане референциального манипулирования, выводя на передний край прагматическое воззрение говорящего на именуемый предмет, при котором номинативно - оценочное варьирование становится предполагаемым.

При определении эвфемизмов большая часть исследователей исходит из основного семантического признака эвфемизмов – способности заменять табуированную лексику, с которой связаны такие эмоции, как страх, стыд, отвращение, негативные по своей природе.

При определении эвфемизмов большая часть исследователей исходит из основного семантического признака эвфемизмов – способности заменять табуированную лексику, с которой связаны такие эмоции, как страх, стыд, отвращение, негативные по своей природе.

Обобщая имеющуюся лингвистическую литературу, следует указать, что исследователи выделяют несколько направлений определения эвфемизмов.

И. Р. Гальперин, У. Холдер предлагают дефиниции, которые подчеркивают мягкость формы выражения, которое заменят прямое неприятного наименования.

А. Кацев, Л. Крысин, Э. Партридж предлагают определения, в которых акцентируется социальная обусловленность эвфемизмов и в связи с ней морально-этический аспект эвфемизмов.

Дж. Лоуренс и Дж. Ниман особое внимание в своих определениях уделяют на завуалированности формы эвфемизмов по определенным причинам.

Исследователи последних лет в своих определениях, прежде всего учитывают прагматический, социологический, лингвокультурологический и лингвистические аспекты эвфемизмов.

В целом эвфемизм является заменой слова или выражения грубого, неприемлемого по той или иной причине словом или выражением мягкой или завуалированной коннотации. С точки зрения диахронического подхода, явление эвфемизации многими лингвистами определялось как табу. Каждая языковая общность имеет понятия, считающиеся «неподходящими» для вежливого общения. К таким понятиям относятся понятия смерти, сексуальных отношений, физиологических процессов и т. д. В то же время коммуникативные потребности часто вынуждают использовать подобные концепты. В данных случаях вместо слов и выражений грубых или оскорбительных используются их заменители – слова или выражения, смягчающие неприятные понятия или явления. Если подобное использование становится нормативным, возникает эвфемизм. С течением времени и данный заменитель под влиянием «неприличного» концепта может получить статус табу и быть заменен другой, более «приличной» языковой единицей. Перечень исследований, посвященных анализу процессов становления и развития в языковой системе английского и таджикского языков, становится основой проведения дальнейших разработок в сфере табуированной лексики и эвфемизмов.

Одни считают, что эвфемизм – это стилистический троп, заключающийся в определенном переносе значения для украшения, придания экспрессивности речи и соотнесенный с метафорой, метонимией, литотой и т. д. (Потапова [2008]; Порохницкая [2004] и др).

Однако данная точка зрения считается оспоримой, поскольку далеко не все эвфемизмы прямо обозначают явления или предметы благодаря своей функции маскировки и затемненной семантике, особенно, если речь идет о контекстуальных эвфемизмах. Лингвисты, не согласные с трактовкой эвфемизма как лексической единицы, обращают внимание на ее номинативную функцию, направленную на установление определенной отражательной связи между лексической единицей и соответствующим предметом.

Советский лингвист В.П. Москвин при рассмотрении феномена эвфемии предлагает различать два его так называемых подвида: эвфемистическую замену как стилистический прием и эвфемизм как номинативную единицу, которая занимает определенное место в системе языка. Таким образом, эвфемизм может выступать в системной связи как: 1) фигура речи; 2) как языковая единица [89, с. 54].

Таким образом, суммируя имеющиеся определения, следует отметить, что в них отражены различные функции данного явления. Для более отчетливого понимания сути эвфемизма, исследуемые определения были проанализированы и разделены на три большие группы. Критерием служили виды функций, которые выполняет эвфемизм, отраженные в рассматриваемых определениях.

В первую группу входят определения, в которых единственной функцией эвфемизма считается смягчение грубого и неприятного:

И. Р. Гальперин: «эвфемизм – это слово или фраза, которые используются для замены неприятного слова или выражения на относительно более приемлемое» [39, с. 80].

Э. Партридж: эвфемизмы – это выражения, которые «призваны минимизировать неприятное впечатление на слушателя или возможные неприятные последствия для говорящего, если последний хочет произвести благоприятное впечатление» [158, с. 256];

Л. Крысин: «эвфемистическая замена используется в стремлении избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта» [70, с.263]

Е. Тюрина: «эвфемизмы – это мягкие и дозволенные, мелиоративно-иносказательные, а иногда и просто более приемлемые по тем или иным причинам слова или выражения, употребляемые вместо тематически стигматичного или социально некорректного antecedента, вместо слов или выражений, представляющихся говорящему запрещенными, неприличными, неприемлемыми с точки зрения принятых в обществе норм морали, или даже просто грубыми и нетактичными» [116, с. 7].

В определениях, входящих в третью группу, одной из основных признается функция маскировки действительности:

Дж. Лоуренс: «эвфемизм – та форма слов, которая (по разным на то причинам) выражает идею в смягченном или завуалированном или более почтительном виде. Причем эта смягченность иногда только кажущаяся» [135, с. 56].

Определение слова или выражения как эвфемизма зависит от коммуникативной ситуации: будет ли выражение являться эвфемистическим, определяют условности времени, тема разговора и сами собеседники. Особенно нельзя рассматривать эвфемизмы отдельно от коммуникативной ситуации, если речь идет не о традиционной замене.

На наш взгляд, разнообразие существующих трактовок эвфемии и актуальность прагматического подхода в наше время объясняется прежде всего тем, что в разные исторические эпохи предназначение эвфемизмов и причины эвфемизации различались. Изначально преобладали религиозные эвфемизмы, порождавшиеся страхом перед высшими силами. Эвфемизмы рассматривались как языковые средства, позволяющие избежать табу. В ходе исторического развития роль эвфемизмов заметно изменилась. Появляется больше сфер, где прибегают к эвфемистическим заменам. Как следствие, все реже они употребляются по религиозным соображениям и все чаще являются инструментом вежливости, политической корректности и манипуляции. В этом отношении вуалирующие эвфемизмы в языке СМИ и политическом языке характеризуются двумя аспектами, во - первых, намерениями, исходящими от говорящего при передаче информации, его мотивами и, во - вторых, восприятием собеседником адресованной ему информации, а также результат ее воздействия на него.

В ходе исследования была скорректирована дефиниция эвфемизма, взятая в качестве отправной. Прежде чем представить свою дефиницию эвфемизма и выразить свою точку зрения, необходимо отметить, что мы относимся с глубочайшим уважением ко всем существующим точкам зрения, мнениям, которые, несомненно, внесли большой вклад в

исследование эвфемии. Точки зрения, взгляды, представленные в работах исследователей, послужили стимулом к исследованию явления эвфемии и явились источником нашего понимания понятия «эвфемизм».

Анализируя различные определения и подходы к эвфемистической лексике, опираясь на работу Тюриной, было взято в качестве исходного в настоящем диссертационном исследовании определение эвфемизма, который «представляет собой элемент языка, употребляющийся вместо прямого номинанта стигматичного денотата для смягчения негативных ассоциаций у коммуникантов, квалифицированное в данном социуме или отдельным адресатом как неприличествующее, неприемлемое с точки зрения морально-этических норм, принятых в обществе с целью избегания – коммуникативных конфликтов и успешного общения, а также с целью завуалировать некоторые социально неприемлемые и неприглядные явления действительности» [116, с. 26].

Сопоставление взглядов исследователей на эвфемию показывает пестроту воззрений на эту проблему. Разнообразие взглядов на явление эвфемии, вероятно, можно объяснить самим объектом исследования, кажущаяся простота которого иллюзорна. В содержании эвфемии перекрещивается много разноплановых лингвистических и экстралингвистических проблем.

Исследователи подчеркивают наличие разногласий в интерпретации понятия «эвфемизм». Отсутствие наиболее релевантных лингвистических критериев идентификации эвфемизмов приводит к смешению эвфемизмов с другими видами перефразирования. Отсутствие общепринятой дефиниции эвфемизма обусловлено различными подходами к явлению эвфемии. Термины, относящиеся к описываемому явлению, вследствие сложности этих проблем разнообразны и многозначны.

Эвфемизмы, как особая лексическая система, чаще всего выражаются косвенными наименованиями, т. е. не всегда оказываются идентичными, так как для раскрытия значения эвфемизма иногда

требуется выход за рамки рассмотрения семантики отдельных слов, соотнесение эвфемизма с заменяемым им словом (антецедентом).

Исследователи эвфемизмов рассматривают собственно лингвистическую и экстралингвистическую сущности явления эвфемии, устанавливают влияние национально - культурных, прагматических, исторических, эстетических и других факторов на возникновение эвфемизма.

В работах Б.А.Ларина и А.С. Куркиева приняты социолингвистические гносеологические основания для классификации эвфемизмов. К условиям их возникновения относятся социальные (к примеру, период советского застоя, постсоветский период и др.), взаимоотношения между людьми, использование научной терминологии взамен дисфемических понятий [77, с.115;75, с.98].

Проанализировав вышеперечисленные определения, можно сделать вывод, что эвфемизм может рассматриваться как употребление более приемлемых слов или выражений вместо неприятных аналогов. Эвфемизмы – специальные синонимы. Они употребляются вместо слов, которые люди намеренно избегают, т.к. они являются грубыми, неприличными и невежливыми [89, с.26].

Многие аспекты эвфемии остаются дискуссионными. Так, по - разному определяются и классифицируются мотивы эвфемизации (причины замен некоторых слов и выражений эвфемизмами), имеются различные классификации способов образования эвфемизмов, нет единого мнения по вопросу о месте эвфемии среди смежных языковых явлений.

1.2.2.Сферы, функции и причины использования эвфемизмов

В лингвистической литературе уделялось внимание мотивам создания эвфемизмов и их функциям, критериям, способам образования эвфемизмов, факторам, влияющим на эвфемистическую способность слов, сферам применения эвфемизмов. Разработаны и представлены

тематические классификации эвфемизмов (Н.М. Бердова, С. Видлак, А.М. Кацев, Л.П. Крысин, Ю.В. Алексикова, И.В. Арнольд и др.).

К числу приоритетных вопросов проблем эвфемии относится определение сферы функционирования эвфемизмов. В современной науке о языке нет единого мнения по данному вопросу. Одни ученые полагают, что эвфемизмы функционируют преимущественно в нейтральном стиле (Е.Ф. Арсентьева [2012]; Л.В. Артюшкина [2001]; А.С. Куркиев [1997]). Другие считают, что эвфемизмы свойственны всем стилям языка (возвышенному, нейтральному и низкому, просторечному), всем сферам речи, включая внелитературную лексику. Вторая точка зрения является более распространенной. Эвфемистические замены образуются не только в нейтральном стиле, но и в возвышенном и сниженном. Очевидно, что в разных стилях речи эвфемизмы имеют свою специфику.

Вторая точка зрения является гораздо более распространенной, которая отражается в работах известных исследователей разноструктурных языков (Зеленин [1930]; Видлак [1965]; Кацев [1988]; Крысин [1994, 1998]; А.А. Реформатский [1996]; Маджидов [1983]; Порохницкая [2004]; Уварова [2012]; Зикриёв [1986]; Тохирова [2006]; Акбаров [2011] и др.).

Придерживаемая нами концепция эвфемии при исследовании сопоставляемых языков является опытом обобщения представлений, содержащихся в трудах большинства отечественных лингвистов-иранистов и германистов по данной проблеме. Исходя из их точек зрения, эвфемизмы существуют не только в нейтральном стиле речи, но и в возвышенном и в сниженном. Свои эвфемизмы имеет сфера внелитературной лексики. При этом немаловажным является то, что в разных стилях эвфемизмы имеют свою специфику.

Внелитературная лексика современного английского и таджикского языков – это слова и словосочетания, относящиеся к диалектизмам, вульгаризмам, жаргонизмам, арготизмам, просторечию, сленгу и др.

Е.А.Уварова в своей работе по исследованию эвфемизмов английского языка указывает на существенную особенность эвфемизмов просторечной лексики, относя к ним слова и выражения, не входящие в литературный язык, но характеризуются оттенком упрощения, грубоватости [117, с. 15].

Просторечные слова и выражения используются в литературных произведениях и разговорной речи как экспрессивные элементы. Поэтому эвфемизмы в области просторечия обладают минимальным эвфемистическим эффектом. «Просторечных эвфемизмов, которые стоят за пределами литературного языка, лучше избегать: они воспринимаются как обидные» [117, с. 18].

Просторечные эвфемизмы заменяют вульгаризмы (бранные слова, прежде всего матерную брань, и фамильярную лексику). Просторечие как разновидность национального языка находится между литературным языком и диалектом. К просторечию относят ненормированную речь городских низов, на которую оказывают большое влияние, с одной стороны, диалекты, с другой – жаргоны [117, с. 19].

Как отмечают исследователи в этом случае речь идет о городском просторечии, так как именно городское просторечие содержит большое количество эвфемизмов. Ср.: *in the lavatory* – *дар кабинет* – *в туалете* т.е. *бадраф*, *дар мабраз*. Сравните также просторечные эвфемистические названия нижнего белья: *эзорча* – *гамаши* (вместо *breeches* – *рейтузы*); *лифчик* (вместо *синабанд* – *бюстгалтер*).

В качестве причин замены и употребления подобных названий в речи носителей английского и таджикского языков предпочтительнее, следует указать на то, что они не столь прямо и, следовательно, не столь неприлично, называют указанные предметы одежды.

Кроме указанного существуют противоположные по функции и стилю слова. К ним относятся вульгаризмы, к которым обычно относят сочетания слов с яркой отрицательной оценкой. Следовательно, функция вульгаризмов в речи противоположна эвфемистической, так как они используются для выражения грубой отрицательной оценки. Напр.,

вульгаризмом является образное переносное употребление сочетания «*то мурдана нӯшидан*» в значении «*бисёр нӯшида маст шудан*»; Сравните также англ. *to become drunk* – *стать пьяным* и его русский вариант *нажраться*, который в наибольшей степени ярко выражает отрицательную оценку этого действия.

Употребляя подобные выражения, говорящий не смягчает, а огрубляет свою речь, подобными высказываниями.

Жаргонизмы также следует считать дисфемизмами, так как жаргонизмы, как правило, всегда имеют экспрессивный или отрицательный оценочный оттенок, делают речь вульгарной и грубой. Исходя из этого, эвфемизмов среди жаргонизмов нет.

Арготизмы подобно жаргонизмам также засоряют речь говорящих. Следовательно, арготизмы, применяемые в сфере литературного языка, не способны быть эвфемизмами. Однако за рамками литературного языка некоторые из них могут выполнять функцию эвфемизма.

В этом отношении знаменательно то, что определенные периоды развития общества широко воздействуют на социальные отношения в обществе и приводят к резкому изменению социальных отношений, что в конечном итоге вносит существенные изменения в языковых средствах их отражения. Языковая адаптация к изменениям в социальной сфере наиболее наглядно отразилась в период конца 20-ого начала 21-ого века, в период перехода от так называемого социалистического к так называемому рыночному отношению. О существенности данного фактора свидетельствует то, что это явление было зафиксировано в энциклопедическом словаре, как явление, значимое для данного периода развития не только российского общества, но и других бывших союзных республик. «Особенно это заметно в некогда зашифрованный язык блатных – феня, созданный для общения воровской касты, теряет свою функцию тайноречия и становится общедоступным: баксы (доллары), лимон (миллион) и многие другие слова вытесняют свои книжные варианты» [150, с. 36]. Приведенные лексические единицы именно в русском заимствовании в те же самые годы проникли в таджикский язык

и широко употреблялись в тех же значениях и в той же функциональной сфере.

Таким образом, в сфере внелитературной лексики эвфемизмами способны быть диалектизмы, просторечные единицы и арготизмы. Встречающиеся во многих теоретических работах выражения «эвфемизмы в сфере просторечия, эвфемизмы в сферы жаргонов» вызваны терминологическим неразличением понятий «просторечие», «жаргоны» и «внелитературная лексика».

Исследуя характер эвфемизмов, Л.П. Крысин отмечает: «Своеобразные функции выполняют эвфемизмы в социальных жаргонах. По-видимому, главная из них – сокрытие, вуалирование сущности обозначаемого понятия, иногда с элементами словесной игры» [71, с.78].

Конечно, если использовать классификацию внелитературной лексики, данной в «СЭС» (1985), здесь речь идёт об арготизмах.

Теряя связь с корпоративным источником и первоначальной средой обитания, арготизмы входят в состав общенародного языка. Со временем они приобретают способность использоваться в художественной литературе. Так, эвфемистическими арготизмами являются следующие слова «*чазои олий*» – вместо прямой номинации «*хукми қатл – расстрел*»; «*маводи мухадир, хокаи сафед*» – вместо «*наркотик*».

С точки зрения традиционного понимания стиля, выделяющего ряд: высокий – нейтральный – сниженный, эвфемизмы современного английского и таджикского языков свойственны всем трём составляющим.

Эвфемистический вокабуляр репрезентирует все три основных стиля: возвышенный, нейтральный и сниженный. Приведем примеры из одного лексико-семантической группы (ЛСГ).

Возвышенный стиль: «*назди худо рафтан – to depart to God – почтить в боге*» т.е. «*вафот кардан, мурдан – умереть – to die*».

Нейтральный стиль: «аз дунё рафтаи – не стать» и нафаси охирино кашидан – *to breath one's last* – сделать последний вздох – т.е. «мурдан – *to die* – умереть».

Нафаси охирина ўро ҳеҷ кас нафаҳмида монд. [183,с.124]- *Nobody attended his last breath.*

Особого внимания заслуживают эвфемизмы с иронической коннотацией. В лингвистической литературе нередко эвфемизацию связывает с иронией. Иронический компонент особенно свойствен сленгизмам, в которых общепринятое негативное отношение к денотату не отвергается грубой и циничной прямокой высказывания, а приобретает эмоциональное наслоение – шутливость, пренебрежительность и т.п. В английском языке в настоящее время широко распространен иронический эвфемизм *to enjoy her majesty's hospitality* – пользоваться гостеприимством ее величества т.е. «дар маҳбас будан – сидеть в тюрьме». В таджикском языке выражение «аз гуруснагӣ азият кашидан» шутливо заменяет глагол «аз гуруснагӣ мурдан – голодать».

Из приведенных примеров с очевидностью выявляется, что иронический оттенок эвфемизмов создается элементами книжного стиля на фоне обыденного содержания.

В плане изменения состава эвфемизмов происходит следующее. Нейтральный и низкий стили активно пополняются всё новыми эвфемизмами. Эвфемизмы низкого стиля наиболее активно «загрязняют денотат», переходят в разряд дисфемизмов. Эвфемизмы высокого стиля речи продуктивно устаревают, переходят в разряд эвфемистических архаизмов и историзмов [61, с.34].

Как уже отмечалось выше, к середине XX в. в советской лингвистике преобладала точка зрения о том, что эвфемизмы – явление отживающее. При этом приводилась следующая аргументация – эвфемизмы свойственны классовому обществу, они маскируют, камуфлируют пороки классового общества. С развитием социализма уменьшается удельный вес человеческих пороков, постепенно отживают

эвфемизмы (Кацев [1988]; Ларин [1961]; Маджидов [1995] и др.). В этом отношении существенно также замечание известного исследователя социальной стратификации языка первой половины XX в. Б.А.Ларина, который писал: «Характерным для социалистической эпохи является именно разоблачение эвфемизмов и предпочтение прямых, иногда резких и грубоватых выражений» [77, с. 113].

Укажем также на другие сферы использования эвфемизмов.

Традиционной сферой, в которой активно употребляются эвфемистические средства выражения, является также дипломатия. Совершенно очевидно, что те коммуникативные задачи, с которыми приходится иметь дело дипломатам и политикам, невозможно решить, используя лишь прямые номинации, обходясь без обиняков, намеков, недоговоренностей, камуфляжа, то есть - без всего того, для выражения чего как бы и предназначены эвфемизмы. Часто мелькающие сейчас на страницах печати и в эфире слова и обороты родились именно в дипломатическом речевом обиходе.

Появление большого числа эвфемизмов обусловлено различными действиями прежде всего репрессивными, властей: *to apprehend – to arrest* – таъхир кардан – ҳабс кардан – арестовать; *supreme measure – муҷозоти ҳукми олий* – қазои қатл – высшая мера, смертная казнь; *bringing to criminal responsibility, imprisonment* – таъқибӣ қиноятӣ – привлечение к уголовной ответственности, *аз озодӣ маҳрум сохтан* – лишение свободы, *economic or military blockade of regions and entire states* – муҳосираи иқтисодӣ ё низомӣ – экономическую или военную блокаду районов и целых государств, *impose sanctions* – применить санкции [69, с.32]. Сюда же относятся эвфемизмы, обусловленные государственными и военными тайнами и секретами, деятельностью армии, разведки, милиции, уголовного розыска и некоторых других органов власти, действия которых не должны быть "на виду".

Важнейшей сферой является сфера экономической деятельности: сфера распределения и обслуживания: *маҳсулоти серталаб, моли камёб,*

difficult, scarce – *goods of increased demand, scarce goods, deficit* – товары повышенного спроса, дефицитные товары, дефицит[5, с. 69].

Как особая сфера выделяется отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп: *aḥolī māḥallī, māḥḥōy* – *non – indigenous population* – некоренное население; *ethnic cleansing* – *поксори қавмӣ* – этническая чистка – уничтожение в том или ином районе (городе, республике) лиц, не принадлежащих к господствующей в этом районе нации;

Одним из активно обсуждаемых вопросов в современной научной литературе является целевой аспект использования эвфемизмов.

В.П. Москвин предлагает следующую развернутую классификацию функций эвфемизмов:

1. Замена точных названий пугающих предметов и явлений (например, вместо слов «*to die* – *мурдан*» используется слово «*to pass away* – *гузаитан, даргузаитан*», вместо «*tumour* – «варам» – «*growth*» – «*чабидан*»);
2. Нежелание называть что-то неприятное, отвратительное своим прямым именем (например, «*louse* – *шабушк*» заменяется словом «*insect* – *ҳашарот*», «*parasite* – *паразит*»);
3. Замена слов или выражений, которые считаются неприличными в данную эпоху и в данном конкретном социуме (например, «*to powder one's nose*» в значении «*пойти в туалет*» – «*қазои ҳоҷат кардан*»);
4. Избежание прямых наименований из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо (этикетные эвфемизмы), (например, «*You wouldn't call her a beauty* – *Ўро зебо нахоҳӣ гуфт* – *Ты бы не назвал ее красавицей*» вместо «*She's ugly* – *Ў бадҳайбат аст* – *Она уродливая*»);
5. Искажение или маскировка подлинной сущности обозначаемого (например, «*involvement* – *причастность*» вместо «*war* – *ҷанг*», «*body count* – *шумораи қурбоншудагон*» вместо «*killed* – *куштан*»);
6. Обозначение непрестижных с точки зрения данного социума профессий, организаций (например, «*vehicular consultant* – *маслиҳатчи*

соҳаи мотор - консултант по моторам» вместо «*automobile mechanic*» - механик) [89, с. 62-63].

Предложенная Л.В. Артюшкиной классификация функций эвфемизмов включает функции смягчения и функции маскировки отрицательного понятия. [22, с. 13].

При этом под функцией смягчения она понимает нейтрализацию отрицательных компонентов значения и смягчении коммуникативного эффекта высказывания из соображений вежливости, сочувствия, скромности, а к единицам с доминирующей функцией маскировки значения она относит эвфемизмы, образованные по соображениям престижа.

Л. П. Крысин в работе «Эвфемизмы в современной русской речи» выделяет 3 основных функции использования эвфемизмов: 1) смягчение грубого и неприятного для говорящего; 2) маскировка действительности, камуфляж; 3) сокрытие действительности [70, с.265].

Исследователи отмечают, что в последнее время формируется и новая функция эвфемизации речи – приукрашивание некоторых моментов действительности. Кроме того, наблюдается увеличение числа номинаций, применимых к широкому кругу вещей, о которых не хочется говорить прямо (*Old men – representatives of the senior age group – мӯйсафедон – калонсолон, шахсони сину солашон расида – старики – представители старшей возрастной группы, a problem skin – мушкилоту нӯст – проблемная кожа, the problem child – кӯдаки душвортарбия – проблемный ребенок* и т. д.).

Смягчение Л.П.Крысин относит к основной цели, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, – стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта. При этом происходит оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого осознается им как грубость, резкость, неприличие. Проявляется зависимость употребления эвфемизма от контекста и условий речи,

социальная обусловленность представления о том, что может быть эвфемизмом. В эвфемизмах этого рода иначе, в более вежливой форме – по сравнению с иными способами номинации – называют объект, действие, свойство (*hard of hearing* – *gūшаи вазнин* – *слабослышающий* вместо *deaf* – *кар* – *глухой*; *нобино* – *незрячий* вместо – *blind* – *кūr* – *слепой*) [70, с.281].

Единицы с основной функцией смягчения значения состоят из слов – табу, эвфемизмов, образованных по морально-этическим причинам (например, «*vegetative patients*» – «*беморони вегетативӣ*» – «*вегетативные пациенты*» вместо «*patients in coma*» – «*беморони дар кома афтада*» – «*пациенты в коме*»), а также эвфемизмов, образованных из желания придерживаться правил этикета («*nervous sweetness*» – «*сушти асб*» «*возбужденная слабость*» вместо «*sweat*» – «*арақ кардан*» – «*пот*»). С помощью маскировки значения заменяемой единицы, затушевываются представления о предмете, меняется знак оценки отрицательного денотата в сознании получателя сообщения. Это позволяет навязать ему точку зрения, которая выгодная для отправителя сообщения.

В этом отношении следует обратить внимание на принцип вежливости, сформулированный Дж. Личем, который он считается важным принципом, регулирующим отношения при речевом общении. Он конкретизирует данный принцип в шести постулатах [Цит. по 21. с. 27]:

- постулат такта (соблюдай интересы другого);
- постулат великодушия (соблюдай минимум удобств для себя);
- постулат одобрения (минимизируй количество отрицательных оценок);
- постулат скромности (максимально порицай себя и минимально себя хвали);
- постулат согласия (стремись к максимальному согласию между собой и другими);
- постулат симпатии (проявляй максимум симпатии к людям).

Камуфлирование существа дела к этой цели прибегают в тех случаях, когда прямое обозначение объекта, действия, свойства, по мнению говорящего, может вызвать нежелательный общественный эффект, негативную реакцию массового адресата, осуждение и т. п. Такие эвфемистические выражения в определенной степени скрывают неприятную для адресата суть понятий и действий. Камуфлирующие наименования наиболее частотны при описании неприятных социальных сторон жизни, оценка которых может быть перенесена на более высокий уровень, затрагивает престиж государства или правящего аппарата. Они широко используются в средствах массовой информации, особенно в политическом, экономическом и дипломатическом дискурсе (*neutralize, physically eliminate* – безар кардан – *нейтрализовать, обезвредить, физически устранить* вместо *kill* – куштан, нест кардан – *убить*).

Следовательно, уместно выделить функцию смягчения как основную функцию, свойственную эвфемизмам. Но иногда эвфемизмы выполняют и функцию маскировки отрицательного понятия, вуалирования сущности обозначаемого.

Л.В. Порохницкая отмечает, что до сих пор ученые не пришли к единому мнению о том, какую функцию выполняют эвфемизмы в дискурсе[103, с.56].

Согласно Е.П. Сеничкина “Характерной особенностью функционирования эвфемизмов в языке является тот факт, что с течением времени эвфемизмы, призванные “смягчить” или заменить лексические единицы с отрицательной эмоциональной оценкой, теряют свою оценочную нейтральность и требуют создания новых эвфемизмов”. Так, например, в английском языке *oldage pensioner* – нафақачӣ аз рӯи синну сол – *пенсионер по старости* было заменено *senior citizen* – шаҳрванди синусол расида – *пожилой гражданин*. Однако пожилые люди отдадут предпочтение выражениям *older adults, older people* – солхӯрда – *пожилые люди*. [109, с. 104].

Соккрытие действительности – третья цель, которая выделяется Л.П.Крысиным, преследуемая говорящими при употреблении

эвфемизмов. Она заключается в стремлении сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему. С этой точки зрения весьма характерны разного рода частные объявления, касающиеся отношений между мужчинами и женщинами. В таких случаях слова и обороты употребляются не в их словарных значениях, а в тех, которые хочет выразить адресант (*девушка ищет спонсора – looking for a sponsor* в значении 'предоставляет сексуальные услуги за деньги'). Традиционной сферой, в которой активно употреблялись и употребляются эвфемистические средства выражения, считается дипломатия. Такие популярные в СМИ слова и обороты типа "*Certain circles*" – «баъзе доираҳо», – «определенные круги», "*relevant authorities*" – "мақомоти дахлдор» – «соответствующие инстанции» и т. п. возникли именно в дипломатическом речевом обиходе [70, с.267]. Совершенно очевидно, что те коммуникативные задачи, с которыми приходится иметь дело дипломатам и политикам, невозможно решить, используя лишь прямые номинации, обходясь без намеков, недоговоренностей, камуфляжа, то есть без всего того, для выражения чего и предназначены эвфемизмы.

Единицы с доминирующей функцией маскировки значения состоят из эвфемизмов, образованных по соображениям престижа («*funeral director*» – «директори бюрои дафн» – «директор похоронного бюро» вместо «*undertaker*» – «гуркан, гурков» - «гробовщик»), а также эвфемизмов, образованных по идеологическим причинам («*downsizing*» - «сокращение штатов» вместо «*firing*» - «сабукдӯш кардан» - «уволнение») [22, с. 9].

Языковое манипулирование представляет для лингвистов особый интерес. При языковом манипулировании используются особенности языка и принципы его употребления, цель которых воздействовать на адресата в подходящем для говорящего направлении. Языковое манипулирование является скрытым информационно - психическим воздействием, которое осуществляется на трех уровнях (индивидуальном, групповом, массовом). Его целью является побудить людей к действиям, входящими в противоречие с их интересами,

воззрениями, а также системой ценностей общества и с языковой картиной мира [48, с. 33].

Под манипуляцией понимается главным образом воздействие на человека с целью заставить его сделать что-либо неосознанно или вопреки его личному мнению, желанию [115, с. 67]. Воздействие при институциональной коммуникации реализуется посредством агитаций, пропаганд, демагогий, убеждений, внушений, «пиара». Иными словами, когда отправитель использует в речи скрытые возможности языка высказывания с целью навязать адресату конкретное представление о реальности, сформировать нужное отношение к ней, вызвать необходимую адресанту эмоциональную реакцию, тогда речь идет о речевом манипулировании.

Инструментом речевой манипуляции в широком смысле выступает любой вербальный знак, который в определенном контексте и смысле может воздействовать на получателя.

Человек использует слово с целью воздействия на собеседника – осознанно или нет. При осознанном использовании языка можно говорить о речевой манипуляции в ее истинном значении, так как, в первую очередь, это действие целенаправленное. Инструменты речевого манипулирования могут выступать в виде различных фонографических и лексических средств, морфологических категорий, синтаксических конструкций. На лексическом уровне таким инструментом являются эвфемизмы [36, с. 213].

Манипулятивное воздействие эвфемизмов, направленное на сознательные и бессознательные сферы личности, реализуется с помощью специальных лексем, наполненных особой семантикой и вызывающих какие-то определенные ассоциации. Как отмечалось выше, основной признак манипуляции – это скрытый характер воздействия, при этом объект манипуляции не должен заметить сам факт воздействия. Именно таким признаком и обладают эвфемизмы. При использовании эвфемизмов реальность представляется в более

благоприятном свете, потому что эвфемизм, обладая позитивной окраской, эмоционально воздействует на получателя.

Вместо лексической единицы «*terrorist*», более подходящей по контексту, в статьях английской газеты употребляется эвфемизм «*separatist*», который по оценочному компоненту значительно отличается от *terrorist*. [142, с.259].

В данных словах сущность эвфемистической замены заключается не в том, что одно название понятия заменяет другое, а в том, что именно введения в текст другой лексемы благоприятно сказывается на получателя информации. Иначе говоря, важно не сама замена, а то, что данный эвфемизм воздействует на психологию читателей и формирует у них мнения об происходящих событиях заданного публицистическим источником.

Теперь рассмотрим следующее предложение: «Concerns over racial tensions in the north-west have increased after violence in Rochdale on Thursday night» [133, с.216]. - «Озабоченность по поводу расовой напряженности на северо - западе увеличилась после насилия в Рочдейле в четверг вечером». Хотя в этом предложении под эвфемизмом «*racial tension*» скрываются массовые волнения, серия побоев, организованные расистами, данный эвфемизм не вызывает у читателя резкую негативную оценку происходящего.

В связи с этим исследователи указывают на целый комплекс причин использования эвфемизмов: предрассудки, социальные и моральные табу, необходимость смягчить неприятное известие, использование «ученых» слов, звучащих менее оскорбительно. Данные же причины, в основном, характерны для появления фразеологических эвфемизмов.

Как свидетельствуют исследователи, в начале люди использовали эвфемизмы по причине суеверия. Поэтому появилась эвфемизация теонимов и демонимов. С развитием общества потребность в эвфемизации возникает по ряду этических причин: представлений о вежливости, деликатности, благопристойности. Основной целью эвфемизации является стремление избежать коммуникативных

конфликтов и неудач, возникновения у собеседника чувства коммуникативного дискомфорта.

При лингвокультурном сопоставительном анализе эвфемизм отчетливо репрезентирует культурные реалии, закреплённые в когнитивном аппарате носителей языка, и, как следствие, выявляет универсальное и уникальное в двух языковых картинах мира.

Кроме того, актуализация использования эвфемизмов обуславливается стержневой позицией устранения дискриминации в межкультурных отношениях по любым признакам. В данном случае эвфемизмы отождествляются с единицами политкорректной лексики, поскольку политкорректность отражает в языке преувеличенное уважение к тем или иным объектам, диктуемое прежде всего политическими факторами.

В лингвистической литературе принято разграничить мотивы эвфемии, под которыми понимаются те же причины замен одних слов и выражений другими. Следует отметить, что мотивы или причины эвфемизации в разных исследованиях устанавливаются и классифицируются по-разному.

При этом одними исследователями разграничиваются достаточно большое количество групп мотивов, другие делят всю совокупность мотивов на две - три большие группы, объединяя их по более общим признакам.

Американский лингвист Кейни предлагает следующие мотивы эвфемистических замен: вуалирование обиды, сокрытие неприятной правды, смягчение непристойности. Опираясь на данные мотивы, он выделяет 3 группы эвфемизмов: 1) эвфемизмы из приличия, 2) эвфемизмы из суеверия, 3) эвфемизмы из деликатности [134, с. 43].

Классификация мотивов, предлагаемая английским исследователем Э. Партриджем, относится к наиболее полной. В то же время следует отметить, что, на наш взгляд, эта классификация имеет существенный недостаток, так как в ней критерии выделения недостаточно четко сформулированы, а формулировки самих мотивов

эвфемизации характеризуются некоторой неотчетливостью и расплывчатостью[138, с.21].

В целом в классификации Э. Партриджа устанавливаются следующие мотивы эвфемизации:

1. Желание адаптироваться к соответствующему общему настроению, общей атмосфере, времени, места, компании. Сферой эвфемизации при этом для исследователя становятся сохранение возвышенного стиля в поэзии, при общении с детьми или с людьми из более низкой социальной группы, а также стремление избегать употребления специальных терминов, книжных или даже литературных слов в дружеском кругу.

2. Желание повысить ценность того, чем обладаешь (форма гиперболы). Например, *saloon/салон* вместо *bar/бар*; *university/университет* вместо *technical school/техническая школа*; *professor/профессор* вместо *teacher/преподаватель*.

3. Желание выказать уважение к тому, к кому обращаешься, произвести впечатление, сделать приятное или просто не оскорбить собеседника. Этим вызвано, например, употребление титулов, стереотипная вежливость в профессиональной сфере и области коммерции.

Например, *colored man/цветной* вместо *Negro/негр*; *Hebrew* вместо *Jew/еврей* и др.

4. Необходимость преуменьшить, смягчить болезненное воспоминание или трагические новости. Например, эвфемизация таких понятий как смерть, болезнь, сумасшествие, крах.

5. Существование социальных и моральных табу. Так возникают эвфемизмы, касающиеся пьянства, физиологических процессов, взаимоотношения полов и т. п.

6. Существование суеверий и религиозных табу. [138, с. 24].

Рассмотрев данную классификацию мотивов эвфемизации, в целом в некоторых работах предлагается суммировать факторы, которые обуславливают эвфемизацию:

1. Это прежде всего наличие в данном обществе определенных запретов социального, религиозного, этического, морального, и других, исходящих из языкового табу. Этот фактор называется фактором социального аспекта.

2. Другим фактором эвфемизации послужила конкретная ситуация, в которой происходило общение. Оно обусловлено коммуникативным аспектом порождения эвфемизмов.

Данная классификация мотивов эвфемизации показывает, что в явлении эвфемии выделяется четыре аспекта (социальный, морально-этический, религиозный, коммуникативный), все предметно - понятийные сферы современных табу некоторым образом упорядочены в рамках этих аспектов.

1.2.3. Соотношение понятий табу и эвфемизма

Важнейшим аспектом исследований эвфемизмов становится проблема истоков становления и формирования эвфемизмов, при котором формирование эвфемизмов связывается с таким явлением, как табу.

На раннем этапе развития общества, когда люди были зависимы от природных явлений и не могли объяснить тайн природы, различные природные явления ими соотносились с результатом действия сил злых духов и в качестве действия оберечься от них, они налагали запрет на произношение их своими именами, тем самым якобы должно было отвращать ярость, гнев злых духов. Однако, когда приходилось говорить о них, необходимо было каким - то образом упоминать их, намекать на них, важным способом при этом становилось заменять их имена другими словами, что и стало одной из главных причин появления эвфемизмов в языке. Поэтому лингвисты и сейчас называют эвфемизмами слова и выражения, употребляемые вместо запрещенных слов, «разрешенными» словами. Запрещение произносить такие слова называют «табу».

Слово «табу» объясняется как этнографическое понятие, закон, религиозный запрет, налагаемый на какой - либо предмет, действие, слово и т.п.

В научной литературе существует несколько концепций, которые призваны объяснить функционирование, происхождение и содержание табу.

Д.Д.Фрейзер выдвигает магическую концепцию, которая рассматривает запреты как отрицательную форму практической магии, отличающейся от колдовства как положительная форма магии[122,с. 248].

Известный этнограф Д. Фрэйзер указывает на исключительное влияние, которое имела древняя система запретов по суеверным мотивам на человеческий разум во все времена и во всех странах.

Л.А. Булаховский отмечает, что различные виды словесного табу наблюдаются как у крайне суеверных полинезийцев, так и у наших соотечественников, боящихся что-либо назвать, чтоб не сглазить [31, с. 265].

По мнению автора словаря эвфемизмов Р. Холдера, табу меняются от поколения к поколению (хотя некоторые из них показали недюжинную способность к сохранению). Отбрасывая, например, табу Викторианской эпохи, современное общество, в свою очередь, создает новые табу[157, с.39].

Говоря о роли табу в современном обществе, Дж. Лоуренс отмечает, что хотя многие древние табу перестали существовать в нашем обществе, современные словесные «прикрытия» просто направлены на новые табуизированные слова, фразы или идеи[135, с. 57].

Ряд исследователей считают, что термин «табу» означает запрет, наложенный на некоторые слова у первобытных народов. Такого мнения, например, придерживается ученый Б.А.Ларин. По мере развития общественного сознания происходит ограничение влияния табу на слова и действия. Ученые Крысин Л.П. и Павлова Е.К. полагают, что отдельные слова или группы слов в современном обществе

имеют устойчивую тенденцию к сохранению запретов на них, в то же время эти ограничения претерпевают изменения по мере развития цивилизации. Термин «табу» со временем стал означать запрет, распространяемый на предметы, действия, слова и жесты, характерного не только для ранних стадий формирования человеческого сознания, но и для более поздних этапов развития цивилизации [68, с. 72].

С точки зрения научного подхода табу имеет психоаналитическую, культурологическую и прочие основы и укрепляется в сознании людей различными законами, правилами, традициями и обычаями. Многие вопросы морали, религии, права непосредственно связаны с табу, которое регулирует трудовую деятельность, охраняет личное и общественное имущество, оберегает слабых, управляет построением отношений между людьми.

По мнению некоторых исследователей в табуированную лексику, являющуюся своеобразным «зонтиковым термином», входят такие языковые явления как инвективы, ругательства, а также другая лексика, которая встречается в устах определённой группы людей при особых обстоятельствах. Кроме этого, понятие «табуированной лексики» означает отношение общества к тем явлениям, которые являются референтами предполагаемых слов [61, с. 22].

Беглый взгляд на историю табу выявляет, что в первобытном обществе табу означало запрет, который накладывался на слова и действия, нарушение которых якобы вызывал гнев сверхъестественных сил и становился причиной их наказания. В таком понимании табу в настоящее время хранится только у группы глубоко верующих людей, в основном живущих племенами. Именно поэтому ученые считают, что необходимо разграничить табу как феномен прошлого и феномен настоящего. Табу как феномен прошлого связан с запретом, имеющим религиозную основу. Другой вид табу связан с социальными принципами. По мнению А.М. Кацева, эмоциональную основу для табу прошлого составляет чувство страха, а для табу настоящего – чувство стыда [61, с. 36].

В объяснении табу и эвфемизмов существуют также и другие концепции, которые представляют собой различные версии и комбинации приводимых выше концепций. В то же время все существующие концепции в объяснении табу и эвфемизмов подходят с точки зрения того, что основными табуированными категориями оказываются, с одной стороны, «запретные темы», с другой стороны, - конкретные коммуникативные партнеры. В таджикском языкознании к этой проблеме обращаются М.Мухаммадиев и Х.Маджидов.

Проблема соотношения табу и эвфемизмов неоднозначна, но причинно-следственная связь между табу и эвфемизмом отмечается почти всеми исследователями. Интересно утверждение А. М. Кацева, что «эвфемия невозможна без табу, хотя табу может быть без эвфемии» [61, с. 16].

В современной стадии динамизации языка табу используется при стремлении избежать упоминания названий физиологических отправлений и связанных с ними частей тела и предметов, при запрете на ругательства, сокращений наименований населенных пунктов и воинских частей во время войн. Цель табу – исключить из употребления не само понятие, которое остается необходимым обществу, а слово – название. Этим определяется механизм действия табу – замена названия другим или преобразование названия.

Виды и формы табу отличаются исключительным многообразием. Они регулируют трудовую деятельность, охраняют личное и общественное имущество, оберегают слабых, регламентируют особо важные события личной и общественной жизни и т.д.

Обычно оно распространяется на обращение с культово-значимыми предметами и лицами: 1) религиозный запрет у первобытных народов, налагаемый на определенные действия во избежание враждебных проявлений сверхъестественных сил; 2) запрет на употребление определенных слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими и эмоциональными факторами. Свойственное ранним стадиям развития

культуры представление о природной связи между предметом и его названием породило отождествление предмета и слова, что способствовало формированию веры в магию слова и словесное табу, т.е. запрет на употребление названий определенных предметов и явлений: названий богов, духов и демонов, смерти, болезней, многих животных, огня солнца, луны, частей человеческого тела.

Совокупность табу, налагаемых жрецами и вождями на начальном этапе своего происхождения, охватывала различные стороны жизни и распространялось табу на слова (запрет произносить имена людей, покойников, духов, богов, названия животных и пр.); на людей (женщин, воинов, правителей и др.); на тело человека и части тела; на общение, на сексуальные и брачные отношения, на разнообразные формы и виды поведения, действия обыденной жизни (обнажение лица, выход из жилища и пр.); на пищу и питье; на животных, на растения, на различные предметы и символы предметов (землю, оружие, амулеты и др.), на посещение тех или иных мест и мн. др.

Исследователи табу и эвфемии отмечают многие общие черты этих явлений у разных народов [5, с. 69]. Это значит, что эти явления следует рассматривать как универсалии не только во временном, но и в пространственном плане. На данном этапе развития общества предметно-понятийные сферы запретов в разных языках в целом совпадают, хотя имеются некоторые расхождения, связанные со спецификой национальных культур, историей, социальными и экономическими различиями.

По причине табу возникли несколько групп эвфемизмов, в целом они охватывают следующие:

а) Эвфемизмы, употребляемые вместо имен фантастических вообразяемых существ.

Сюда, к примеру, в таджикском и английском языках относят такие запретные слова, которые обозначают понятие «*дьявол*» “*devil*” в сопоставляемых языках получал такие эвфемистичные обращения, как

deuce, dickens, – *дев* – *хул, булук, албастӣ*; “*God – Dear me!*”, “*Oh, My*”, “*Good gracious!*” – *Раҳмон, Раҳим* – *бахшанда ва меҳрубон, Аузамбиллоҳ!*;

В говорах таджикского языка, особенно в говорах населения, живущего в отдалении от культурных центров, во многих городах и окрестностях севера республики вместо табуированных слов типа “*дев*” (*devil*) употребляют слово «*чиз*» (букв.: *предмет, вещи*), “*париҳо*” (букв.: *перу*), а, в южных районах Республики и среди таджиков Сурхандарьинской области Республики Узбекистан «*зиён*» (букв.: *вредный*) и т.п.

В английском языке имеет место употребление следующих слов и словосочетаний; “*lord – худованд*” (бог), “*the black man – иблис*” (черт), “*the father of lies – шайтон*” (дьявол), “*the prince of evil – шайтон, сабил*” (черт, дьявол) и т.п.

б) *Эвфемизмы, употребляемые вместо имен ядовитых (жалящих) насекомых.*

В народе издавна были эвфемизмы, заменяющие имена ядовитых (жалящих) насекомых, так как существует поверье, что если произнести название такого насекомого, то оно явится и причинит вред человеку. В таджикском языке, как в северных говорах, так и южных, используют «*газанда*» (букв.: *жалящий*) вместо «*каждум*» (букв.: *скорпион*), что означает «*кусающий*». Данное слово образовано от субстантивированного причастия настоящего времени и происходит от глагола «*газидан*» (букв.: *кусать, кусаться*); “*каждум*” (букв.: *кривохвостый*); в общем, всех кусающих и ядовитых млекопитающих, в том числе змей, крокодилов, ящериц и т.п., называют табуированными словами, то есть эвфемизмами: «*газанда*» и «*беном*» (букв.: *безымянный*).

Монанди он, ки газандае газидааст, доду фигон мекунӣ [165, с.76].
You are shouting as though you were bitten by a scorpion. Ты кричишь, как будто тебя укусил скорпион.

В английском языке можно выделить следующие примеры: *black widow* (черный паук – «черная вдова»), *deaf adder* (неядовитая змея), *bot*, *Moloch* (ящерица) и т.д.

в) *Эвфемизмы, употребляемые вместо имен хищных зверей.*

Таджики издревне занимаются животноводством и скотоводством. Сохранение поголовья скота всегда являлось первостепенной проблемой. Иногда боязнь за своих животных порождала суеверие по отношению к ним и они всячески оберегали их от хищников, к которым отнесились «*гург – wolf – волк*», «*паланг – tiger – тигр*», «*рӯбоҳ – fox – лиса*» и т.д.

Среди горных районов и ГБАО Таджикистана, а также Самаркандской, Бухарской, Сурхандарьинской областей Республики Узбекистан таджикоязычные население Республики Кыргызстан вместо слова *гург – wolf – волк* применяют слово «*чондор*» (*тварь*), а в некоторых животноводческих районах Центральной Азии, где живут вместе таджики, узбеки и киргизы, его называют «*иткуш*» (букв. *собачья птица*), а распространенное в Северном Таджикистане и Узбекистане, где компактно проживают таджики и узбеки, слово «*кацкир, кочкир*» (букв. *умеющий убежать*), также является эвфемистическим названием «волка». Причиной применения таких эвфемизмов является то, что, во-первых, в случае использования слова «*гург*» (*wolf – волк*), будто «появляется волк, врывается в стадо и наносит вред животным», во-вторых, будто «количество животных уменьшается». Сравним: у казахского народа существует такой обычай: когда выезжают на охоту, никогда не вспоминают слово «волк», чтобы охота не сорвалась»,

г) *Эвфемизмы, употребляемые вместо названий болезней.*

Существует поверье и в области медицины, где так же широко пользуются эвфемизмами. На названия многих болезней наложено табу. Например, болезнь «*қазомуқ*» (букв.: *корь*) во многих районах Республики называют «*гул/гулак*» (букв.: *цветок*, но второе слово переносное, его эвфемистическое значение «*сыть*»), среди таджиков Самаркандской области Узбекистана ее называют «*оймуммо, хоймуммо гул*» (букв.: *лунный цветок*). Во многих населенных пунктах болезнь «*чечак*» (букв.: *оспа*) – (слово тюркского происхождения) которое используется в северных районах и среди таджиков, населяющих территорию Узбекистана и Кыргызстана, его называют «*гуломмо*» или просто «*гул*».

Сибирскую язву, среди таджиков Сурхандарьинской области Узбекистана и южных районов Таджикистана, называют наряду с «*яраи ганда*» (букв. *скверная болячка*), «*яраи нагз*» (букв. *хорошая болезнь*.) Болезнь туберкулез – «*касали ўпка*» (*шуш*) (букв.: *болезнь легких*), Вместо названия болезни «*бузма*» (букв.: *дефект*) говорят «*дарди гулу*» (букв.: *горловая болезнь*), а слово «*пес*» (букв.: *проказа ложная*), называют «*сафед, сафед шудагӣ, сафед афтадагӣ*» (букв.: *белый, ставший белым, высыпала белизна*). Вместо «*кал*», употребляют слова и выражения *тоссар*», «*яраи сар/сараи яра*» (букв.: *голова в язвах*), «*одамсар*» (букв.: *лысина, плешь, лысый*), вместо «*желтуха*» (Боткина), употребляют эвфемизмы «*парвин зеркардагӣ*» (букв.: *пожелтевший, пожелтел*).

Запреты обусловлены также некоторыми приметами, физиологическими свойствами человека, болезнями, его слабостями и др. вместо прямого названия которых часто используются так называемые «ученные» слова, которые звучат менее знакомо, отсюда – менее оскорбительные, например: *over-eating – indigestion, to eat – to refresh oneself*, – *шикампарастӣ, шикамба – сустии ҳозима, шикам пур кардан - тоновул кардан «обжорство» – «расстройство желудка»* и др.

д) *Эвфемизмы, связанные с именами собственными мужа и жены.*

Что касается эвфемизмов, связанных с именами собственными мужа и жены, то следует сказать, что по обычаю таджиков и других народов Центральной Азии в дореволюционное время муж жену, а жена мужа не называли по имени, это явление в некоторой степени, и теперь встречается особенно в деревнях. Пока в семье нет ребенка, жена мужа, и муж жену зовут «*ҳой, ҳей*» (букв.: *эй, э, гей*); после появления ребенка - «*дадаш, дадеи, дадоҳомо*» (букв.: *его, её, наш отец*), «*очаи, буваи, апаи*» (букв.: *его, её, наша мать*), или именем первенца, так как называть мужа или жену своим именем считалось неприличным, неудобным, неуважительным по отношению друг к другу и не принято для совместной семейной жизни. В некоторых районах и среди таджиков, проживающих в других республиках Центральной Азии и Казахстане, вместо слова «*шӯ, шавҳар*» (букв.:

муж), употребляются слова «шарик, шерик», «ошно, рафиқ» (букв.: друг, товарищ), «он, ун, кас» (букв.: тот человек), «уртоқ» (разг., букв.: друг), «почот, язнет» (букв.: зять твой), «хўчаин» (букв.: хозяин), «ҳамсар, ҳамболин» - от глагольного словосочетания «ба як болишит сар мондан» (букв.: разделяющий подушку), «дадош» (букв.: отец его). А вместо слова «зан» (букв.: женщина), употребляют «оида» (букв.: семья), «бачаҳо» (букв.: дети), «ҳамсар» (букв.: положивший голову на одну подушку), «занаки хона» (букв.: домохозяйка), «хўчаинзан» (букв.: женщина - хозяйка), «хўчаини хона» (букв.: хозяйка дома), «ёр» (букв.: подружка, подруга жизни) [107,с.59].

Наряду с этими эвфемизмами в уважительном порядке называют муж жену и жена мужа по их занятости, профессии, должности и т.п.: «муаллим, муаллима» (букв.: учитель, учительница), «муаллим зан» (муаллим/ ийгит) (букв.: учительница женщина, учитель молодой).

е) Эвфемизмы, связанные с отношениями в семье.

Что касается эвфемизмов в семейном обиходе, то в языке женщин употребляются специальные слова и словосочетания, которые непосредственно не называют родственников мужа, его отца, матери, брата, сестры, вместо них женщины используют слова, например, неизвестные таджикам тюркского происхождения (например, в Согдийской области и таджико-населенных пунктах Узбекистана и Кыргызстана) или же диалектизмы.

Так молодые невестки и женщины, например, в Согдийской области и таджико-населенных пунктах Узбекистана и Киргизии дают братьям и сестрам мужа другие имена. Они называют их по положению в семье: «қайнӣ, ҳевар, қайнаго» (букв.: родственник, брат жены, шурин), «қайнато, хусур» (букв.: отец жены или мужа, тесть), «қайинсини, қайсингуль» (букв.: сестра мужа или жены), «афсун, авусун» (букв.: жена брата мужа. [107, с. 61].

Ин авсуни ман сояи маро аз девор метарошад.

Особую группу табуированных слов составляют лексические единицы, связанные с социальным и моральным запретами, например: *spit – expectorate, pantaloons – nethergarments, Y trousers – inexpressibles, inexplicables, indescribables, unmentionables, unwhisperables, one's mustn't-mention-'ems, one's sit-upons, drawers, pants – андомҶои таносулӣ; половые органы;*

Таким образом, табу является основным генетическим следствием появления эвфемизмов в сопоставляемых языках, хотя в истории развития общества произошли значительные изменения, приведшие к переосмыслению отношения человека к природным явлениям, к их объяснению, к трансформации места и роли религии особенно в современном обществе. Вместе с тем в языке еще сохраняются некоторые последствия явления табу – достаточно значимого для недавнего будущего человека, особенно таджикского общества.

Табу и эвфемизмы в лексической системе языка выступают как два тесно взаимосвязанных явления, которые взаимно предполагают друг друга. Несмотря на все более ограниченные проявления табу в современном обществе, эвфемизмы как следствие и результат табу занимают все большее значимое пространство. В то же время конкретное языковое отражение каждого конкретного языка в обозначении этих новаций находится в прямой обусловленности от степени воздействия поступательных тенденций на изменения структуры общества.

1.3. Общелингвистическая классификация эвфемизмов

К актуальным проблемам современной эвфемии относится проблема классификации эвфемизмов. Многие исследователи, изучавшие явление эвфемии, стремились применить по отношению к этим единицам классификацию. В то же время следует отметить, что в исследованиях не выработан единый подход к проблеме классификации. Существующие классификации существенно различаются друг от друга. Основная причина при этом заключается в том, что в основу типизации во многих

работах ставится прежде всего частные вопросы и аспекты эвфемии. При этом основные отличительные особенности типов классификации сводится к учету одного из аспектов эвфемии, По этому чаще всего классификации направлены на отражение типовых отношений в прагматическом, социальном, психологическом или чисто лингвистическом аспектах эвфемии.

Так, известный исследователь-лингвист Р.А. Будагов разграничивает группы эвфемизмов в зависимости от сферы употребления на эвфемизмы общелитературного языка и эвфемизмы различных жаргонов. Первый тип эвфемизмов призваны выполнять функцию смягчения тех слов, которые слишком грубые, например, такие слова, как *elderly people* вместо *old people*. Такие эвфемизмы, согласно автору, попадая в литературный язык, способствуют развитию его словарного состава, тем самым расширяя полисемию и увеличивая количество омонимов [30, с. 394].

Устройство жаргонных эвфемизмов абсолютно отличается, так как они используются не только тогда, когда возникает необходимость замены слов, произношение которых неудобно, но и даже тогда, когда в их употреблении нет необходимости[30, с.396].

В качестве особой группы Р.А. Будагов разграничивает контекстуальные эвфемизмы, которые он относит к более сложным единицам и которые требуют рассмотрения в контексте ситуации. Таким образом, эвфемистические субституты Р.А.Будаговым рассматриваются в обусловленности с общим смыслом, характером действующих лиц и сложностью ситуации, в которой они функционируются [Будагов, 2003].

В классификации Е.П. Сеничкиной контекстуальные эвфемизмы относятся к окказиональным [109, с.62], которые исследователь характеризует как эвфемизмы, располагающие целостными системными признаками эвфемизмов, за исключением свойства готовой воспроизводимости. Кроме того указанные эвфемизмы часто создаются на основе метафоричности и образны.

Данный тип эвфемизмов рассматривается также А.М. Кацевым, который существенным признакам окказиональных эвфемизмов относит обладание ими по сравнению с другими типами эвфемизмов большим эвфемистическим эффектом [61, с.18]. Он также указывает, что окказиональные эвфемизмы в дальнейшем своем функционировании могут влиться в состав общеязыковых, хотя в некоторых случаях могут утратить свой эвфемистический. В последствии окказиональные эвфемизмы могут переместиться в разряд языковых, но в то же время могут утратить свой эвфемистическую возможность и силу. К подобным эвфемизмам он относит слово «голубой» в значении «гомосексуалист», которое стало эвфемизмом[61, с.25].

Согласно британским и американским лексикографам к эвфемизмам относятся различные жаргонизмы, вульгаризмы, технические термины и сленгизмы. Таким образом, Дж. Ниман включает сленгизмы и жаргонизмы в свой словарь эвфемизмов, опираясь на то, что, слова и выражения, принадлежащие ограниченной профессиональной или социальной группе, для большинства носителей языка осуществляют функцию камуфлирования нежелательного предмета. Автор полагает, что в некоторых случаях носители воспринимают вульгаризмы как менее обидные и грубые, чем прямые обычные наименования. Автор называют такие лексические единицы «вульгарными эвфемизмами», например, «bums», «knocker» [137, с. 9]. Тем не менее, лексикографы не дают четкого разграничения между понятиями «эвфемия», «жаргон» и «сленг».

Х. Роусон утверждает, что эвфемизмы делятся на 2 больших групп: положительные и отрицательные. Целью положительных эвфемизмов является приумножение и преувеличение свойств предмета, наряду с этим объект эвфемизации облагораживается и становится более значимым, чем в действительности. К таким эвфемизмам исследователь причисляет необычные названия профессий, которые льстят самолюбию работников, повышая их профессиональное положение, например, слово «help» (помощник) употребляется вместо «servant» (слуга); а также слова,

выражающие личное почтение, институциональные и географические эвфемизмы. Отрицательные эвфемизмы, в свою очередь, созданы для того, чтобы приуменьшать свойства объекта эвфемизации, для защиты людей от наименования предметов, которые они предпочитают не употреблять в своей речи. Согласно автору данная группа состоит из древних эвфемизмов, возникших взамен табу на использование в речи слов, которые обозначали имена богов и сверхъестественные силы, некоторых животных, а также из современных «слов из четырех букв», появившиеся вместо неприличных слов и выражений [139,с.78].

Х. Роусоном был предложен еще один критерий для классификации эвфемизмов, критерий сознательного / бессознательного использования. К неосознанным эвфемизмам относятся слова, которые развивались как эвфемизмы, но этимологию которых в настоящее время носитель языка не осознает. Например, слово «cemetery», возникшее путем заимствования из греческого языка, употребляется вместо грубого слова «graveyard». Эта категория также состоит из обценной лексики. Например, это такие слова как «gee», «gosh», «cricket», «cripes», возникшие из-за запрета упоминать имя Бога всеу, исконное значение которых говорящий в настоящее время не понимает. Носители языка употребляют в речи осознанные эвфемизмы для того, чтобы не обидеть собеседника. Осознанные эвфемизмы могут привести к двусмысленности («double-thinking»). Недаром, словарь Х. Роусона называется «Словарь эвфемизмов и другой двусмысленной речи». Если говорящий использует эвфемизм не во избежание причинение обиды или неудобства, а для того, чтобы ввести в заблуждения, то такой эвфемизм согласно автору, переходит в группу «нечестных эвфемизмов». Например, «soft ordnance» вместо «paralm». Следовательно, к «нечестным эвфемизмам» относятся эвфемизмы из области политики и бизнеса.

Все британские и американские словари эвфемизмов построены по тематическому принципу. Лексико - семантическая классификация является перечнем предметно-понятийных сфер функционирования эвфемизмов, который варьируется от 7 пунктов у Ч. Кейни [1960], 13 у

Дж. Эйтто [2000], до 68 у Р.Холдера [2003]. Преимуществом данного типа классификаций является то, что они показывают всю широту распространения эвфемизмов в культуре, а количественный состав эвфемизмов лексико-семантических групп эвфемизмов свидетельствует о ее продуктивности в данное время. Недостатки данных классификаций: пересекаются некоторые сферы, невозможно точно отнести тот или иной эвфемизм к определенной категории.

Дж. Ниман и К. Сильвер представляют словарь, составленный по принципу тезауруса, где все слова объединены и представлены в тематических полях. Исследователи выделяют группы эвфемизмов, означающие: профессии, части тела, пороки и недостатки, болезни, физиологические процессы, смерть, преступление и наказание, отношения между полами, язык правительства, деятельность военных [Neaman, Silver, 1995].

Р. Холдер представляет свою тематическую классификацию, в которой выделяет 68 лексико-семантических групп эвфемизмов. Например, «Warfare», «Politics», «Age», «Illness and Injury», «Cheating», «Police», «Boasting and Flattery» и т.д. Эта классификация позволяет наиболее точно представить сферы употребления эвфемистической лексики, демонстрируя обилие и многоаспектный характер групп стигматичных денотатов, для обозначения которых и используются эвфемизмы. Р. Холдер, высказывает мнение, что отнесение того или иного слова или выражения к эвфемизму весьма субъективно. Вследствие чего, в словаре английских эвфемизмов Р. Холдера даже выделяется группа «неклассифицированных» эвфемизмов («unclassified entries») [157, с. 496].

Одну из наиболее обширных классификаций способов языкового выражения эвфемизации речи предлагает В.П. Москвин. Он выделяет 24 таких способа, объединяя их в три объемных группы: приемы двусмысленной речи, приемы нарочито неясной речи, приемы нарочито неточной речи [89, с.163-228].

В основе классификации В.П. Москвина лежат мотивы формирования эвфемистических выражений.

Классификация А.М. Кацева имеет другое основание, она отражает основные принципы формирования эвфемистических замен, выделяя три способа образования эвфемизмов: 1) семантические сдвиги (генерализация значения, метафоризация, метонимизация и поляризация значения); 2) различные способы изменения формы слова (звуковая аналогия, негативная префиксация и сокращение); 3) заимствования [61, с. 35-37].

А.М. Кацев в тематической классификации выделяет десять лексических групп по понятийным сферам (общеупотребительные, семейно - бытовые, профессиональные, эвфемизмы, используемые в официальных документах, политике, дипломатии и прессе; эвфемизмы социолектов) и три по характеру эвфемистического потенциала (истинные эвфемизмы, стертые эвфемизмы и истинные эвфемизмы с дополнительным стилистическим эффектом, например, с юмором или иронией) [61, с. 41-48].

Социальная классификация эвфемизмов представлена в работе Б.А. Ларина: 1) общеупотребительные эвфемизмы национального литературного языка; 2) классовые и профессиональные эвфемизмы; 3) семейно-бытовые [77, с. 114].

В классификации Л.В. Артюшкиной выделяется пять групп: морально-этические эвфемизмы; древнейшие переименования; эвфемизмы престижа; эвфемизмы этикета; идеологические эвфемизмы [22, с.11].

Кипрская, обобщая имеющиеся классификации, указывает на крайнюю обширность и многообразие лексического пласта эвфемистической лексики, что представляет возможность выделять разные классификации, основанные на различных критериях, в качестве которых она приводит следующие [64, с. 11]:

I. Эвфемизмы, смягчающие различные виды дискриминации (*old = senior, mature* и *seasoned* и др.);

II. Эвфемизмы, уменьшающие суеверный страх перед какими-либо явлениями (*moonchild – cancer, insane asylum – mental hospital* и т.д.);

III. Эвфемизмы, повышающие престиж отдельной профессии (*undertaker – funeral director; a janitor – environmental hygienist*);

IV. Эвфемизмы, отвлекающие внимание от негативных явлений действительности, а также служащие прикрытием агрессивных военных действий: *involvement* и *conflict* заменили *agression* и *war*; а *bombing-limited air strike* или *air support*[64, с. 11].

Наиболее подробное исследование проблемы классификации эвфемизмов в лингвистической литературе проведено Е.П. Сеничкиной, которая привлекает к анализу классификации на разных основаниях и систематизирует и обобщает их, указывая на следующие виды применяемых в научной литературе классификаций: уровневую; лексико-семантическую; мотивационную; классификацию по степени сложности зашифровки; морфологическую классификацию эвфемизмов. В своей работе она предлагает собственную лексико-семантическую классификацию эвфемизмов, которую в целом следует назвать тематической классификацией, так как в этой классификации выделяются тематические группы эвфемизмов. Особую группу в классификации Е.П.Сеничкиной составляют виды эвфемизмов, выделяемые на основе их современного бытования, к которым относятся: 1) деэвфемизмы; 2) исторические эвфемизмы; 3) эвфемизмы по происхождению; 4) языковые эвфемизмы, которые закреплены в языке и осознаются его носителями; 5) окказиональные эвфемизмы [109, с. 53].

Наибольший интерес вызывает тематическая классификация эвфемизмов, проведенная исследователем Л.П.Крысиным [70, с.268], который разграничивает эвфемизмы на две основные тематические: и социальные эвфемизмы. Методология Л.П.Крысина в целом ставится в основе классификации эвфемизмов в настоящей диссертационной работе.

Обилие предложенных классификаций эвфемизмов демонстрируют, насколько многогранно и разнообразно данное явление,

и помогает также подчеркнуть особую роль эвфемии в современной лингвистике.

Определенные явления и обозначающие их слова выходят из употребления, но явление эвфемии всегда присутствует в языке.

Итак, проанализировав приведенные выше классификации, приходим к выводу, что способы образования эвфемистических номинаций в английском языке весьма многочисленны и многообразны. На современном этапе развития науки о языке существует достаточно большое количество классификаций способов формирования эвфемистических выражений, в основу которых исследователи кладут различные критерии. Однако в этом вопросе до настоящего момента нет единой точки зрения. В рамках данной работы будем придерживаться точки зрения А.М. Кацева и опираться на разработанные автором классификации.

Критически рассматривая существующие классификации эвфемизмов, следует отметить, что классификация эвфемизмов прежде всего основывается на тех основных направлениях исследования, которые выработаны в истории формирования эвфемистики в современной лингвистике. Поэтому, при систематизации вопросов классификации эвфемизмов следует прежде всего обратиться к основным направлениям и аспектам исследования эвфемизмов в лингвистике. В этом отношении следует прежде всего обобщать и систематизировать те основные направления исследования, которые действовали в истории или существуют в современной лингвистике. Выше рассматривая сферы, причины и аспекты исследования эвфемизмов, мы попытались очертить их.

Вопрос системы о типах эвфемизмов и их классификации тесно связан с проблемой методов, применяемых в исследовании эвфемизмов в языке. В истории исследования эвфемизмов выделяются различные периоды, которые отличаются направленностью различных научных парадигм, в пределах которых подвергались исследованию данное явление. Ранние этапы анализа эвфемизмов охватывали прежде всего

нелингвистические, историко-философские аспекты исследования эвфемизмов, так как на ранних периодах развития науки еще не были разработаны собственно лингвистические методы анализа, поэтому эвфемизмы привлекались к исследованию в пределах научных парадигм других наук.

Собственно языковые методы начали применяться к анализу данного явления фактически начиная с середины XIX в., а наиболее активное и интенсивное применение этих методов приходится на период расцвета системно-структурной парадигмы, а позже при становлении функциональной и прагматической лингвистики.

В целом в современной лингвистической литературе следует выделить следующие общепринятые подходы к классификации эвфемизмов: лингво-психологические (в основе которых лежат психологические мотивы употребления эвфемизма); социолингвистические (мотивационные классификации); лингвистические (морфологические, синтаксические, лексико-семантические).

В зависимости от цели, преследуемой исследователями, объекта анализа, жанровых особенностей применяемого языкового материала, лексикографических источников, методов анализа и др. в исследованиях по эвфемии применялись различные типы классификации. Наиболее известными в исследованиях становились классификации эвфемизмов по социальным разрядам Крысин [1994], по тематическим блокам Бердова, [1981]; Кацев [1988], по способам эвфемизации Видлак [1965]; и др., по способам образования эвфемизмов и их функциям Москвин [2010].

В лингвистической литературе предпринимается также классификация дисфемистичных номинаций, в основе которых ставятся те же принципы, однако, так как дисэвфемизмы к активному исследованию начали привлекаться в недавнем прошлом, в их обзоре в целом преобладает тематический принцип классификации. Так, в работе Т.В.Бойко [29, с.65] представлена тематическая классификация дисэвфемистичских единиц экономической сферы функционирования, на

основе которой выделяются дисфемизмы, связанные с различными религиозными событиями; наименования смерти, болезни, физических и умственных недостатков; относящиеся к криминальной среде и связанные с экономическими и финансовыми махинациями; характеризующие имущественный статус; обозначающие пороки и недостатки экономической сферы; маркирующие политико-экономические взгляды; номинирующие природные катаклизмы в экономической сфере; маркирующие эмоциональное состояние субъектов экономической деятельности и номинации профессий / рода занятий [29, с. 68].

Важное место в систематизации и разграничении типов эвфемизмов занимают методы, на которых основывается классификация материала. В настоящей работе при классификации эвфемизмов применяется метод систематизации и компонентного анализа, которые представляют собой метод исследования плана содержания значимых единиц языка, целью которого является разложение значения на минимальные семантические составляющие. Компонентный анализ основан на гипотезе о том, что значение всякой языковой единицы состоит из семантических компонентов, и словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного (сравнительно небольшого) числа семантических признаков.

Дальнейший процесс исследования основывается на описании архисемы и гипосемы и другие семантические признаки, раскрывающие системные отношения в семантической организации семантической структуры эвфемизмов в таджикском и английском языках.

ГЛАВА II

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Системная семантическая организация эвфемизмов в сопоставляемых языках

Использование термина «поле» в языкознании отчасти объясняется распространением этого термина в физике, что находит свое отражение в некоторых определениях поля в языкознании, явно несущих на себе физический отпечаток. В физике дается такое определение данного понятия: «Термин «поле» обычно употребляется в физике для обозначения части пространства (или всего пространства), в котором рассматривается некоторое физическое явление. Так, например, температура воздуха в разных точках пространства образует поле температур, а атмосферное давление – поле давления. Явление «поле» уже давно используется также в психологии и биологии, где нередко этим понятием обозначаются периферийные явления»[30, с.346].

В лингвистике понятие поля возникает в начале XX века понятие поля (семантического) приобрело наибольшее распространение, где оно определялось как совокупность слов, обладающих общим значением [30, с.346].

Как показывает даже механизм семантических объединений эвфемизмов в английском и таджикском языках, существуют множественности системных семантических связей между единицами в языке, составляющих различные типы лексических объединений. В научной литературе по исследованию системных семантических связей и отношений между единицами языка в зависимости от способов и типов семантического объединения выделяют различные группы семантических объединений функционально - семантическое поле (ФСП), лексико-семантическая группа (ЛСГ), лексико - тематическая группа

(ЛТГ) и др. В последнее время ученые уделяют все большее внимание исследованию функционально - семантического класса (ФСК), находя в нем отражение объемных универсальных признаков системных отношений в лексике. Хотя следует отметить, что в настоящее время в научной литературе подробно описано и представлено лишь несколько функционально-семантических классов слов.

В то же время следует отметить, что, несмотря на попытки систематизировать поиски системных отношений между лексическими единицами в составе лексики, применять по отношению к ним единые критерии классификации [см. работы Филина Ф.Ф., Бабенко Л. Г., и др.], отсутствует единый подход к выделению лексико-семантических объединений.

Важную роль для понимания семантической специфики эвфемизмов играет понятие внутренней формы эвфемизма. Одной из важных функций значения эвфемизма является коннотативно-культурологическая, которая представляет собой отношение, существующее между формой языковых единиц и включенной в нее культурно значимой ассоциации.

Семантические поля обладают своей структурой. Для установления структуры семантического поля необходимо определить дифференциальный семантический признак, которым является сема – минимальная, предельная единица плана содержания. Сема – это минимальная единица плана содержания.

Структура семантического поля состоит из нескольких типов сем: из архисемы и дифференциальных сем.

Под архисемой понимается родовая интегральная сема, свойственная всем единицам определённого семантического класса и отражающая их общие категориальные свойства и признаки.

Дифференциальная сема – это сема видового значения. Их количество в семантической структуре слова может быть множественным. Поэтому дифференциальные семы выступают как видовые уточнители родового понятия, при помощи которых описываются различия единиц

семантического поля.

Кроме сем, обеспечивающих устойчивость смысловой структуры слова, в его значении выделяются контекстуальные (потенциальные) семы, которые отражают различного рода ассоциации, связанные с обозначаемым предметом или явлением, и возникают в определённых ситуациях употребления слова. За счёт контекстуальных сем в речи (тексте) создаются коннотативные смысловые оттенки значения языковой единицы, на основе которых могут развиваться производные значения [39, с.279].

Учитывая это, в современной семасиологии рассматривают организацию семантики слова как систему взаимоотношений сем трех видов. Первое место занимает ядерная (интегральная, идентифицирующая) сема, затем следует дифференциальная (разграничительная) сема и ассоциативная (потенциальная, дополнительная). Таким образом, как и в случае с иерархической организацией единиц лексико-семантической группы, семантическое значение слова можно условно разделить на ядро (центр) и периферию. Соответственно к ядру относится ядерная часть семы, к периферии – дифференциальные и ассоциативные семы.

Поскольку эвфемизмы представляют собой единицы словаря, то и в этой сфере также выделяются семантические поля. Под термином семантическое поле эвфемизмов, в данной работе будет пониматься совокупность эвфемизмов, объединенных общим нетривиальным семантическим признаком. Внутри семантического поля в составе единого рассматриваемого семантического поля эвфемизмов могут быть выделены поля меньшего размера (субполя и микрополя).

При лексико-семантической классификации эвфемизмов мы учитываем разные объемы лексических объединений эвфемизмов, типы системных соотношений между лексическими единицами, в соответствии с которыми принимаются следующая система лексико - семантическая классификация семантических объединений: лексико - семантическое поле

(ЛСП), лексико-семантическое подполе (ЛСПП), лексико-семантическая группа (ЛСГ).

Семантическое или лексико - семантическое поле в настоящей работе – это множество различных по грамматической оформленности слов, которые совпадают по соотношению с денотатом, объединяются интегральным семантическим признаком и выполняют единую семантическую функцию в речи.

При этом ЛСП эвфемизмов включает в себя слова различных частей речи, относящиеся по своему основному значению к разным ЛСГ.

В составе единого рассматриваемого семантического поля эвфемизмов (СПЭ) выделяются поля меньшего размера, к которым мы относим: ЛТГ, ЛСГ, ЛСПГ.

Лексико-тематическая группа (ЛТГ) – это объединение слов различных частей речи на основе единого интегрального семантического признака. Важнейшей особенностью ЛТГ является объединение слов на основе единого интегрального признака, в состав ЛТГ могут входить слова различной части речи, основным признаком которых становится наличие единого семантического признака. В то же время от лексико-семантического поля ЛТГ отличается объединение на тематической основе. В состав ЛТГ может входить несколько ЛСГ на основе определенного лексико-семантического признака, что позволяет иерархическая организация семантических отношений в структуре ЛТГ. Структура объединения компонентов в системе ЛТГ отражает общесемантические отношения в системе эвфемизмов группы, от ядерных элементов к периферийным на основе отражения уменьшения или преобладания дифференциального семантического признака ЛТГ. На основе отражения особенностей лексико-семантических отношений происходят и разграничения ЛТГ на отдельные ЛСГ, каждая из которых выделяется, обуславливаясь частными лексико-семантическими отношениями, организующими конкретные дифференциальные семантические признаки.

Лексико-семантическая группа – объединение слов одной части речи с общим основным компонентом значения. ЛСГ выделяется внутри семантических полей. Лексико-семантические группы включают в себя близкие по семантике лексические единицы.

Понятие «лексикосемантическая группа слов» было впервые выдвинуто В. В. Виноградовым, наряду с термином «лексико-семантическая система языка». В современной науке лингвистами исследовано немалое количество ЛСГ разных лексических единиц, особенно интенсивно идет процесс изучения лексико-семантических групп глаголов [36, с. 218].

Ф. П. Филин под лексико-семантическими группами слов понимает как собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка [121, с. 234].

Следует отметить, что ЛСГ выступает в качестве основной единицы объединения эвфемической лексики.

В признаки ЛСГ обычно включают:

а) представляет собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям;

б) складывается исторически, то есть она динамична по сути;

в) близка к тематической группе, но существенно отличается от неё.

Одним из основных методов, который широко и продуктивно применяется при анализе семантической структуры слова и установлении структуры семантической организации слова и других языковых единиц, является метод компонентного анализа. Методу компонентного анализа посвящена значительная литература, общелингвистическую характеристику этот метод получил в работах Н.Д. Апресяна [1974], Кузнецова А. М. [1971;1986] и др.

А.М.Кузнецов, один первоисследователей данного метода, который впервые в советском языкознании системно применил данный метод к исследованию ЛСГ слов (терминов родства в английском и русском языках), представляет краткую характеристику этого метода.

Метод компонентного анализа – это метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие. Метод компонентного анализа впервые был использован при исследовании лексического материала как техника описания узкого круга лексических единиц (терминов родства) в разных языках (50-е гг. 20 в.). Он основан на гипотезе о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов (сем) и что словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических признаков. Метод компонентного анализа тесно связан с системно-парадигматическими представлениями о языке, в частности с теорией поля, и может рассматриваться как расширение и углубление её теоретической и инструментально-методической базы.

Предполагается, что наиболее общие категориальные семантические признаки имеют универсальную значимость и могут быть представлены (по-разному) во многих или во всех языках.

Характер компонентного состава лексического значения зависит от степени конкретности (абстрактности) выражаемого данным словом понятия. При компонентном описании предметно ориентированных слов значительно повышается роль индивидуальных (уникальных) признаков, характеризующих только данное слово, а также возрастает вероятность совпадения содержания семантического признака слова и признака предмета, обозначенного данным словом.

2.2. Лексико-семантическая организация эвфемизмов в английском и таджикском языках

В имеющейся богатейшей литературе по исследованию табу и эвфемизма ставятся и решаются комплекс проблем, связанных с факторами становления табу и эвфемизма, их порождающим мотивам, типами и видами эвфемизмов по структуре, семантике и

функциональным особенностям и др. Наиболее развернутую и в то же время разнородную классификацию табу и эвфемизмы находят в семантическом аспекте. Семантика эвфемизмов в исследованиях разворачивается по различным аспектам.

В. П. Москвин рассматривает эвфемизмы по функциям, которые они выполняют, и выделяет так называемые функциональные типы эвфемизмов, к которым относит: 1) эвфемизмы, используемые для замены точных названий пугающих предметов и явлений; 2) эвфемизмы, используемые при нежелании назвать что-либо неприятное, отвратительное своим прямым именем; 3) эвфемизмы, заменяющие то, что в данную эпоху и в данном социуме считается неприличным; 4) эвфемизмы, употребляемые, когда говорящий избегает прямых наименований из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо. Далее Москвин выделяет «довольно значительный в русском языке пласт эвфемизмов», используемый «с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [89, с.95].

Семантическая классификация при исследовании различных семантических групп считается наиболее приемлемой классификацией в современных научных исследованиях. В то же время следует указать на разнообразие методов и приемов, допускаемых при семантических исследованиях, иногда даже при исследовании одной и той же семантической группы. Как было указано выше, в настоящее время еще существуют различные толкования одних и тех понятийных категорий. Не избежали этой участи также эвфемизмы. Среди множества классификаций, предлагаемых исследователями, на наш взгляд, наибольшей последовательностью и системностью отличается классификация, представленная русским ученым Л.П.Крысиным[69,с.35].

Л. П. Крысин, систематизируя эвфемизмы русского языка по функционально-семантическим признакам и сфере употребления, классифицирует их на две сферы. Эвфемизмы первой сферы характеризуют «личную жизнь и личность говорящего, адресата и третьих лиц» и охватывают четыре группы: 1) некоторые

физиологические процессы и состояния; 2) некоторые части тела, которые связаны с «телесным низом». 3) болезнь и смерть; 4) отношения между полами.

Эвфемизмы второй сферы называются «социальными, к которым он относит эвфемизмы, употребляющиеся в различных сферах общественной жизни и «затрагивают социально значимые темы, сферы деятельности человека, его отношений с другими людьми, с обществом, с властью» [69 с. 28-49], к которым Л.П.Крысин относит: 1) дипломатию; 2) репрессивные действия властей; 3) государственные и военные секреты и тайны; 4) употребляющиеся в деятельности армии, разведки, милиции других органов власти; 5) сфера распределения и обслуживания; 6) отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп; 7) называющие отдельные виды профессий с целью повышения их престижа.

Иную типовую классификацию эвфемизмов русского языка предлагает иранский ученый [108, с. 642]. В его классификации выделяется три основных, взаимосвязанных между собой, тематических группы, которых он именуется 1) Человек и его восприятие; 2) Устройство общества и отношение внутри него; 3) Власть и политика. Внутри основных трех групп эвфемизмов Саммани М.Х. выделяет 17 подгрупп, которые, в свою очередь, объединяют 53 микрогруппы. Автор подчеркивает, что все три группы взаимосвязаны между собой, так как часто невозможно поставить четкие границы между сферами бытования одного эвфемизма.

В целом классификации И.П.Крысина и М. Х. Саммани придерживаемся также мы при типовом разграничении эвфемизмов английского и таджикского языков, так как они в отличие от других имеющихся классификаций более подробно и объемно охватывает типовые и видовые группы эвфемизмов. При этом классификация М. Х. Саммани учитывает результаты других типовых семантических классификаций, особенно наиболее подробную классификацию, проведенную Л.П.Крысиным. Хотя она также проведена на основе

русского языка, при необходимом дополнении и определенной корректировке при учете особенностей системной структурно-семантической организации английского и таджикского эвфемизма, она может успешно применена при системной классификации английских и таджикских эвфемизмов, с учетом некоторых изменений и дополнений ее некоторыми группами и разделами и пересмотра общего и частного соотношения и уровневой позиции в системе, исходящими из системной семантической стратификации языкового материала английского и таджикского языков.

В целом предлагаемые нами дополнения и корректировка к классификациям И.П.Крысина и М. Х. Саммани исходят из учета системной организации языкового материала и установления иерархических отношений в семантической структуре системы эвфемизмов английского и таджикского языков. С этой целью мы всю систему эвфемизмов английского и таджикского языков представляем как особое функционально-семантическое поле, в структуре которого имеющийся материал разграничивается на лексико-семантические классы, лексико-тематические и лексико-семантические группы и подгруппы и микросемантические группы и определения места той или иной семантической группы в системе реализации системных семантических отношений, что отражает иерархические отношения в системе эвфемизмов сопоставляемых языков.

Устанавливаемые М.Саммани тематические группы при учете общего соотношения к иерархической организации системы функционально-семантического поля эвфемизмов английского и таджикского языков представляют собой лексико-семантические классы, которые объединяются на основе категориально-семантических признаков, отделяющих каждый семантический класс на основе специфического признака, разграничивающего их друг от друга, но объединяют на основе специфического разграничения общего семантического признака функционально-семантического поля эвфемизмов, так как каждый из семантических классов реализует один из

аспектов ядерного дифференциального признака функционально-семантического поля эвфемизмов сопоставляемых языков. Поэтому по уровневому отражению иерархических отношений в структуре функционально - семантического поля эвфемизмов в английском и таджикском языках представляют собой лексико-семантические классы эвфемизмов. Таким образом, в системе функционально-семантического поля английских и таджикских эвфемизмов выделяются наиболее крупные семантические объединения, которые мы называем лексико-семантическими классами, устанавливая при этом:

I. ЛСК эвфемизмов, заключающие личностную характеристику человека.

II. ЛСК общественно-политических эвфемизмов.

Как видно, в нашей работе при семантической классификации выделяются два лексико-семантического класса и в отличие от М.Х Саммани выделяется ЛСК общественно-политических эвфемизмов, который в свою очередь подразделяется на две тематических группы. В этом отношении предпринятая в нашей работе классификация ориентирована на семантическую классификацию Л.П.Крысина. Выделяемые М.Х. Саммани в качестве двух самостоятельных групп: 2) Устройство общества и отношение внутри него и 3) Власть и политика – по семантическому соотношению друг с другом и общему отражению иерархических отношений в функционально-семантическом поле эвфемизмов английского и таджикского языков фактически представляют собой один лексико-семантический класс, так как объединяются на основе дифференциально-семантического признака «структура общества», разграничиваясь характеристикой данного признака семантическими признаками «Структуры социальной организации общества» и «Политической структуры общества», что становится основанием подразделения данного лексико-семантического класса в нашей работе на две лексико-тематических группы: ЛТГ «Социальная структура общества и отношение внутри него» и ЛТГ «Политическая структура общества».

I. ЛСК эвфемизмов «Человек и его личностная характеристика» в сопоставляемых языках

ЛСК «Человек и его личностная характеристика» многополярен по своей семантической структуре. Дифференциальный семантический признак ЛСК эвфемизмов «Личностная характеристика человека» объединяет семантически разнородные и разнонаправленные по своей характеристике категориальные понятия в группах эвфемизмов, структурированные на основе нескольких семантических признаков и реализуемые в различных лексических единицах. В целом они структурируются посредством различных дифференциальных семантических признаков и организуют лексико-семантические группы:

I. 1.ЛТГ эвфемизмов «Анатомия и физиология человека»

Функционирование эвфемизмов данных ЛТГ детерминировано общечеловеческими элементами морали. Следовательно, в таджикском и английском языках обнаруживается приблизительно аналогичная тенденция.

ЛТГ эвфемизмов «Анатомия и физиология человека» включает эвфемизмы, связанные с анатомической и физиологической характеристикой человека. Объектами эвфемизации при этом являются ниже приводимые лексико-семантические группы эвфемизмов, включающих название частей тела человека, наготу, названий физических отправлений, а также эвфемизмы заменяющие названия некоторых физиологических процессов.

ЛСГ «части тела» выделяется как особая группа эвфемизмов, заменяющих «наименования частей тела человека». В эту группу входят соматизмы, которые по определению Л.П.Крысина заменяют названия «телесного низа». В настоящей работе сюда включаются также некоторые другие, которые объединяются на основе ядерного

дифференциального семантического признака. В зависимости от конкретной реализации названий эти соматизмы подразделяется на несколько лексико-семантических подгрупп.

ЛСГ эвфемизмов, охватывающих слова-названия половых органов

Эта группа эвфемизмов дает вторичное название определенным частям тела, которые Л.П.Крысин называет связанными с «телесным низом». Объекты этого рода таковы, что и прямые, и эвфемистические их обозначения в бытовой речи воспринимаются большинством как не вполне приличные, например, просторечные и жаргонные обозначения мужских и женских половых органов среди медиков, как известно, для этих целей используется латынь.

В сопоставляемых языках при обозначении мужского и женского половых органов широко употребляются эвфемизмы, которые по семантическим признакам в работе приняты подразделять на подгруппы:

ЛСПГ эвфемизмов-общих названий половых органов: *genitalia, genitals, genital organs, sex organs, externalia* – внешние, наружные *genitals; genitalia, crotch* – промежность; *gonads* – гонады; *groin, private parts / privates* – интимные места; *intimate parts* – интимные места; *Between the legs*, – *ин, зери ноф, узви таносул, олот, зери ҳар чӣ, ҷойи шарм* – между ног, область бикини (половые органы) и др.

ЛСПГ эвфемизмов обозначения полового органа у женщин.

Вместо названия женского полового органа *к...с* в таджикском языке принято использовать синонимы и эвфемизмы: *фарҷ* (араб.), *он* (эвф.), *гилоф* (эвф.), *сурох* (эвф.), *модагӣ* (эвф.), *зери ноф* (эвф.), *он* (эвф.) др.; ЛСПГ эвфемизмов женские половые органы в английском языке охватывает – *beaver* - бобер, *vulva* - вульва, *snatch* – букв. «кусочек», *privates pudendum* - приватные женские половые органы, *fanny, female genital organs, muliebria* - органы женских половых органов;

ЛСПГ эвфемизмов обозначения полового органа у мужчин. В таджикском языке вместе слова *к...р* используются следующие синонимы и эвфемизмы (как исконных, так и арабских): *закар* (араб.), *пара*

(тоники), *узви таносули мардона* «мужской половой орган» (медиц.), *мардӣ* (эвфемизм), *тир* (эвфемизм), *шер* (эвфемизм), *шамшер*, *олот* (эвфемизм) и др.; *a real battleaxe* – реальный боевой топор, *male genital organs* – мужские половые органы, *virilia* – верилия; *internal organs (eggs)*; *glamor models (models with bare chest)* – мақомоти дохилӣ (тухмакҳо); *шефта-моделҳо* (алларҳо) – внутренние органы (яйца) и др.

ЛСГ эвфемизмов, охватывающих слова-названия других органов.

Сюда мы включаем две ЛСПГ:

ЛСПГ эвфемизмов, обозначающих названий ягодицы. В английском языке понятие *ass* заменяется эвфемизмами: *foolish; silly, buttocks, madam I sit, the fifth point* и др., кроме них в английском языке объектом устного речевого производства являются *bum* – задница; *tush or tushy* – *bottom* – низ; *posterior* – зад, задняя часть, *rump* – зад, *heinie* – заканчивающееся сзади; *keister* – задница; *booty* – попа; *derriere* – задница; *seat* – то на чём сидят; *tail* – хвост; *fundament* – фундамент; *backside* – зад; *rear* – зад; *behind* – зад; *caboose* – камбуз; *thang, runka* – зад и др.

Чтобы не вызывать отрицательный эмоциональный настрой. вместо *к.н* в таджикском языке используются *сурин, лунҷ, ҷои нишаст, банди панҷум, тағ, поён, тарҳи поён, зери ҳар чӣ* и др. - ягодицы, мадам Сижу, пятая точка (задница);

ЛСПГ эвфемизмов, обозначающих «женскую грудь». В английском языке эту ЛСПГ организуют достаточно большое количество слов заменителей: *boobies* – бубсы, *bosom* - то, что находится за пазухой, *chest* – грудь, *bust* - бюст, *tits* – сиськи, *titties* – титьки, *gazongas, ta-tas, jumblies* - то, что пышное и трясётся, *cannons* – пушки (которые стреляют ядрами), *melons* – дыни, *jugs* – горшочки для тушения мяса, *hooters* – сирены, *peaks* – вершины, *knockers* – то, что постукивает, *honkers* – клаксоны, на которые можно надавить, *puppies* – щенки, *boobs* – бубсы, *breasticles* – круги на груди, *chesticles* – круги на груди, *headlights* – дальний свет, *rack* – вешалка, *mountains* – горы, *balloons* – баллоны, *twins* – близняшки, *tig bitties* – молочные, *mammaries* – железы, *tatties* – титьки, *tats* – титьки,

bazookas – базуки, *guns* – пушки (пистолеты), *cans*, *can-cans* – банки, *yum-yums* – нечто соблазнительное.

В таджикском языке меньше по численности, в то же время следует отметить, что в этой системе встречаются также меньше слов просторечного свойства, что имеет лингвокультурологическое свойство: *анор*, *гули нор*, *гуланор*, *чи-чи*, *чичиш*, *себ*, *себак*, *себча* и др.

ЛСГ эвфемизмов, обозначающих наготу, составляет особую группу эвфемизмов состояния или действия из области физиологии. ЛСГ эвфемизмов, использующихся для обозначения нагого человека, в сопоставляемых языках представлена неоднозначно. В английском языке она охватывает большую группу эвфемизмов, как отдельных слов, так и словосочетаний свободного и фразеологически связанного свойства. Это следующие: *to pay a call*, *a call of nature*, *in the straw*, *in a (the) family way*, *in nature's garb*, *not a stitch on*, *in a state of nature*, *in one's skin* и др., которые в семантическом плане для прикрытия отрицательного воздействия денотативного значения «нагота», открытое произношение которого в обществе неприлично, недостойно, охватывают такие семантические приемы, как сравнение с новорожденным, с Евой, естественным существованием, состоянием, или использованием некоторых сатирических образов. Эта группа в английском языке включает также эвфемизмы *flasher* от глагола *to flash* – быстро промелькнуть в значении «человек, появляющийся на людях в неприличном виде» и *streaker* в том же значении от *to streak* – «проноситься, быстро мелькать» с дериватами *to streak* – «проноситься на людях в голем виде» и *streaking* – «бег в голем виде».

Некоторые эвфемистические единицы в английском языке полисемантчны, к примеру *not (without) a stitch to one's back* употребляется в значениях: 1. абсолютно голый; 2. очень бедный; эвфемизм *bottomless* – бездонный также имеет два значения: 1/ «совершенно голый», 2/ «выступающий на экране в голем виде»; отсюда *bottomless bars* – «бары, где танцуют в голем виде», *bottomless dances* – «танцы нагишом» и т.п.

В таджикском языке данная ЛСГ охватывает некоторое количество слов, в основе которых семантическая эвфемизация в целом связана с семантическим признаком «природное естество», «сравнение с новорожденным»: *луб-луч, лучи модарзод, дар ҳолати табиӣ* – в одеянии природы и т. д.

ЛСГ «**Физиологические отправления**» включают эвфемизмы с такими действиями, как рыгание, сморкание, рвота, испражнение, мочеиспускание и др., на основе которого она подразделяются на несколько ЛСПГ.

ЛСПГ эвфемизмов для обозначения туалета и похода в него.

ЛСПГ эвфемизмов, обозначающих «туалет». В сопоставляемых языках для обозначения данного заведения характерно использование шуточных образов для обозначения туалета. В таджикском языке к ним относятся *ҳочатхона, мабраз, халочо, бадрафт, кабинети Хрущев* и др. В английском языке данная ЛСПГ охватывает *what-do-you-call-it - мужская /женская/ комната», «chic sale/s/»* (букв. «шикарная продажа/продажи») – этимология связана с именем американского юмориста Chic /Charles/ Sale), *restroom, WS, toilet* и др. В то же время следует отметить, что для английского языка разные авторы дают обширнейшие ряды со значением «*lavatory – туалет*»: *Mrs. Jones's Place – ҷойи хонума Ҷонс – место миссис Джонс; Old Soldier's Home – хонаи сарбози тир – дом старого солдата; Poet's Corner – гӯшаи хилвати шоир – уголок поэта; the throne room – ҳуҷраи тахт – тронная комната; the Chamber of Commerce – палатаи савдо – торговая палата; «the little house – ҳавлии хурд – маленький дом; my aunt's closet – қазноқи холаам – чулан моей тетушки.* Более широко распространены также *the smallest room – аз ҳама хонаи хурдтарин – самая маленькая комната; john – ҳочатхона, мабраз – туалет, ladies and gents – хонумон ва чанобон – леди и джентльмены.*

В работах Э. Партриджа, Ч. Барбера, Дж. Лоуренса возникновение этих эвфемизмов не датируется, и большинство из них едва ли можно считать неологизмами.

ЛСПГ эвфемизмов, обозначающих «поход в туалет». Вместо этого неприличного и приниженного действия в обоих языках употребляются эвфемизмы. В таджикском это деликатное действие скрываются эвфемизмами: *берун рафтан, беҳамрагӣ кардан, ҳочат қазо кардан* (освободить кишечник), *ҳочат, давидан, қарзи ҷоя додан, рафта омадан, сайли дашт, дашт рафтан, бадрафт рафтан* и др.- сбегать.

В английском языке используются *to go into retreat* (букв. «идти в отступление»), *to go and feed a dog /the goldfish/* (букв. «идти и покормить собаку/золотую рыбку/»), *to go and mail a letter* (букв. «идти и отправить письмо»). В дополнение к дефиниции *show me the toilet* (букв. «покажите мне туалет») ФЭ *to explain the chain* в словаре «Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms» имеет пояснение: «... шуточный и остроумный способ попросить хозяина или хозяйку показать гостю туалет и объяснить, как им пользоваться» [136, с. 65].

В английском языке кроме указанных эвфемизмов - общих наименований широко употребляются эвфемизмы, замещающие слова для *urination* (мочеиспускания) и *defecation* (испражнения). В связи с тем, что указанные эвфемизмы в английском языке многочисленны, в работе они выделяются в особые ЛСПГ.

ЛСПГ эвфемизмов, заменяющих слова для *defecation* (испражнения)

number twos – номер два, *drop a deuce* – бросить кости (игральные), *bowel movement or – VM* – пошевелить кишками, *droppings* – небольшие предметы, которые упали, *dung* – удобрять, *poop* – как вариант роор или *poopie* (какашка) *tool* – стул, *take a dump* – сделать кучу, *pinch a loaf* – груб. сузить батон, *pump a duke* – надуться, как герцог, *drop trout* – уронить форель, *go fishing for brown trout* – пойти на рыбалку за коричневой форелью.

В английском языке некоторые эвфемизмы данной ЛСПГ гендерно-маркированы, их употребление характерно для женской речи. В эту группу входят эвфемизмы, употребляемые женщинами при необходимости выйти в уборную: *to powder one's nose* попудрить носик, (мужчины не пудрят нос), *to fix one's face* (поправить макияж): *Jennifer*

nudged her and stood up: "I think it's time to powder our noses. Come on, Ann!". - Дженнифер подтолкнула ее и встала: "Я думаю, что это – пора попудрить наши носы. Продвиньтесь, Энн!"

ЛСГ эвфемизмов - наименований, относящихся к сфере некоторых биологических состояний. ЛСГ охватывает эвфемистические наименования с ядерным дифференциальным семантическим признаком наименований физиологических процессов: включающих эвфемизмы, связанные с анатомической и физиологической характеристикой человека.

Физиологические функции человеческого организма, состояние беременности считаются неприличными или «недостойными, чтобы о них говорить» в приличном обществе согласно моральным принципам, существующим в данном обществе.

Эвфемизмы данной группы относятся к сфере частной жизни и личности говорящего, адресата и третьих лиц. Поэтому преимущественной сферой их употребления является разговорная речь, ограничиваясь именованнием понятий, связанных с областью анатомии и физиологии человека. Исходя из этого, в некоторых исследованиях они называются бытовыми.

В обоих языках прежде всего они охватывают биологические состояния женщин.

ЛСпГ эвфемизмов, обозначающих понятие «девственности». В таджикском языке понятие «девственности» обозначается эвфемизмами *бакорат, духтарй, душизагй, покдоман* и др.

Фактически эвфемизмами являются также все слова, обозначающие это понятие в английском языке. К общей лексике для обозначения этого понятия в английском языке относятся – *virginity, chastity*.

Юридический словарь английского языка для понятия девственность устанавливает так же *chastity*.

В биологическом словаре английского языка девственность переводится как *maidenhead, virginity, innocence*.

ЛСПГ эвфемизмов, обозначающих понятие «менструация». Понятие в таджикском языке обозначается словами *хайз, касалии занона, моҳона* «менструация».

В английском языке для обозначения этого понятия употребляется лексика, характеризующая его как физиологический процесс: *Regular, period; menstruation; мн. menses, monthlies, monthly, critical days, female ailment periodicity, turns, menorrhea, period monthly sickness* – регулы, месячные, критические дни, женское недомогание (менструация).

ЛСПГ контрацепция: *condom, sachet, elastic band* - *рифола, болиштӣ, резинка (рифола)* – кондом, пакетик, резинка (презерватив);

ЛСПГ эвфемизмов, обозначающих понятие «беременность». ЛСПГ эвфемистических наименований с ядерным дифференциальным семантическим признаком «беременность» в таджикском языке привлекает следующие эвфемизмы для своего наименования: *ҳомила, ҳомиладор, дучон, дучон шудан, вазнин, гул дар ру афтидан, умедвор, бордор, аз моҳаи гузаштагӣ, дар танаи бача ҳаст* (быть в положении) и др., которые употребляются в качестве замены слова *буғуз* (беременная).

В английском языке при номинации состояния беременности употребляются общая нейтральное слово *pregnancy* «беременность», которое заменяют словосочетания эвфемизмы *to be pregnant* – *беременная, in a delicate way* «в деликатном положении», *to be in the delicate condition* (букв. «в деликатном состоянии»), *lady-in-waiting* «Дама в ожидании», *to be expecting a baby* (быть в ожидании ребенка), *in a family way* («в семейном положении»), *to have bun in the oven* («иметь булочку в духовке»), *in the straw, to be big with a child, badshape* – будущая мать»;

Ин зани Шодӣкул дар танаи бача будааст, ки ин қадар хоб меравад[166, с.59]. – *Shodikul's wife is obviously expecting a baby so she sleeps much.*- Жена Шодикула очевидно ждет ребёнка и из-за этого она много спит.

Ў мехост, ки ин махфӣ бимонад, лекин ягон шубҳае набуд, ки ӯ ҳомиладор буд[171, с.83]. -*She tried to hide it but there was no doubt that she*

was in a family way. – Она старалась скрыть это, но не было никаких сомнений, что она в положении.

Функционирование эвфемизмов ЛТГ анатомии и физиологии в сопоставляемых языках детерминируется общечеловеческими элементами морали. Следовательно, в таджикском и английском языках обнаруживается приблизительно аналогичная тенденция эвфемизации названий частей тела а также некоторых физиологических процессов и действия. В то же время следует отметить, что в английском языке указанная сфера эвфемизации намного шире, чем в таджикском языке, что, на наш взгляд, обусловлено лингвокультурологическими свойствами действия процесса эвфемизации в указанных сферах функционирования. В отличие от английского языка носители таджикского языка к указанным сферам эвфемизации не проявляют излишне большого интереса, относятся более сдержано. Исходя из этого, эвфемизмы в таджикском языке в целом охватывают сферу действия литературного языка. Поэтому в этой системе в таджикском языке фактически не представлены слова грубо-просторечного. В английском языке выявляются эвфемизмы, которые охватывают все сферы функционирования языка, как литературного языка, так и просторечия, даже жаргонного свойства и сленга.

1. 2. ЛТГ эвфемизмов названий болезней

ЛТГ эвфемизмов названий болезней также проявляет некоторую иерархическую организацию на основе лексико-семантических отношений и особых дифференциальных семантических признаков. При учете выявляемых отношений в системе данной тематической группы выделяются нижеприводимые ЛСГ эвфемизмов.

ЛСГ эвфемизмов-названий болезней, часто звучащих в языке врачей. Врачи часто прибегают к латинским названиям болезней или используют особые медицинские термины. При выражении состояния болезней, смерти и традиций, связанных с ними, их названия

сопровождаются словами, призванными утаивать основное понятийное значение слова: *Surgical intervention (operation); Autopsy (autopsy); Progress (amplify «about the disease»), amputation (clipping of a body, limb or parts thereof)* - даҳолати ҷарроҳӣ (амалиёт); аутопсия (кушодани ҷасад); хурӯҷ кардан, қувват гирифтан, қавитар гаштан (хурӯҷи беморӣ), ампутатсия (буридан аз бадан, дасту по ё қисмҳои онро) - хирургическое вмешательство (операция); аутопсия (вскрытие трупа); прогрессировать (усиливаться «о болезни»); ампутация (отсечение какого-л. органа, конечности или их частей).

ЛСГ эвфемизмов, обозначающих болезни: *Oncological disease, cancer, bad disease, bad disease (cancer); Neoplasm, malignant tumor, volume formation (cancer tumor); Botkin's disease (viral hepatitis A);* - бемории онкологӣ, саратон, бемории (касалии) бад (саратон); варами ашадӣ, ташаккули ҳаҷми варам (варами бадсифат); зардпарвин, гепатит, Боткин. Касалии Боткин (гепатити вируси А) - онкологическое заболевание, канцер, дурная болезнь, нехорошая болезнь (рак); злокачественная опухоль, объемное образование (раковая опухоль); болезнь Боткина (вирусный гепатит А), а также *Big C, CA – касалии С, СА, tbc – касалии шуш* вместо «туберкулёз», *натичаи марғбор* - «летальный исход» вместо «смерть»; *tumor, New growth* «новообразование» вместо «опухоль», *malignant* - злокачественное новообразование и др.

Эвфемизмы, которые употребляются для обозначения болезней в сопоставляемых языках, прежде всего, представляют собой термины, в большинстве - медицинские. За медицинскими терминами нередко стоят понятия с крайне не положительным смыслом. Чтобы эти слова не причиняли слушающим слишком сильного стресса, вместо них используются эвфемистические замены: *terminal Home* (богадельня) - *hospice, insane. Asylum* (психиатрическая больница) - *mental home or mental hospital, communicable disease* вместо «venereal disease» - бемории венерологӣ, *immuno-compromised* – норасоии иммунологӣ. Используются так называемых «ученые» слова, которые звучат менее знакомо, отсюда

и менее оскорбительно, например: «*over-eating*» — «*indigestion*», «*to eat*» — «*to refresh oneself*» - зиёдхӯрӣ - *систии ҳозима, хӯрдан - тановул кардан* - переедание - расстройство желудка, есть - освежиться.

There they've got an out of hospital survival rate of more than 50% for sudden cardiac incidents but here it only ever goes up to 25%, depending on where you are in the country [Guardian, 17.03.14].

Эвфемизации подвергаются прямые наименования болезней, особенно смертельных. В древности болезни представляли собой нечто сверхъестественное, поэтому люди избегали прямого наименования. В настоящее время благодаря достижениям в медицине и развитию сложных технологий многие неизлечимые болезни прошлых веков, которые смели с лица Земли целые народы стали излечимы, но, тем не менее, все еще есть болезни, перед которыми медицина бессильна. Люди заменяют названия таких болезней эвфемизмами, чтобы проявить тактичность со своей стороны.

I. 3. ЛТГ эвфемизмов, связанных понятием смерти

Концепт «смерть», так же как и «жизнь», выделяется своей универсальностью и значимостью не только для представителей отдельной культуры, но и для мирового сообщества в целом. Сами лексемы «жизнь» и «смерть», а также их производные, широко используются для обозначения явлений, не связанных напрямую с реалиями жизни и смерти. в сопоставляемых языках

Традиционно у многих народов не принято говорить о смерти напрямую. Как отмечал А.А.Реформатский, вместо *умереть* существовали эвфемизмы *отправиться к праотцам, отдать богу душу, приказать долго жить*, а также употреблявшийся в более позднюю эпоху эвфемизм *скончаться* [106, с. 104-105].

В англоговорящих странах тема смерти является слегка табуированной. Глаголу *die* предпочитают следующие эвфемизмы: *to decease, to pass away, to join the majority (better, silent)*.

То же самое касается таджикского языка, в котором вместо *мурдан* приняты эвфемизмы *ҷон супурдан, гузаштан, дунёро тарк кардан, ба хоби абадӣ рафтан, абадӣ чаши пушидан* и др.

Как показывают проведенные исследователями эксперименты, концепт «смерть» по сравнению с концептом «жизнь» более универсален. Возможно, это объясняется тем, что само явление жизни многограннее в своих проявлениях, что и порождает разнообразие оценок и мнений

Темы смерти и похорон, если эти события актуальны (либо совпадают с моментом речи, либо отделены от него небольшим промежутком времени), вербализуются почти исключительно с помощью эвфемизмов.

Рассматриваемая ЛТГ эвфемизмов со значением «умирать. умереть» является достаточно многочисленной вследствие того, что концепт смерти находит свое выражение во всех языках. В английском языке ЛТГ «смерти» *to pass away, to rest in peace, to breath one's last breath, to push up daisies, deceased, to kick the bucket, to go west, to hop the twig, to go the way of all flesh, perished, Grim Reaper, to go beyond the veil, to join the majority, to depart, to be no more, God's acre, to be gone, to give up the ghost, to throw up the sponge, to go one's own way* и др.

Многочислен данный ряд также в таджикском языке: *бандагӣ кардан; бо олами ҳастӣ надруд гуфтан, бо олами ҳастӣ видо кардан, аз олам рафтан, ҷон ба худо супордан, реҳлат(и абадӣ) бастан, вафот кардан, аз олам чаши пушидан, ҷон ба Ҷаббор супурдан, ба гулчинӣ рафтан, нобуд шудан, марҳум шудан, қазо кардан, (аз олам) чаши пушидан, аз дунё чаши пушидан, ба хоби абадӣ рафтан, риштаи умр канда шудан, гузаштан, раҳти умр бастан, рӯзи касе пур шудан, бар лаби гур по ниҳодан, паймонаи умр пур шудан, ба мазори пок рафтан, хок кашидан, ба селоби фано гарқ шудан, сафари охират, ба даргоҳи иллоҳӣ мақтул шудан, шаҳид шудан* и др.

Эвфемизмы данной группы основаны на различных образах, значительная часть таких образов является возвышенной. Религиозные и

моральные факторы являются главной причиной появления таких эвфемизмов. Желание не задевать чувства человека, который понес большую утрату, выражение вежливости – все это представляет собой эмоциональную базу эвфемизмов, обозначающих смерть.

Ряд единиц основан на «традиционных» образах, очень незначительное количество эвфемизмов данной группы «используют» образы, которые могут вызвать шутовское и даже ироническое отношение.

Среди эвфемизмов, обозначающих смерть и связанные с ней явления, в таджикском и английском языках имеется определенное количество устаревших единиц: *to hump it, to go corbie* – умереть и др.; *реҳлати абадӣ* помечается в словарях как устаревшее в значении "смерть" и принадлежит высокому стилю. Выбор его в определенном контексте естественно мотивируется лексическим окружением.

В результате компонентного семантического анализа в сопоставляемых языках были выделены несколько лексико-семантических групп данной лексико-тематической группы. Значительное количество эвфемизмов, показывающих важность концепта «смерть» как в английской, так и в таджикской языковой картинах мира, дало достаточный материал для выделения нескольких типов ЛСГ.

ЛСГ общее название смерти. Таджикский язык включает *марг, вафот*, вместе которых употребляются эвфемизмы: *реҳлат*,

Лексико-семантические группы эвфемизмов, как в английском, так и в таджикском языке выделяются на основе идео-стилистического противопоставления:

ЛСГ межстилевых фразеологических эвфемизмов.

Межстилевые составляют: только эвфемизмы со значением «умирать, умереть», например *to call off the bets, to stand before one's Maker, to talk to the old gentleman, to wing one's flight from this world* – *ҷон додан, ҷон сунурдан, ба он дунё сафар кардан, ба ҳақ таоллоҳ ҷон сунурдан* – отправляться к праотцам, отдавать богу душу, отправляться на тот свет,

уходить в лучший мир, испустить дух и др., и эвфемизмы с дополнительными семами в сигнификативно-денотативном компоненте фразеологического значения: *to go right* – *паридан* – умереть и отправиться на небеса, *to put in one's ticket* – «умереть», *to take home* – *бо марги худ мурдан* – умереть от естественной причины; *чон қурбон кардан*, *қурбон шудан*, *сар сунурдан*, *чон фидо кардан*, *чони худро дареғ надоштан* – умереть в бою, погибнуть в бою, в сражении и др.

ЛСГ эвфемизмов в английском и таджикском языках составляют единицы, которые основаны на разных образах и имеют разную стилистическую окраску: *to go to west* (разг.), *to go the way of all flesh* (книжн.), *to kick the bucket* (жарг.) – *реҳлат кардан*, *чома бадал кардан* – умереть (о смерти пророков и имамов), *пой дароз кардан*, *протянуть ноги* (прост.), *паридан* (букв. улететь) (прост.).

Следующую ЛСГ составляют эвфемизмы, относящиеся к разным семантическим и функционально-стилистическим областям: *to throw up the sponge* (шутл.), *to go beyond the veil* – *марги чонгудоз қабул кардан*, *сар сунурдан* – *принять мученический венец*, *аз дами тег гузаштан* (лит.).

ЛСГ эвфемизмов функционально-профессиональных сфер. Лингвокультурологически значимы для отражения понятия «смерть» его эвфемическая вербализация в различных функциональных сферах. Эта сфера воспринимается нами как особая лексико-семантическая группа – ЛСГ эвфемизмов функционально-профессиональных сфер. Необходимо указать на некоторые наиболее популярные из них.

ЛСГ эвфемизмов медицинской профессиональной сферы. Особо выделяются эвфемизмы, обозначающие понятие «смерть» в медицинской профессиональной сфере. В речи медиков в разных случаях употребляются разные выражения: *to lose the patient* – *аз даст додан* – потерять больного, то есть допустить, чтобы больной умер; *not to cope with illness* – *бо беморӣ муқобилият накардан*, *муқобилият нишон надодан*, *дард галаба кардан* – не справиться с болезнью; *to take home* – умереть от естественной причины, *lethal outcome* – *натичаи маргбор* «летальный исход»; *patient's death* (смерть пациента в больнице) – *terminal episode* –

пределный эпизод; *therapeutic misadventure* – терапевтический несчастный случай; *negative patient care outcome* – отрицательный результат ухода за больным и др.

ЛСПГ эвфемизмов религиозной сферы. Тема смерти всегда была богатым источником страхов и суеверий. Человек боится воплощения страха в жизнь, поэтому испокон веков о смерти не принято говорить открыто. В группе эвфемизмов, обозначающих понятия смерти обнаруживается действие религиозных и моральных факторов. Эмоциональную основу при этом составляют преимущественно страх перед смертью и, в ряде случаев, чувство такта, предупредительность к человеку, если речь идет о нем самом или его близких.

В таджикском языке в значении «смерть» используются *ачал* и *марг*.

Особую группу эвфемизмов в структуре данной ЛТГ в английском языке составляют эвфемизмы, вербализующие суеверия, связанные со смертью (*Superstitions and death*).

Такие глаголы, как *to decease*, *to pass away* (скончаться, преставиться, опочить) представляют собой наиболее популярные эвфемизмы, обозначающие смерть.

Отсюда возникают многочисленные английские эвфемизмы: *to join the majority* (присоединиться к большинству), *to be in a better place* (быть в лучшем месте) и др.

В английском языке такие глаголы, как *to decease*, *to pass away* (скончаться, преставиться, опочить) представляют собой наиболее популярные эвфемизмы, обозначающие смерть. Наряду с ними существуют также глаголы, реализующие тематику смерти, в которых сема движения является основной: *To go west* – *отправиться на запад*; *To pop one's clogs* – *двинуть кони*. *I've heard that villain popped his clogs last week.* – *Я слышал, что этот мерзавец двинул кони на прошлой неделе*. Это известные разговорные выражения, которые обычно не употребляют при выражении соболезнования.

Религиозную сферу в таджикском языке представляют следующие эвфемизмы: *бандагӣ кардан; сафари охират, ба даргоҳи иллоҳӣ мақтул шудан, шаҳид шудан, ҷон ба худо супурдан, ҷон ба Ҷаббор супурдан, реҳлат(и абадӣ) бастан* и др.

В лингвокультурологическом и общесемантическом аспектах общую схему представления таджикского и английского языкового сознания о жизни и смерти можно описать как *жизнь – смерть – вечная жизнь после момента смерти*. Именно этим объясняется и страх перед смертью и ее ожидание как избавительницы с надеждой на будущую вечную лучшую жизнь, вечное блаженство, покой. В то же время вечная жизнь после смерти больше соотносится с участием Бога, чем грешная земная (см. *ҳақ ба таолоҳ супоридан, ҷон ба таоллоҳ супоридан* – отдать богу душу).

ЛСГ движения в жизненном пути. Концепт движения в жизненном пути, его непрерывность является важнейшим определяющим признаком. При этом это движение характеризуется непрерывностью, а само движение осмысливается как путь вверх, через трения в жизни, постижения ее и достижения ее смысла и слияние с Богом.

Человек, по данным эвфемизмов, особенно фразеологизмов, проходит на Земле путь, устремленный вверх, как по горе для постижения жизни: от рождения до смерти он идет, постигая жизнь, после смерти душа человека поднимается вверх. Исходя из этого, в этом движении раскрываются его разные конституанты, составляя различные признаки данной лексико-семантической группы. В данном случае мы их выделяем как лексико-семантические подгруппы.

ЛСПГ движения. Отражение процесса жизни как движения вербализуется в языке в таких глаголах, как *гузаштан, даргузаштан, рафтан – pass away, to go, to pop, leave* – уйти, пойти, отправиться, двинуть, выйти и устойчивых сочетаниях на их основе, в семантической структуре которых семантический признак «движение» является ядерным или дополнительным: *аз сафи мо шахсе рафт; ҳаётро пардуд гуфтан; - ушел от нас, его не стало; умрро тай кардан, зиндагӣ ба сар бурдан* –

пройти жизнь, прожить жизнь вместо *мурдан* «умереть» – *pass away* – уйти, не стать, *pop one's clogs* – двинуть кони, *to go west* – пойти на запад, *leave the building* – выйти из здания, *to go the way of all flesh* (книжн.), *to kick the bucket* (жарг.) – сыграть в ящик, загнуться, дать дуба, уходить в мир иной, и др. Процесс смерти осмысливается также как полет в небеса в эвфемизмах: *to go right, gone to heaven* – отправиться на небеса – *to wing one's flight from this world* – к крылу полета от этого мира и др.

Как указали выше, в английском и таджикском языках существуют также глаголы, реализующие тематику смерти и суеверия: *to go west* – *отправиться на запад*; *to bite the dust* – *укусить грязь*; *to pop one's clogs* – *двинуть кони*; *to take a dirt nap* – *вздремнуть в земле*; *to buy the farm* – *купить ферму* и др., употребление которых реализуется в индивидуальной речи и обычно не характерно при выражении соболезнования.

ЛСПГ «достигать полной зрелости, постигать жизнь». В физической жизни душа всегда устремлена вверх, к Богу – *ба қуллаи умр расидан, ба қуллаи ҳаёт расидан; ба авҷи камол расидан* «достигать полной зрелости, постигать жизнь», как бы результируя жизненный путь, смысл жизни, «смотреть с вершины прожитых лет» (*аз қуллаи умр назар кардан*).

ЛСПГ вершины жизненного пути. В целом весь жизненный путь человека во фразеологизмах-эвфемизмах закодирован в образе горы, вершины (*авҷ – апогей*) которой человек должен достичь.

ЛСПГ послежизненного пути - В физической жизни душа всегда устремлена вверх, к Богу, встретиться с создателем единения с Богом после смерти: *ҷон аз тан ҷудо шудан; ҷон танро тарк кардан, ба даргоҳи иллоҳӣ мақтул шудан, шаҳид шудан, ҷон ба худо сунурдан, ҷон ба Ҷаббор сунурдан, реҳлат(и абадӣ) бастан* и др. – *be with God, отдавать Богу душу; to stand before one's Maker* – *стоять перед Создателем*.

His grandpa met a maker when he was 107. – *Его дедушка встретился с создателем, когда ему было 107 лет.*

Правда, эта устремленность релевантна только для религиозного сознания.

ЛСПГ ухода в лучший мир: *бо охират найвастан – to meet your maker – связаться с вечностью; go to a better world, go to glory – уходить в лучший мир, to call off the bets – призвать в «лучший» мир,*

ЛСПГ единения с большинством человечества и встречи со своими предками в загробном мире: *join the majority – отправиться к праотцам, to talk to the old gentleman – говорить со старым джентльменом. Ad patres, ad patres! («К праотцам». То есть «ухожу к праотцам, умираю»).*

ЛСПГ эвфемизмов «отойти от мира <сего>». В таджикском языке преобладает эвфемизмы, именующие прекращение общения с этим миром: *аз дунё халосӣ ёфтан, дунёи бевафоро тарк кардан, бар лаби гӯр по ниҳодан, ба мазори пок рафтан, риштаи умр канда шудан, гузаиштан, рахти умр бастан, аз олам рафтан, бо олами ҳастӣ надруд гуфтан* и др.

Таким образом, жизненный путь в представлении носителей таджикского и английского языков представляется как физический подъем и спуск, а послежизненный – как подъем души.

В этом отношении в фразеологизмах-эвфемизмах смерть метафорически определяется через реалии похоронного обряда, но менее – через реалии быта, предстающие в цепочке *дом – порог – дверь* при этом вводится коннотация отчуждения смерти.

ЛСПГ самого процесса смерти. Сам процесс смерти в таджикском языке отображается как борьба между жизнью и смертью, как явление, сопровождаемое мучением: *in extremis*, т.е. *дар дами марг – при смерти, на смертном одре, чон кандан – быть в агонии.*

В то же время при осмыслении смерти с конечной целью жизни – соединением с вечностью после смерти - смерть отражается в таких эвфемизмах, как *ҳама гирён буданду ту хандон*, полностью противоположных по семантике предыдущим.

ЛСГ «страх смерти». Внутриязыковым признаком концепта «смерть» в таджикском языке оказывается «страх смерти»: *аҷал хости худост – смерть от бога; аз аҷал нахоҳӣ гурехт – от смерти не убежишь, аҷал омад, аҷал расид – наступил смертный час; агар аҷал амон диҳад – если буду жив.*

В качестве примера эвфемизма, возникшего из страха перед смертью, в английском языке приводится «*to spread the patient* – беморро малҳам молидан – помазание больных вместо ранее употреблявшейся сакраментальной формулы «*extreme unction*» ассоциировалось с латинским выражением *in extremis*, т.е. «дар дами марг – при смерти, на смертном одре».

ЛСГ «неизбежность, внезапность смерти». К межъязыковым признакам концепта «смерть» относится «неизбежность, внезапность смерти», в системе которой выделяются ЛСПГ:

ЛСПГ «неизбежность смерти». Признание неизбежности смерти ярко представлено в пословицах таджикского и английского языков: *аз марг намегурезӣ; чун парда биафтад, на ту мониву на ман; охири зиндагӣ марг аст; марг бақои зиндагист, паймона нур шудан, паймонаи умр нур шудан, рӯзи касе нур шудан, бар лаби гӯр но ниҳодан* – *every door may be shut but death's door; there is a remedy for all things – but death, not to be long for this word* (немного осталось жить); *the sands are running out* (жизнь подходит к концу);

ЛСПГ «внезапность смерти»: *марги муфочот* - *to hop the twig* - внезапно умереть (букв. прыгнуть через веточку, прутик ироничное отношение), *to die a sudden death* – скончаться скоропостижно;

ЛСПГ «безвременная смерть»: *untimely death* – *марги ногаҳонӣ; to die young* – умереть молодым;

ЛСГ имплицитные образы концепта смерти. Образ смерти представлен в ее обликах. Анализ фразеологизмов - эвфемизмов позволил выявить следующие имплицитные образы концепта смерти в таджикском и английском языках:

ЛСПГ смерть - царство будущего. Смерть – это царство будущего, *to send smb to kingdom-come* (букв. «отправить кого-либо в будущее царство»); она стремится создать уют: телу дать дом (*оромгоҳ «кладбище»*) и др.

После смерти душа человека поднимается на тот свет, а тело остается в земляночке (*дунёи торик; ба мазори пок рафтан*), наступает

вечный сон (*ба хоби абадӣ рафтан; take a dirt nap* - вздремнуть в земле; *bite the dust* - укусить грязь).

ЛСПГ эвфемизмов лица смерти. В сублогической зоне смерть имеет своё лицо. Она имеет агрессивный характер, наглая (*аз дасташ халосӣ нахоҳӣ ёфт; Дар Ҳиндустон бошӣ ҳам, меёбад; паймона пур шудан; Чун парда биафтад, на ту мониву на ман; curtains* - занавесь);

ЛСПГ смерть – безжалостна: можно попасть в ее безжалостные когти (*ба чанголи аҷал афтадан – to be in the jaws of death* – быть в когтях смерти), от которых нет спасения.

ЛСПГ смерть – злодейка, поскольку прекращает земную жизнь (*марги муфочот, ин чаҳонро тарк кардан; pass away* – уйти, не стать);

ЛСПГ смерть – неверная: *дунёи бевафо, дунё вафо надорад,*

ЛСПГ смерть – небытия: *ба селоби фано гарк шудан* (букв.: «погрузиться в поток небытия»)

ЛСПГ смерть – разлучница тела и души (*ҷон баромадан, ҷонро аз тан ҷудо кардан, рӯҳ аз тан рафтан, танро тарк кардан*);

ЛСПГ смерть – игра: *зиндагӣ бозист; саҳнаи ҳаётро тарк гуфтан*);

ЛСПГ смерть – сон. После смерти, когда душа покидает тело, наступает вечный сон: *ба хоби абадӣ рафтан – уснуть вечным сном; аз олам чаши пушидан* (букв.: «закрывать глаза на мир, смежить очи»), - *тау he rest in peace – может спокойно отдыхать; put one to sleep* «оставить кого-н. в вечном сне».

ЛСПГ смерть – избавление от всего тленного, мирского, в конечном счете ненужного, прощание с богатством: *чаими ўро хоки гур ором, сер, пур хоҳад кард; ду метр замин; лаҳад.*

ЛСПГ В то же время смерть - избавительница от бременной жизни, трудной жизни, от жизненных мук, страданий, мучений, в целом перед смертью ненадобных, бесполезных (*аз дунё халосӣ ёфтан, дунёи бевафоро тарк кардан*)

ЛСПГ смерть равнодушная к нарядам: *фақат ду газ кафан;*

ЛСпГ смерть способная быть справедливой: *пеши ачал, марг шоҳу гадо баробар; даҳани лаҳад кушода – шоҳу гадо баробар* – перед открытой могилой и царь, и нищий равны, смерть всех сравнивает).

ЛСпГ потеря для окружающих: *аз сафи мо шахсе рафт – ушел от нас, его не стало; to put one to misery* «оставить кого-н. в страдании»

ЛСГ дифференциальный признак «отношения человека к смерти» составляет отдельную лексико-семантическую группу, в которой проявляются такие качества жизни, которые противопоставляют ее смерти:

ЛСпГ смерть - **непомята жизни**. Смерть не должна стать помехой жизни, надо жить полноценной жизнью: *аз марг тарсӣ – зиндагӣ нақун* «смерти бояться на - свете не жить». В английском языке этот признак связан с «ритуалами смерти»: *may he rest in peace – может спокойно отдышать*.

ЛСпГ смерть – безжалостна, но человек может противостоять ей, может от нее спастись: *аз дасти ачал раҳонидан* - вырвать из рук смерти, спасти от смерти; *ҷон халос кардан* - избавиться (от смерти, смертельной опасности).

ЛСпГ смерть – испытание прочности, силы, воли, человеческих качеств: *фақат ачал моро аз ҳам ҷудо менамояд*,

ЛСпГ «достойная смерть в бою, борьбе за веру». К общим межъязыковым дифференциальным признакам концепта «смерть» относится «достойная смерть в бою, борьбе». В единицах *ба даргоҳи илоҳӣмақтул шудан* (букв.: убиты в обителище бога, умерли), *шаҳид шуд* (букв.: погиб за веру, умер); *қурбон шудан, сар супурдан, ҷон қурбон кардан, хуни хеш рехтан, ҷони хеш супоридан, ҷон бохтан, ҷон фидо кардан, ҷони худро дарег надоштан* - не щадить своей жизни; *то ҷон дар рамақ доштан* - до тех пор, пока душа в теле, до последнего дыхания, до тех пор, пока жив: - *to die a hero's death* — пасть смертью храбрых; *to die for one's beliefs* — умереть за свои убеждения; *lay down your life; give one's life's blood* выражается представление о смерти в бою, борьбе.

ЛСПГ эвфемизмов, выражающих иронию и насмешку над смертью.

А словосочетание *dead man, dead person* обычно встречается в триллерах и угрозах.

В интерпретационном поле «смерти» значимой является оценочная зона. Семантический анализ ассоциативного соотношения с понятиями реалий позволяет установить, что представления о смерти в большой степени связаны с чувствами и эмоциями.

В реализации дифференциального признака «отношения человека к смерти» важное место занимают эвфемизмы, выражающие иронию, насмешку над смертью, в которых в наибольшей степени реализуется отношение легкого восприятия смерти, нежелательное и пугающее людей явление смерти представлено в виде положительных образов: *to throw up the sponge* (шутл.), *to go beyond the veil*, дать дуба (прост. ирон. или шутл.) – решиться /лишиться/ жизни /живота/ (прост.), *to go west* – пойти на запад, *to kick the bucket* – пнуть ведро; *buy the farm* – купите ферму, *drop off the twig* – прут, *to take the ferry* – сесть на паром, *pop one's clogs* – совать помехи и др. *ба гулчинї рафтан* (букв. «отправиться собирать цветы» в значении «умереть»); *рахти умр бастан* (готовиться к смерти), *хок кашидан* (земля призывает, зовет), *пой дар лаби гур доштан* (одной ногой быть на кладбище):

-*Ба умеди Асад Максум шавем ҳаром мемурум. Хезед аз ин чо мегурезем, набошад ҷон ба худо месупорем.* [171, с. 56] - *If we hope for Asad Makhsum, we'll die. Come on, we'll escape otherwise we all pass away.*

Ду - се мўйсафедде монданд, ки онҳо низ ба гулчинї рафтанро тайёрї медуиданд [168, с. 129]. - *There were only two - three old men left, who were also going to throw up the sponge.*

ЛСГ эвфемизмов, именующих семантический признак «мертвец».

Слово *corpse* «мертвец» в английском языке заменяется на «покойный» и т.д. – *the deceased* (скончавшийся), *the late* (покойный).

Широко употребительны также замены *мурда* на эвфемизмы *марҳум* (покойный), *марҳума* (покойная), *фавтида*, *гузашта*

(скончавшийся), *маит* (покойный), *майити наврафта*, *навгузашта*, *навгузаштаи хок* (преставившийся) в таджикском языке и др.

При именовании мертвого происходит разграничение по особым семантическим признакам, номинующим обстоятельства гибели:

а) павший героической смертью: *қурбоншуда*(гон);

б) жертвовавший собой: *шаҳид* (букв.: погиб за веру, умер), *мақтулушуда* (букв.: убит в обителище бога) и др.

в) словосочетание *dead man* в английском языке, как подчеркнули выше, обычно встречается в триллерах и угрозах.

ЛСГ **убийство** представляют эфемизмы, обозначающие насильственную смерть: *violent death* – *марги хушунатомез*;

ЛСпГ **самоубийства**: *to lay hands on*; *put on your hands* - *даст ба худкушӣ задан* - наложить на себя руки;

ЛСГ похорон.

ЛСпГ **понятия «похоронить»**. Понятие «похоронить» в сопоставляемых языках также камуфлируется и отражается в эфемизмах, при котором *гӯр кардан* в таджикском языке заменяется *ба хок сунурдан*, *гӯру чӯб кардан* – предать земле, передать умершего погребению.

В английском языке это понятие реализуется в *bury* – хоронить, предавать земле; *inter* – предать земле. Слово *burial* обозначает «похороны, похоронная процессия»; *to conduct / hold a funeral* – организовывать похороны;

ЛСпГ **действия учреждений, занимающихся организацией похорон**, в официальном языке обозначаются расплывчатым и эфемистическим по своей природе оборотом *the ritual centre* – *ритуальный центр*, *ritual services* – ритуальные услуги, *ritual business* – ритуальный бизнес (захоронения) и др.

Таким образом, лексико-тематическая группа «смерть» в сопоставляемых языках занимает одно из ведущих мест в системе эфемизмов английского и таджикского языков. Она объемна также по семантической структуре и представляемым лексико-семантическим

признакам, так как иерархические отношения в системе семантических отношения данной ЛТГ достаточно широки. В целом в структуре данной ЛТГ в сопоставляемых языках выделяются около 20 лексико-семантических групп и подгрупп. Анализ семантических отношений, складываемых в системе эвфемизмов английского и таджикского языков показывает, что оба языка проявляют общность в системной семантической организации ЛТГ. Наблюдается также некоторые системные соответствия в семантической структуре частных семантических групп и подгрупп. В то же время следует отметить, что в реализации частных семантических отношений сопоставляемые языке проявляют некоторые специфические особенности. Это касается прежде всего способам языкового отражения, средствам вербализации понятийных сфер, охвата той или иной семантической группой всех семантических признаков и свойств семантического микрополя.

I. 4. ЛТГ эвфемизмов, обозначающие понятия, относящиеся к половой сфере

Эвфемизмы, обозначающие понятия, относящиеся к половой сфере, охватывают слова-названия половых органов и половых связей, открытое употребление которых не принято. ЛТГ эвфемизмов, употребляющихся вместо слов, обозначающих половую сферу или связанных с половой системой и сексуальными отношениями, по семантическим отношениям внутри группы подразделяется на несколько лексико-семантических групп.

ЛСГ эвфемизмов, связанных с реализацией семантического признака «половые отношения», охватывают слова-названия, связанные с действиями, свойственными табуизированности.

В английском языке в различных источниках представлен достаточно большой материал, который охватывает как материал литературного языка, так и разговорного и диалектного происхождения: *to make love* – «заниматься любовью», *to unlace one's sandal* – букв. «расшнуровать сандалию», *to conquer a bed* - букв. «завоевать кровать»,

to get a market tray – букв. «получить поднос рынка», *gift of your body* – букв. «подарок Вашего тела», *sleep with, lay with smb* или *lie with smb* – *бо касе хоб кардан*; *making whoopee* – создание оного; *hook up* – соединиться; *carnal knowledge* – половые сношения; *act of union* – букв. «иттифоки касаба», *horizontal mambo* – букв. горизонтальное мамбо, *making bacon* – букв. кабули бекон; *making babies* – создание младенцев и др.

В таджикском языке в целом эта ЛСГ охватывает ограниченное количество эвфемизмов, которые сводятся к следующим: *алоқа кардан*, *алоқа доштан*; *бо касе хоб кардан*, *ҷои хоб якҷоя доштан (бо касе)*,

В таджикском языке основным словом, именующим это явление, является *алоқа*. До недавней поры слово *communication* «связь» в английском языке также было основным в именовании. Однако в английском оно постепенно абсорбировало негативную коннотацию данного определения и приобрело более специализированное значение *copulation* «половая связь» [13, с. 102]

ЛСПГ эвфемистических названий лиц, действующих в данной сфере. Прежде всего основную смысловую структуру данной лексико-тематической группы организует ЛСПГ с ядерным семантическим признакам «женщина легкого поведения», в целом в обоих языках понятийная сфера обозначения указанной ЛСПГ совпадают: *сабукно*, *бероҳа*, *пояш кач шудагӣ*, *бемаънӣ* – *whore, harlot, hostess, nymph of darkness, lady of pleasure* – *женщина легкого поведения, a lady of easy virtue* – *женщина легкого поведения; a light (easy) woman* – *легкая женщина; sex worker* – *проститут(ка)*.

Ин зан тамоми оро номусаширо гум карда, сабукно гаштааст [170, с. 302].- *This woman had lost all her conscience and became whore.* - *Эта женщина потеряла стыд и честь и стала продажной.*

Особое название в английском языке также имеет стриптизёр (стриптизёрша) – *stripper*; в таджикском языке слово, именующее данного лица, до недавнего времени относилось к дисфемизмам, ругательным: *даюс*, так как это явление в таджикском обществе резко осуждалось и оно

не было свойственно ему. Наступавшие новые времена, следствием которых стало падение нравов, открыли путь и к появлению названия для данного явления (лица), заимствованное из русского языка *Мама Роза*.

ЛСпГ эвфемизмов, обозначающих различные нарушения сексуальных способностей, сексуального здоровья в сопоставляемых языках выражаются словами: *The heterosexual* – нармода «гетеро», *frigidity (sexual cooling at the woman)* – фригидность (сексуальное охлаждение у женщины), *barren; fruitless; sterile; unavailing (the impotent man)* – ҳез (о состоянии импотентного человека) и др.

ЛСпГ эвфемизмов нетрадиционной сексуальной ориентации

Отдельную лексико-семантическую подгруппу составляют эвфемизмы – названия нетрадиционной сексуальной ориентации. В английском языке они охватывают названия так называемых сексуальных меньшинств:

the blue – голубой; *the gay person* – гомик; *the homosexual* – гомосек; *gay* – гей; *orientation* – ориентация, *blueness* – голубизна, *sexual minorities (paederasty)* – сексуальные меньшинства (педерастия); *other sexual orientation* – другой сексуальной ориентации и др.

Лингвокультурологические условия таджикского общества, где вера, религия, как важнейшая мировоззренческая основа, осуждает это явление, считая его грехом, формируют отрицательное отношение к указанному явлению. Поэтому в таджикском языке фактически это явление именуется языковыми единицами, в семантической структуре которых семантические признаки с отрицательной оценкой преобладают, они эмоционально окрашены, при котором отсутствует положительное восприятие. Это заимствованные из русского языка слова *педераст, голубой; пэ-дэ; гомик* и таджикские резко орицательные слова *к.нте* и др.

ЛСпГ эвфемизмов названия учреждений. При обозначении заведения, связанного с данным явлением, таджикский и английский языки различаются. В английском языке фактически данное заведение

имеет официальное название *house of ill fame* «публичный дом», а в таджикском языке его соответствие именуется словом, в семантической структуре которого дополнительные семантические признаки эмоциональности и экспресивности, прежде всего, отрицательной оценки преобладают: *фоҳишахона* «публичный дом» и др.

Как показали результаты проведенного анализа, мы наблюдаем совпадение основных семантических групп фразеологизмов-эвфемизмов в двух сопоставляемых языках. Различия заключаются в количественном наполнении фразеосемантических групп и в стилистической и временной отнесенности изучаемых единиц. Так, английский язык характеризуется тематическим разнообразием в пределах каждой семантической группы, степенью их лексической наполняемости. В английском языке наблюдается большое количество стилистически разграничивающихся эвфемизмов. В отличие от английского таджикский язык характеризуется отсутствием многих слов в пределах семантических групп, так как сами эти явления, обозначаемые английскими эвфемизмами, в таджикском языке не осмысляются и представляют собой лакуны

В то же время следует отметить, что прямые наименования слов данной сферы в бытовой и литературной речи воспринимается обществом как неприличные. Поэтому данная тематическая группа все еще остается табуизированной как в таджикской, так и в английской среде.

I. 5. ЛТГ эвфемизмов, именующих «внешность человека»

В эту группу входят эвфемизмы, которые направлены на замену тех слов, которые именуют определенные недостатки внешности человека. Л.П. Крысин и Х.Самани в пределах этой группы разграничивают отдельные тематические группы «возраст», «красота и одежда», «вес и фигура». В настоящей работе мы в целом учитываем предлагаемую классификацию, однако пересматриваем ее внутреннее содержание, в частности, ЛСГ одежда относится в настоящей работе к ЛТГ «бытовых

эвфемизмов», выделяя лексико-семантические группы «Возраст», «Красота», «Вес и фигура» как составляющие компоненты ЛТГ.

ЛСГ эвфемизмов, ослабляющие воздействия возрастной дискриминации, ориентирована на учет наименования, связанных с обозначением возрастных пределов.

В исследованиях структуру концепта возраста условно представляют в виде концентрической сетки, в центре которой находится темпоральность как наиболее типичный (или прототипичный) представитель характеристики возраста. Градуальность структуры прототипических категорий и непрерывность категориального континуума предполагают, что остальные значения расположены на различном удалении от центра категории в зависимости от характера и набора возрастных признаков, то есть образуют периферию с различным уровнем градации [117, с.18].

Исходя из этого, концепт возраста представляется разнородным и многоуровневым единством. Возрастные концепты (*детство, подростковый возраст, молодость, средний возраст и старость*) представляют собой такие ментальные структуры, которые отражают временной признак в словарной дефиниции. Например, лексема *teenager*, являясь репрезентантом концепта *подростковый возраст*, определяется в словарных дефинициях следующим образом: «*someone who is between 13 and 19 years old*».

ЛСпГ 1. Возраст, как и время, представляет собой градуированное (или шкалированное) понятие. Фазы развития человека, включаемые в концепт *возраст*, неуклонно следуют друг за другом и сменяют друг друга, что в английском языке выражается в сравнениях *childhood/youth – morning – spring, maturity – afternoon – summer, age – evening – autumn/winter – детство / молодежь – утро – весна, зрелость – день – лето, возраст – вечер – осень / зима*). В таджикском языке это сравнение охватывает понятие «начало жизни»: *бахори умр – весна жизни, кудақӣ – баҳори умр*.

ЛСпГ 2. Эвфемизации подвергаются прямые наименования, обозначающие возраст. В связи с возрастающей тенденцией эвфемизации

данной группы сравнительно недавно в английском языке даже появился термин *ageism*, означающий притеснение лиц определенного возраста.

В основе понятия «возраст» в сопоставляемых языках лежит исходное основное значение лексемы «возраст» *age// сину сол*, которое реализуется в определении: количество *прожитых лет*. Также *возраст* может обозначать определенный *период (время, длительность, часть) жизни one of the particular periods of someone's life – яке аз давраҳои махсуси ҳаёт* – «один из особых периодов чьей-то жизни»). Кроме этого, английская лексема *age* имеет еще одно значение в структуре своих лексических значений, имеющее отношение к возрасту, в отличие от таджикского языка обозначает конкретный возрастной период – «старость» (*the state of being old - давлати (айёми) пиронсолӣ*). В таджикском языке *сину сол* указанное значение приобретает только в сочетании с глаголом *расидан – сину сол расида*.

ЛСпГ 3. В семантической структуре данной ЛСГ в сопоставляемых языках выделяется различные типы оппозиции.

В целом возраст в сопоставляемых языках представляет четырехчленную парадигму составляющих концепта «возраст» (*childhood – youth – maturity – old age – кӯдакӣ – ҷавонӣ – балогат – пиронсолӣ (пирӣ)* «детство, молодость, зрелость, старость»). В то же время содержание концепта *возраст* имеет национальную, культурную и историческую специфику и чаще всего в его структуре важной становится оппозиция *молодость – старость*, особенно значимым в этой структуре при эвфемизации становится компонент *старость*.

В английском языке для реализации дифференциального признака старость в ряду эвфемизмов используются *deserved – синни фахрӣ* – заслуженный, *honourable age – синну соли фахрӣ* – почетного возраста, *old age (about the old person – синну солрасида* - преклонного возраста (о старом человеке); *at it already grandsons – ū наберадор аст/дорад* нее уже внуки, *it is a little for thirty* – немного за тридцать, *not the first youth (about the old woman – ҷавониашро гузаронда* – не первой молодости (о старой женщине); *Balzac's age* – бальзаковский возраст, *autumn of life – тирамоҳи*

ҳаёт, сину сол расида, солхурда – осень жизни, *the third age (old age)* – *поёнии умр* – третий возраст (старость).

ЛСпГ 4. Слово «old» в сопоставляемых языках является самым часто заменяемым. В английском языке синонимами данной лексемы считаются такие эвфемизмы, как *mature* «зрелый», *senior* «старший», «господин», *advanced in years* (букв.: «передовой в годах»).

Эвфемизмы, *mature* «зрелый», *the elderly* «пожилой», *seasoned* «закаленный», *middlescence* «среднего возраста», *middle-aged man* «человек среднего возраста» употребляются для обозначения возрастного периода от 40 до 65 лет.

Эвфемизмы *senior citizen* «пенсионер», «пенсионного возраста», *third age* «третий возраст», «третий период жизни», *golden ager* «золотой возраст, годы» употребляются при обозначении возрастного периода от шестидесяти лет и выше.

В таджикском языке эвфемизмы также широко употребляются для замены терминов, связанных с обозначением возраста. Как показывает материал, возрастная периодизация в зависимости от эвфемизации ее понятийных составляющих в таджикском языке несколько отличается от английского. В этом отношении достаточно интересны эвфемизмы, которые определенным образом дифференцируют возрастную цензу. Основываясь на них, мы разграничиваем следующие возрастные периоды а таджикском языке:

Младенчество: *чӯча* – (перен.) дитя, младенец; *нинӣ/нинича* – разг. кроха, крошка, лялька;

Отрочество: *қаднорас, ноболиг* – несовершеннолетний; *наврас* – подросток, юнец; *сагир* – малолетний, не достигший совершеннолетия и др.

Молодость, юность: *паррончак (шудан)* – перен. достигать совершеннолетия; *шоб* – кн. юноша, молодой человек; *шубоб* – молодость, юность; *болиг* – 1. совершеннолетний, взрослый; 2. дееспособный; достигший возрастного ценза, зрелый: *болиг шудан* – достигать зрелости; *болига* – совершеннолетняя, взрослая; *домодбоб* –

достигший брачного возраста (о юноше); *навхоста* – молодой, юный и др.

Среднего возраста: *акобир* (взрослые); *заифа* – женщина; *заифӣ* – женственность; *кабир* – взрослый, большой; *миёнасол / миёнсол* – среднего возраста, пожилой; *миёнаумр* – пожилой;

Старость: *солхӯрда* – старый, пожилой; *солхӯрдагӣ* – старость; *пирамард*, *пиразан*, – престарелый человек; *пиронсол* – престарелый человек; *солдор* – см. *солхӯрда*; *солманд* – см. *солхӯрда*; *Аҷуз (а)* – старуха, *нотавон* – немощная, беспомощная старуха; *зар* (кн.) – старик, старец; старуха; *зол* – глубокий старик, глубокая старуха; *куҳансол* – старик; *куҳулат* (кн.) – пожилой возраст; зрелость, зрелый возраст; *мӯйсафед/мӯсафед* – старик, старец; *сафедмӯӣ* – старость, пожилой человек; *мӯйсафедӣ* – старость; *собута* – кн. старая женщина и др.

Прежде всего следует отметить, что в таджикском языке основное слово для обозначения старости *пир* не теряет свое положительное именуемое, эвфемистическое, значение. Поэтому слово *пир* в таджикском языке используется как положительное название качества старости, что опять же связано с лингвокультурологической основой функционирования данного слова в обществе носителей данного языка. Уважение к старости, проявление особого почта к людям старшего поколения, особенно преклонного возраста, составляет одно из моральных устоев таджикского общества, что отражается также в содержательной структуре языка и проявляется в семантике слов, именующих это явление.

Слово *пир* в таджикском языке может проявлять свою отрицательную потенцию, реализуя те признаки, которые связаны с негативными аспектами содержания самого явления старости. Отрицательные семантические признаки, связанные с проявлениями таких семантических признаков, как старения, потери здоровья, немощности и дряхлости, в семантике слова *пир* контекстуально обусловлены.

Как свидетельствует материал, синонимами слова *пир* в таджикском языке при его замене эвфемизмами становятся такие слова, которые направлены на смягчение воздействия семантического признака старения в значении слов, именующих понятие «старость».

При этом основными средствами именованья становятся *мӯйсафед/мӯсафед* – старик, старец; *сафедмӯй* – старость, пожилой человек; *мӯйсафедӣ* – старость – свойствами которых является седина, отражение изменение цвета волос и бороды, признака долгих лет жизни, мудрости.

Этот признак является также важным в английском языке. Болезненным, и, как следствие, эвфемизируемым является возраст, когда становится возможным для употребления таких выражений, как *blue hair, blue rinse* (намек на окрашиваемые в пепельный оттенок волосы), *po (spring) chicken* и т.п.

Эвфемизмы *зол-кн.* (глубокий старик, глубокая старуха) *пирзол* реализуют семантику «престарелый человек».

В семантике *ҳарам* – кн. семантический признак «дряхласть» как проявление старости является основным.

Эвфемизм *шайхухат* – кн. реализует темпоральный признак старости, указывая на время проявления старости после 50 лет и до конца жизни.

Эвфемизмы *ачуз (а)* (старуха, *зар* – кн. – старик, старец; старуха), *собута* (кн. старая женщина) и др. разграничивают полевою соотношенность наименования старости.

В английском языке для обозначения *old people's home* «дома для престарелых (пансионат для пожилых людей)» используется ироническое *aged care facility* «средство для ухода за пожилыми».

Whitlam, by then using a wheelchair, had moved into an aged-care facility in 2010.- В 2010 Витлам к тому времени, используя инвалидное кресло, переместился в дом для престарелых [179, с.324].

ЛСГ красота

ЛСГ красота - составная часть эвфемизмов ЛТГ «Внешность человека». По лексико-семантической характеристике она должна охватывать слова, в семантической структуре которых выявляются семантические признаки, направленные на смягчение отрицательных оценок в содержании слов. Ср. примеры, которыми сопровождает свой анализ Л.П.Крысин: «*лишена обаяния, зато добрая, у нее духовная красота, ее внешность ниже всякой критики* (о некрасивой женщине); *малоинтересный, «красавец», квазимодообычный* (некрасивый, урод); *такие женщины, что никакого алкоголя не хватает* (страшные женщины) и др. [70, с. 280].

ЛСГ эвфемизмов, использующихся для обозначения признаков веса и фигуры

В данном случае актуальными становится описание таких качеств, как «*чон гирифтан, вазн гирифтан, гавс шудан*».

Эвфемизмы, вуалирующие недостатки внешности достаточно репрезентативны в английском языке, что свидетельствует о повышенном внимании к своей внешности, особенно женщин.

ЛСПГ эвфемизмов «стройность». Отметим, что проблема «избыточного веса» стимулирует появление эвфемистических единиц, формирующих доминирующую группу в данном разделе. Интересно, что стройность женщин была актуальна не всегда, напротив, еще в середине XX в. женщины не отличались худощавостью. Такие выражения как *Renoir woman, Rubensesque woman, of classic proportions, statuesque* напоминают о том времени, когда полнота являлась синонимом женской красоты.

В этой связи становится очевидным, что при создании эвфемизмов в английском языке фактор моды является одним из решающих. Создание и употребление эвфемизмов в английском языке в настоящее

время часто вызвано коммерческими мотивами, желанием привлечь клиента купить тот или иной товар и при этом не оскорбить.

Размеры одежды для крупных дам тактично маркируются как *mature figure, Big Gal, corpulent, buxom, crummy, woman's size, queen size, full size* и т.п. – зрелая фигура, Крупная Девочка, тучная, приятная, размер королевы, полный размер и др.

В связи с тем, что в английском обществе для некоторых женщин обретение красоты сопряжено с борьбой с лишними килограммами, актуальными являются эвфемизмы *calorie counter, weight watcher*.

ЛСПГ эвфемизмов, связанных с проблемой избыточного веса, что в английском языке описывается такими словами: *overweight* (с избыточным весом), *corpulent* (корпулентный), *big boned* (ширококостный), *full-figured* (с полной фигурой), *having a mature figure* («имеющий зрелую фигуру»).

I'm not plump, I'm big boned! – Я не толстая, у меня кость широкая!

I met a pretty girl having a nature figure. We have a date tomorrow. – Я встретил симпатичную девушку со зрелой фигурой. Завтра у нас свидание.

Некоторые эвфемизмы гендерно-маркированы, их употребление характерно для женской речи входят в тематические группы «женского» эвфемистического тезауруса. Группа эвфемизмов, скрывающих, «вуалирующих» различные физические недостатки, достаточно многочисленна, что объясняется повышенным вниманием женщин к своей внешности, фигуре, желанием хорошо выглядеть. Отметим, что такая проблема как «избыточный вес», «полнота» стимулирует появление большого количества эвфемистических единиц. В английском языке следующие эвфемизмы заменяют слово «полная» в отношении женщин: *full-figured, ample, well-built, built, well-fleshed, filled out, pleasantly plump, big boned* и др. - полно изображенный, вполне достаточный, хорошо сложенный, построенный, хорошо покрытый мясом, заполненный, приятно растолстейте, большой снятый с костей

Такие выражения, как «*Renoir woman*» (Ренуаровская женщина), «*of classic proportions*» (обладающая классическими пропорциями),

«statuesque» (статная), в английском языке являются наследием времени, когда полнота осмыслялась как признак женской красоты, и в языке вступала как синоним этого слова. Эта оценка достаточно красочно выражена в известных произведениях многих классических скульпторов и художников, среди которых произведения Ренуара отличались наиболее ярко выраженными принципами классического художественного изображения. Поэтому стройность женщин не всегда была актуальна, напротив, в средние века, полнота женщин считалась эталоном красоты. Отсюда и указанные эвфемизмы, которые напоминают женщинам о том, что полнота является синонимом красоты.

Описываемая группа эвфемизмов включает многочисленные заменные наименования для понятий, табуизируемых в любом обществе. В основе их создания и употребления лежат строжайшие предписания морального характера, стыд. Приведем некоторые примеры.

Эвфемизмы «wetness» (пот), «bedewed» (вспотевший) предпочтительны, когда речь идет о женщине, так как: «...a lady might get 'bedewed' but she didn't sweat» [13, с. 248].

ЛСПГ эвфемизмов «недостатки кожи». Помимо фигуры эвфемизируются такие понятия как «морщины», «недостатки кожи». К примеру, в рекламе используются эвфемизмы – *imperfections, mature skin challenged by natural hormonal changes, tired lackluster skin* – недостатки, зрелая кожа, которой бросают вызов естественные гормональные изменения, усталая тусклая кожа.

Эвфемизмы данной группы многочисленны, что объясняется повышенным вниманием, особенно женщин, к своей внешности, фигуре, желанием хорошо выглядеть. Отметим, что такая проблема как «избыточный вес», «полнота» стимулирует появление большого количества эвфемистических единиц.

1. 6. ЛТГ эвфемизмов, характеризующих человеческие пороки

Система эвфемизмов наименования человеческих пороков достаточно обширна и охватывает лексико-семантические группы пьянства, наркомании, лжи, воровства, разврата, распутства, лести, хвастовства, трусости, которые в свою очередь подразделяются на различные подгруппы эвфемизмов.

В ЛСГ эвфемизмов, связанных с именовани­ем человеческих пороков входят эвфемизмы, заменяющие предосудительный недостаток, позорящее свойство лживость, безнравственное поведение; разврат или отклонение от нормального состояния; недостаток. В зависимости от конкретного именовани­я эвфемизмы данной группы подразделяются на подгруппы.

ЛСПГ эвфемизмов, именующих пьянство, как порок. К ЛСГ эвфемизмов, связанных с именовани­ем человеческих пороков входят эвфемизмы, именующие такой порок, как пьянство. В английском языке эта ЛСГ реализуется в эвфемизмах: *to kiss the cup, to have (take) a drop, to have one too many, to have a few* «под хмельком (хмелем)», «под градусом», *glorious – пьяный, to have /take/ a drop* (букв. «иметь /взять/ каплю»), выражение *to hunt the brass rail* со значением «часто посещать бар, в котором продаются опьяняющие напитки» и *to hunt fox down the red lane* со значением «становиться пьяным» и т. д.

Пьяный или пьянствующий, а в целом пьянство в таджикском обществе воспринимается как резко отрицательное явление. В соответствии с этим это явление приобретает такие названия *ширакайф, ҳавой, сархуш, вақтхуш, ширамаст, хуморӣ, махмур, махмуру маст* и др.

Вместо *арақ мехӯрем (менушем)* (выпьем водку) употребляются *садта-садта мекунем* (букв.: сделаем по сто грамм), *қизбала, ҳалво* (букв.: халва), *малҳам* (букв.: лекарство), *панҷситорағӣ* (букв.: коньяк).

В сопоставляемых языках в эвфемистических наименованиях отражается степень алкогольного опьянения: *ширамаст, ширакайф* – навеселе; *масти аласт – three sheets in the wind* – вдрызг пьяный *juicer-juiced-juice* – майкаду, кадуи май, чоми шароб, хуми шароб, *tired and emotional*» (*drunk*) «усталый и эмоциональный» (выпитый), *to kiss the cup* «поцеловать чашку»; *seeing pink elephants (drunken hallucination)* «допивание до чертиков» (пьяная галлюцинация) *Dead to the world* – мертвый для мира в значении *drinker, drunk* - арақхӯр, майзада, майпараст в значении (пьяница).

В английских эвфемизмах описываются различные состояния алкогольного опьянения. Вот наиболее интересные: *tired and over-emotional* – уставший и чересчур эмоциональный; *wasted* – опустошенный; *at peace with floor* – в мире и понимании; *caught the irish flu* – поймавший ирландскую простуду и др.

В содержании приведенных эвфемизмов выражение шуточного или ироничного отношения является одним из основных составляющих:

Hey, dude, let him go. Here comes his grace Count Drunkula. – Эй, приятель, дай ему пройти. Идет его милость граф Пьянкула. - *Девона гурез ки маст омад.*

ЛСПГ эвфемизмов, связанных с именованнием наркомании

Словосложение: *pothead - pot (горшок) +head (голова)* в значении *marijuanasmoker* в английском языке употребляется для общего наименования человека, находящегося в наркотической зависимости. *junkie; drug user; drug addict; dope; dope fiend, misguided, toxic* - наркоман; *потребитель наркотиков; наркозависимость; дурман; допинговый дьявол.*

В таджикском языке для обозначения лица, находящегося в наркотической зависимости, используются *кайфӣ, ҷингонӣ, хуморӣ, сархуш, алафкаш, бандаи хумор, герчик, гумроҳ, бераҳ, гулу гумроҳ; токсоманик*, которые заменяют *бангӣ - курильщик марихуаны*, наркоман.

В эвфемистические наименования, относящиеся к данной сфере, входят также слова: *хуморгирифта, хуморишуда, махмурӣ, хуморнокӣ,*

ҳолати хуморнок и др., которые также обозначают лица, употребляющего наркотические вещества, или его состояние.

Эвфемизмы, употребляющиеся в значении «*курильщик марихуаны*»: *acid head, pill-head, pot-head, skin-head*, второй компонент которых образует полусуффикс – *head* с агентивным значением, в качестве первого используются: *acid* – кислота, *pill* – пилюля – *ҳаб*, *pot* – горшок – *тубак*, *skin* – кожа – *пӯст*. Кроме того, в этом же словаре встречаем *juice*, сл. *афшура* – сок – *арақ*, *май* – алкоголь, производные от *juice*: *juiced*, (US) сл. *juicer* – «пьяный – *маст*», *сархуш* – «пьяница», *potculture* – «образ жизни курильщика марихуаны», *stacc*, (US) сл. *вкус, запах* – *маза*, *бӯй «героин»*, а также *stuff* – *вещество. наркотик*» – *нашъа* – *модда*.

В таджикском языке приведенная группа имеет некоторые соответствия, отражающие семантическую структуру русских и английских эвфемизмов *герцик, гера, чингонӣ, кашок*, - употребляются для передачи понятия «человек, употребляющий наркотики».

Сам *героин* в таджикском языке обозначается также как *гер*, но и следующими словами: *сафед, чакида, дору* и др. Дополняют этот список в сопоставляемых языках следующие эвфемические образования: *brown sugar* – *шакари қаҳваранг* – коричневый сахар – «героин»; *grass hopper* – *малах* – кузнечик – «курильщик марихуаны»; *herb* – *алаф* – *травя* – «марихуана» или «гашиш».

ЛСГ эвфемизмов, связанных с именованием лжи. Обман, ложь считаются в обществе качествами, не совместимыми с правилами общежития, что вызывает резкое осуждение. В то же время встречаются случаи, когда необходимо приукрасить действительность, что, по сути, тоже является ложью, но завернутой в красивую эвфемистическую оболочку: *tell lies; talk nonsense, to tell fibs* говорят *You are mistaken, make mistakes; make a mistake; you are mistaken, if you think that I like nursing you, you've got another think coming* – *ҳақиқатро фаромӯш мекунед, шумо иштибоҳ мекунед* – вы сочиняете, вы ошибаетесь; *You are not quite right* – *шумо каме хато мекунед* – вы не вполне правы – *шумо аз ҳақиқат дурр рафтед* – уклониться от истины вместо *соврать*; Сочетания *to*

commit terminological inexactitude – совершить терминологическую неточность, *to relay misinformation* – передать дезинформацию или *to be economical with the truth* – быть экономным с правдой, завуалируют *to tell a whopper / a bald-face lie*.

He called his carelessness and inaccuracy a terminological inexactitude. And I tell you that it was a bald-face lie. – Свою небрежность и невнимательность он назвал терминологической неточностью. А я говорю вам, что это наглая ложь.

В системе семантических признаков в группе *to misinform* – «обманывать» наиболее ярко выделяется: *to defraud, to corrupt* – *бофта баровардан* – *гӯл задан, гумроҳ кардан* – *фантазировать* и др.

Бо суханҳои болохонадораи Шарифро гумроҳ кард. [171, с. 69] - *He deceived Sharif with his ambiguous words.* - Своими двусмысленными словами он сбил Шарифа с пути.

ЛСПГ эвфемизмов, связанных с обозначением лени

Ленивый становится *мотивационно-неполноценным* (*motivationally challenged*), а *непунктуальная личность* превращается в *хронологически-неполноценную* (*chronologically challenged*).

He is a nice guy. But he has some serious drawbacks. He is mentally and chronologically challenged. – Он неплохой парень. Но у него есть пара серьезных недостатков. Он умственно и хронологически неполноценен.

ЛТГ эвфемизмов, характеризующих человеческие пороки, представляет собой многочисленные эвфемизмы, которые приняты скрыть тот отрицательную реакцию и оценку, которые связаны с денотативным значением нивелируемого события.

I. 7. ЛТГ эвфемизмов, употребляющихся для именовании человеческих недостатков

Множество эвфемизмов в сопоставляемых языках призваны скрыть человеческие недостатки. Человеческие недостатки, которые становятся объектом восприятия и в силу того, что прямое их название кажутся

говорящему неприличными, грубыми и бестактными, они подвергаются эвфемизации, достаточно многочисленны и психологическое осмысление их связано с оценкой и коннотацией, что и приводит к необходимости их переименования и замены на слово, не содержащее этих качеств.

В некоторых исследованиях эвфемизмы данной лексико-тематической группы относятся к группе эвфемизмов, называющих группы людей, меньшинств, подвергающихся дискриминации (расовой, культурной, религиозной и др.), в зависимости от конкретной сферы дискриминации эвфемизмы данной ЛТГ подразделяются на группы людей, подвергшихся: 1) По расовому и национальному признаку; 2) по нетрадиционной сексуальной ориентации; 3) по физическим недостаткам; 4) по умственным недостаткам. В дальнейшем они подвергаются дальнейшей дивергенции в зависимости от реализации частных семантических признаков конкретных лексико-семантических групп.

В настоящей работе они относятся к ЛТГ эвфемизмов, употребляющихся для именованья человеческих недостатков, так как название дискриминация если исходит из значения данного слова и содержания того явления, которое оно раскрывает («умаление кого-, чего-л. в правах, принижение роли, значения кого-, чего-л.»), употребительно только по отношению к эвфемизмам первой и второй групп, т.е. эвфемизмы по расовому и национальному признаку и по нетрадиционной сексуальной ориентации. В семантической структуре других эвфемизмов дифференциальный семантический признак «Отрицательное свойство, качество кого-, чего-л., какое-л. несовершенство, изъян» является ядерным.

С другой стороны, эвфемизмы второй группы в таджикском языке как таковые не выделяются. Вместо них явление, стоящее за ними в английском языке, в таджикском языке в целом дисфемизируются, т.е. именуется грубыми, оскорбительными, невежливыми словами, Исходя из этого, в настоящей работе эвфемизмы по признаку дискриминации по

расовой дискриминации относятся к ЛТГ общественно-политических эвемизмов, а эвфемизмы по признаку нетрадиционной сексуальной ориентации относятся к ЛТГ человеческие пороки.

Приступая к структурно-семантическому анализу данной ЛТГ, следует отметить, что в целом к недостаткам человека причисляются свойства физиологического, умственного и морального характера, что в настоящей работе ставится в основе лексико-семантического разграничения, что в свою очередь подразделяется на более меньшие семантические группы или микрополя.

ЛСГ эвфемизмов, связанных с физиологическими недостатками человека

Эвфемизмы данной лексико-семантической группы призваны скрывать, «вуалировать» различные физические недостатки человека. ЛСГ эвфемизмов данной группы объединяет эвфемистические наименования с ядерным дифференциальным семантическим признаком «физические недостатки»:

Эвфемизмы данной группы достаточно многочисленны, что обуславливается определенным вниманием к проблеме людей с определенными физическими недостатками.

В сопоставляемых языках ЛСГ эвфемистических наименований семантическим признаком «физические недостатки» по конкретному именованию физического недостатка подразделяются на некоторые лексико-семантические подгруппы.

ЛСпГ эвфемизмов, называющих лица с ограниченными возможностями: инвалиды – маъюб(он);

ЛСпГ некоторых общих названий: *бозиҳои олимпӣ барои маъюбон* (паралимпийские игры);

ЛСпГ эвфемизмов для замены именованя слепоты: незрячий, слабовидящий (слепой, с плохим зрением): *қорӣ - with a poor eyesight*;

ЛСпГ эвфемизмов для замены именованя глухоты: *гӯшаи вазнин - will fail to hear, hard of hearing - недослышит, слабослышающий (о глухом)*;

Описываемая группа эвфемизмов включает заменные наименования для понятий, в основе создания и употребления которых лежат строжайшие предписания морального характера.

Эвфемизмы, обозначающие людей с какими-либо недостатками в английском языке: *disability, disabled, disadvantaged by mental or physical impairments*.

Выражение *those disadvantaged by mental or physical impairments*, безусловно, носит эвфемистический оттенок и является перифразом слишком прямолинейных *the disabled* или *the impaired*.

ЛСГ эвфемизмов, связанных с умственными недостатками человека, более представительна, охватывая такие признаки данной группы, как слабоумие, глупость, отклонения: тронутый головой, расстроен душой, блаженный (сумасшедший); простоватый, недалекий, ограниченный (тупой, глупый, бестолковый); бедлам, дом умалишенных, желтый дом *Touched the head, upsets by soul, blissful (madman); simple-minded, near, limited (stupid, silly, confused); bedlam, a madhouse, the yellow house; Correctional class (for children lagging behind on subject matters); the special child, Especially difficult child (with deviations in development, mentally retarded)*. - Сумасшедший дом; коррекционный класс (для отстающих по учебным дисциплинам детей); особый ребенок, особо трудный ребенок (с отклонениями в развитии, умственно отсталый).

В английском языке о глупом человеке скажут, скорее, что *он* неумный (*not clever*) или умственно ограничен (*mentally challenged*).

В таджикском языке ЛСГ эвфемистических наименований с ядерным дифференциальным семантическим признаком «умственные недостатки»: «*бефаҳм, кӯтоҳақл, ақлнорасида, девона, сарзада, ҷиннӣ*».

ЛСнГ эвфемизмов со значением сумасшедший. В сопоставляемых языках для передачи данной семантики используются: *mental* - умственный в значении «*the mad man – девона – сумасшедший*» или «*кӯтоҳақл – intellectually defective – умственно неполноценный*», очевидно, сокращение от *mentally* или *mentally abnormal* и *hooky* – крючковатый в значении «*сумасшедший*», причем второй является сленгизмом.

К обозначению психических расстройств в английском языке также относятся: «*to be out (take, leave) of one's senses*», «*to be off one's nut*», «*to go nuts*», «*soft (touched, weak) in the head*», «*a strange bird*», «*a weird (strange) card (duck)*» и др.

В таджикском узуальном материале заслуживает внимания выражение «*камтар намерасад – с приветом*» или «*сараш задагӣ – с большим приветом*», «*ба духтур нишон додан даркор – it is necessary to visit a doctor - нужно показать врачу*», «*наваду нӯҳ, аҷоиб, қизиқ*» - со странностями; в значении «*демонахона - сумасшедший дом*»; «*беморхонаи руҳӣ - asylum - приют для психобольных*» используемое в разговорной речи по отношению к лицу, имеющему психические отклонения.

Окказиональные эвфемизмы имеют, как правило, шутливую коннотацию:- *Ба ӯ камтар намерасад. - Яъне, чӣ намерасад?- Охир... ақлаш дар ҷояш нест./ Аз намоишномаи телевизионӣ. «Кӣ ҳақ асту кӣ ноҳақ».*

Антон: И вообще, рыбы совсем не немые. Представьте себе, они визжат, пищат и даже квакают.

Иван Захарович /с заметным сожалением/: Вы в отпуске давно не были?

Антон: Давненько. А почему вы спрашиваете?

Иван Захарович: В санаторий вам не мешало бы съездить. [169, с. 74].

Anton: And in general, fishes are completely not mute. Imagine, they squeal, peep and even croak.

Ivan Zakharovich / with an appreciable regret/: Weren't you in a holiday for a long time!

Anton: Very long ago. And why do you ask?

Ivan Zakharovich: You need to go to sanatorium.

-Ту бояд худатро табобат кунӣ [172, с. 315].-You need to be treated.- Тебе нужно лечиться.

В основе эвфемизмов, характеризующих психические расстройства людей, заложен образ странных вещей или птиц, вуалирующий правду:

«a strange bird» (букв. «странная птица»), «a weird /strange/ card /duck/» (букв. «странная, непонятная карта (утка)»).

Ин бечора бо бародари ноқисулақлаш, ки дар хонааш зиндагӣ мекард, азоб мекашид [166, с.209]. - This poor suffered with his mad brother who lived in his house. Этот бедный мучился со своим сумасшедшим братом, который жил в его доме.

II. Устройство общества и отношения внутри него

II. 1. ЛТГ эвфемизмов, употребляющихся в пределах понятийного поля «религия, вера» в сопоставляемых языках

ЛТГ эвфемизмов, составляющие понятийное поле «религия, вера» в сопоставляемых языках прежде всего направлены на уменьшение страха перед каким-либо табу, запретом. Понятийное поле «религия, вера» охватывает широкий тематический круг эвфемизмов, в данном разделе мы остановимся на краткой характеристике эвфемизмов, обозначающих запреты религиозного характера.

В целом возникновение религиозных эвфемизмов было вызвано чувством страха, прежде всего из-за того, что при нарушении запрета на произнесение имени бога или черта, говорящий может быть наказан крайне сурово. В период ослабления религии при советском строе в речи людей эвфемистические заменители запретных слов использовались по инерции, в основном в силу языковой традиции, путем которых люди выражали удивление, раздражение, гнев и другие свои эмоции. В то же время для верующих людей оставались неизменной традиция избегать произношения имен бога и черта.

Следует отметить, что в британской действительности сохранялись без изменения традиции вероисповедания, что и закономерно обеспечивало обычаи языкового отражения запрета на использование определенных имен и эвфемизации религиозных понятий. Следующий пример может подтвердить высказанную мысль:

-To attend church regularly on Sundays, even too frequent, when she could escape from her duties, an occasional fervent meeting, to condemn the use of the grosser words such as «Hell» or «Damn» fully justified her claim to godliness [179, с.]. - Ходить в церковь регулярно по воскресеньям, даже слишком часто, когда она могла сбежать от своих обязанностей, случайной пылкой встречи буднего вечера, чтоб осудить использование ругательских слов, таких как «Ад» или «Черт», полностью оправдало её требование набожности.

ЛТГ эвфемизмов, составляющие понятийное поле «религия, вера» в сопоставляемых языках охватывает несколько лексико семантических групп.

ЛСГ эвфемизмов, обозначающих запрет на наименование «судного дня».

Религия и вера вводили в сознание верующих особые действия которые в целом составляли основу веры. Одним из основных начал формирования религиозных канонов стало введение запретов на поведение верующих, ограничивая их в определенных ситуациях в определенных пределах. Регулирование касалось многих аспектов религиозного поведения.

ЛСПГ эвфемизмов запрета наименования Бога. Одно из подобных действий касалось избегания прямого наименования Бога и всего того, что было связано с ним. Люди сознательно избегали прямых наименований Бога. Только эвфемия основала использование имени бога, заменяя прямое название бога его именами. В языке и метафорами, которые называли его качества: *Худо (Аллох; // Илоҳ) слова): Раҳмон, Раҳим, Офаридгор, Худованд, Сонеъ, Холиқ, Карим, Ҳодӣ, Зоти пок, Хақ таъоло, Хақсубҳонаҳу таъоло, Эзиди пок ва гайра.*

Произносящие эти имена прежде всего совершают и выполняют важнейший устой морали – уважение к произносимому имени: *by Gum, by George – ба Худо, ба ростӣ, Худо шоҳид – ей богу .*

ЛСпГ Лингвокультурологически в сопоставляемых языках значимы также запреты, которые подвергались имена ангелов. В таджикском языке это *Чабраил, Микоил, Исрофил // Сирофил*, так как эти имена входили в круг наиболее почитаемых в исламской религии.

В английском языке к ним чаще всего входят *Jesus, Gabriel, Mikail*.

ЛСпГ. У большинства народов запрещено говорить о дьяволе. В таджикском языке это «названия демонов» *чин // ачина, гул, дев* и др.

В английском языке распространенными вариантами лексемы *devil* считаются следующие эвфемизмы: *devil* - дьявол; *The Evil One* - Злой,

ЛСпГ. По установленному в исламе правилу при употреблении понятия «сатаны» (*Азрозил* (Да будь он проклят)) не принято озвучивание его имени, заменяя его эвфемизмами: *иблис, билис, шайтон лаъин* и др.

В английском языке слово *Satan* – Сатана обычно заменяется эвфемизмами: *demon* - демон, *Harry* - Гарри, *Old Nick* - Старый Ник, *the Old Boy* - Друг, *prince of darkness* - Князь Тьмы, *the Tempter* - Искуситель, *the Foul Friend* - Грязный Друг, *shadow of shadows* - тень теней, *king of the shadows* - король теней. «*confounded–лаънатӣ- проклятый*».

В английском языке широко употребляются эвфемизмы, которые заменяют слово *damn/damnation* (проклятый, проклятье): *darn* (чертов), *drat* (провались ты! пропади ты пропадом!), *dang* (чёрт!, чёрт побери!), *dag* и др.

You know damn well what I am talking about. — Чёрт! Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю! *He damn near drowned.* — Он едва не утонул, чёрт побери.

ЛСпГ эвфемизов, обозначающих запрет на произношение имени сатаны. В английском языке запрет произношения имени сатаны привел к появлению специального выражения, сопровождающего щелканье пальцами, которое заменяет слово *confounded*: *flipping* /от *to +flip* – *ҳўпнок* (*ангушт*) *задан* - щелкать, ударять слегка вместо *confounded–лаънатӣ – проклятый*.

ЛСПГ эвфемизов, обозначающих запрет на наименование «ад» и «рай». Запрету подвергались также имена, связанные с наименованием «ад» *чаҳаннам, дузах*; «рай» *ҷаннат, биҳишт, ҷаннати нася, ҷаннати унс, ҷаннатулмаъво, ҷаннаткада, ҷаннатулфирдавс* и др.

В английском языке слова, замещающие слова *hell* (ад), предсталены в следующих словах: *H-E-double-toothpicks, heck* (чёрт, к чёрту, чёрт поберу), *Sam Hill, the other place, tarnation* и др.

What a heck we're paying so much!

The murderer will go not to heaven but the other place.

ЛСПГ эвфемизов, обозначающих запрет на наименование «судного дня». Запрет охватывал также имена, связанные с наименованием «судный день»: *охират, қиёмат, растохез // растхез, рӯзи растохез, маҳшар // рӯзи маҳшар // рӯзи ҳаир*; «ангел» *малак, малоик // малоика, фаришта // фиришта*; «ангел смерти» *малакулмавт*.

В английском языке *the Doomsday* осмысляется также, как и в таджикском языке, как день страшного суда; Судный день в качестве синонимов в английском языке употребляется: *Dies Irae* (день гнева (Господня)), *Great Account* (Последний суд, день Страшного суда), *Judgement Day, the Day of Judgement* (решающий день, время принятия последнего решения).

В электронном словаре LingvoUniversal (En-Ru) *Doomsday* переводится как *Armageddon*, которое дефинируется - Армагеддон, битва в день Страшного Суда; *Great Account* - последний суд; конец света, светопреставление.

Приведенные эвфемизмы в целом реализуют одинаковые значения (День Страшного суда, Судный день; конец света, светопреставление) и эквиваленты в обоих языках.

ЛСГ наименований эмоциональных интенсификаторов

Следует указать, что в сопоставляемых языках действует обратный процесс, когда некоторые из приведенных наименований Бога, ангелов, черта становятся активными в употреблении. Активизация их употребление связана с тем, что в этом случае они служили в основном

как эмоциональные интенсификаторы, выражая различные эмоции: удивление, раздражение, гнев и т.д.

В этом отношении следует подчеркнуть, что английский язык характеризуется более богатым представлением подобных высказываний, чем таджикский язык, в таджикском языке они единицы.

ЛСпГ 1. Высказывания, имеющие религиозную окраску, связаны с образованиями от слова *God* (Бог):

Goldarn – чёртов, проклятый (более жёсткое выражение — *goddamn*),

Golly – Сабил монад! Ачаб!

Gosh – Сабил монад! Зор монад!

gawd – ғазаб ва ҳайратро ифода мекунад;

goldang – лаънатӣ;

doggone – Сабил монад! Зор монад!

gosh darn – лаънатӣ;

dad gum – лаънатӣ

ЛСпГ2. В английском языке активно употребляются в качестве эмоциональных интенсификаторов также выражения, образованные от слова *Jesus* (*Иисус*): *gee*, *jeez*, *gee whiz*, *golly gee*.

Указанные слова в настоящее время в английском языке превратились в междометия, которые выполняют функцию испуг, удивление, разочарование и др.

Таким образом, подытоживая анализ данной ЛТГ, следует отметить, что ослабление роли религиозного фактора в известной мере ограничивает продуктивность эвфемистического словаря в этом ЛСГ.

В данной ЛСГ нередко религиозные мотивы сочетаются с нравственными /соображениями такта по отношению к людям, которых несчастье касается непосредственно/. В силу этого эвфемистический словарь наименований смерти, болезней и т.п. продолжают пополняться как в английском, так и в таджикском языках.

В эпоху развитого общества с ослаблением религиозного фактора в речевом поведении людей эвфемистические заменители соответствующих слов-табу употреблялись главным образом в силу языковой традиции без отчетливо выраженной интенции замены.

II. 2. ЛТГ эвфемистических наименований, относящихся к сфере преступлений и их последствий

ЛТГ эвфемистических наименований, относящихся к сфере преступлений и их последствий, охватывают обширный круг камуфлирующих названий, в системе которых выделяются различные семантические группы. Рассмотрим некоторые из них.

ЛСГ эвфемизмов-названий экономических незаконных действий. Эвфемизации подвергаются слова и выражения, обозначающие незаконные действия экономического характера, по сути дела воровство «*даст қалб будан – spoiler – расхититель*»; *to appropriate*» (*steal*) «присвоить» (красть).

Гумон доштам, ки ҳамхонаи ман дар хобгоҳ бачаи хуб аст, баъдтар фаҳмидам, ки дасташ қалб будааст. [170, с.248]. - *I thought my roommate in a hostel was a good boy, but later I realised that he was thief.* - Я думал, мой сосед по комнате в общежитии был хорошим парнем, но понял через некоторое время, что он был вором.

ЛСГ эвфемизмов понятийного поля «взятка» включают слова и сочетания слов *ришва* (взятка) – *чойпулӣ* (получить на чай), *коррупсия*, *дастро чарб кардан*, *гулӯро чарб кардан*, *хизмат кардан*, *ҳаққи хизматро додан*, *хурсанд кардан* - *alm-oil; hush-money* (за молчание), *to grease smb.'s palm* – дать взятку и др.

ЛСГ эвфемизмов понятийного поля «убийство и самоубийство» Такие «смертные грехи», как убийство и самоубийство, испокон веков относились к самым тяжелым человеческим преступлениям. С целью избежать их тяжелые эмоциональные последствия в языке они часто заменялись отдельными эвфемизмами и эвфемическими сочетаниями.

В системе семантических признаков в данной группе наиболее ярко выделяется несколько семантических подгрупп.

Выше при анализе концепта «смерть» мы к этой группе эвфемизмов отнесли эвфемизмы, которые служат объединяющим началом данных двух семантических групп: убийство и самоубийство.

ЛСПГ эвемизмов-названий «убить, умертвить». ЛСПГ эвемизмов с ядерным семантическим признаком «убить, умертвить» в таджикском языке составляют глаголы: «*куштан – убить*»; *аз ҳаёт маҳрум кардан – лишиться жизни, ба он дунё фиристодан – отправить на тот свет*» и др.

Семантическую подгруппу английских эвфемизмов охватывают: *to kill – убить*; *to send to glory, to put to sleep – отправить на тот свет /отправить к славе*; *to send to kingdom come – отправить на тот свет* (букв. «отправить кого-либо в будущее царство»). Эвфемизм *обезвредить* в значении “бить” кроме ЛСГ «преступность» также может относиться к нескольким тематическим полям (деятельности разведки, смерть, война).

ЛСПГ эвемизмов-названий «самоубийства». ЛСПГ эвемизмов с ядерным семантический признак «покончить с жизнью» в английском языке составляет: *the Duke of Exeter's daughter* (букв «дочь графа Эксетера») – *худро аз ҳаёт маҳрум кардан* «покончить с собой (с жизнью)» и др.

ЛСПГ эвфемизмов-названий преступников. ЛСПГ эвфемизмов, объединяющихся по дифференциальному семантическому признаку названия преступников, включает: *муши хона* (домашняя мышь), *дасташ қалб* «*дузд – thief вор*», *қотил*, *кушанда* «убийца», *klep to crazy* (образовано по аналогии с *aristocracy – аристократия*) в значении *government by thieves* (*тӯда, шайка, банда, горатгарон – шайка, банда, власть воров, воровская власть*), *хасдузд, хошокдузд* (мелкая солома).

Самих заключенных в английских средствах массовой информации называют *clients of correctional system* – клиенты системы исправительных

учреждений, *guests* – *гости* или *people enjoying temporarily hospitality from the state* – люди, пользующиеся временным гостеприимством у государства.

Сюда также следует отнести эвфемизм *correctional officers* или *custodial officers* – *офицеры охраны* заменяют прежнее выражение *prison guards* тюремные - надзиратели.

ЛСПГ эвфемизмов-названий видов наказания, «нести наказание».
ЛСПГ эвфемизмов, объединяющихся по дифференциальному семантическому признаку «нести наказание» объединяют «*ҳабс кардан - посадить в тюрьму*»; *шинондан, маҳкам кардан, қама кардан, шиштан чашмонро дар Сибир кушодан* «открыть глаза в Сибири» и др. «*prolonged detention*» (*preventive detention*) – «временное задержание» (профилактическое задержание), *capital punishment* «высшая мера наказания», *to put away* – «убрать», *to send somebody to glory* «послать кого-то торжествовать» и др.

Следующие примеры иллюстрируют семантический контраст, когда исходное и конечное значения эвфемизма сопровождаются противоположными оценочными коннотациями:

To enjoy her majesty's hospitality (букв.: – *наслаждаться гостеприимством Фемиды – позитивная коннотация*); *to enjoy Her Majesty's pleasure*» (*be in prison*) (букв.: «пользоваться удовольствием Ее Величества») в значении *to be imprisoned* (*сидеть в тюрьме - негативная коннотация*), *қама кардан, шиштан, шинондан* в значении *ҳабс кардан, дар ҳабс шиштан, бе пулу бе музд зиндагӣ кардан*.

ЛСПГ эвфемизмов названий места несения наказания, тюрьма:
зиндон – мафас, наси панҷара «тюрьма»; *penitentiary* – *исправительный, пенитенциарий дом*; *jailhouse, correctional facilities* – исправительное учреждение сменил слово *prison* – тюрьма и др.

Моральные принципы служат в качестве социального детерминанта фразеологизмов – эвфемизмов этой достаточно многочисленной группы. Социальные и человеческие пороки всегда были богатым источником создания подобных эвфемизмов. Появление

данных эвфемизмов объясняется стремлением общества завуалировать отрицательные стороны действительности.

II. 3. ЛТГ эвфемизмов, фигурирующих в военно-политическом дискурсе

В лексико-семантическом классе социальных эвфемизмов выделяется особая лексико-тематическая группа эвфемизмов, фигурирующих в военно-политическом дискурсе.

В обществе феномен войны, как и любые агрессивные действия разрушительного характера, традиционно осуждается. Поскольку такие действия в мире постоянно сопровождают человечество, то в языке появляется большое количество эвфемизмов, которые направлены на минимизацию психического травмирования социума. Такие эвфемизмы представляет собой один из эффективных способов камуфлирования действительности.

Данная ЛСГ охватывает эвфемизмы, основная цель которых заключается в прикрытии агрессивных военных действий. Значительная часть таких эвфемизмов возникла в современных языках, особенно в английском, еще в 60-е годы XX века во время агрессии США во Вьетнаме. В таджикском языке большинство собранного нами материала сформировалось под влиянием переводов текстов СМИ или политической литературы из русского языка.

В пределах данной ЛТГ в зависимости от тематического разнообразия выделяется несколько ЛСГ.

ЛСГ эвфемизмов названий военных ведомств и соединений: *Department of Defense* (Министерства Обороны), которое до 1947 года имело название *Department of War* (Министерство Войны)[102, с 53].

В таджикском языке вплоть до тридцатых годов Министерство обороны – *Вазорати мудофия* также называлось *Комиссариати ҳарбӣ*.

В английских массовых информационных средствах для именования коалиционных сил используются эвфемизмы: *coalition forces* – коалиционные силы или *liberating forces* – освободительные силы, *Peace Forces* – Миротворческие Силы и др. Вторжение США на Гренаду в

1983 году осуществляли не the *U.S. Army* (армия США), *Navy* (военно-морской флот) и *Air Force* (военно-воздушные силы), а *Caribbean Peace Keeping Forces* (Миротворческие Силы Карибского Бассейна).

В таджикских СМИ, также идеологизированных, особенно в советский период, в идентичных случаях использовались также сходные по содержанию эвфемизмы, в целом названных под влиянием русского языка: *ограниченный контингент*.

ЛСГ эвфемизмов-названий оружия составляют отдельную семантическую группу.

Вместо слова *bomb* – бомба употребляется эвфемизм *device* – устройство, которому в таджикском языке соответствует *дастгоҳ*;

Особую группу составляют эвфемизмы, которые употребляются вместо названия химического, ядерного или бактериологического оружия: *MINI-NUKE* – (малогабаритные ядерные боеприпасы) или *tactical nuclear weapon* – *яроқи аслиҳаи ӯташншон* (тактическое ядерное оружие), т.е. оружие с ядерным зарядом сверх малой мощности.

Antipersonnel weapon – *силоҳи зиддифардӣ* (*силоҳ барои тахриби нерӯи инсонӣ*) – оружие для поражения живой силы, т.е. для убийства людей. Данный термин, на наш взгляд, наиболее четко указывает на то, для чего данное орудие предназначено, т.к. *anti – personnel (of weapons)* – уничтожающее живую силу (оружие) – разработанное, чтобы убить или ранить людей, не разрушить здания или транспортные средства и т.д.

weapons of mass distraction – оружие массового отравления.

sensitive goods (weapons) (букв.«чувствительные товары») (оружие),

ЛСГ эвфемизмов, скрывающих военные действия.

Сюда прежде всего относятся *surgical strike* – *ҳамлаи дақиқона*, *зарбаи аниқ*. Данный пример по своему происхождению относится к английскому, в русском языке он был использован как *точечный удар*, что и стало основой перевода на таджикский язык. Соответствия во всех языках демонстрируют значения тщательно запланированного быстрого

военного нападения с целью разрушить что-то в особом месте, не повреждая окружающее пространство.

При этом в английском языке основное денотативное значение данного действия передается при помощи словосочетания *surgical strike*, в котором значение точности военного действия сравнивается с хирургической операцией, в русском и таджикском языках это значение конкретизируется в словах *точечный – аниқ (дақиқона)*. Слово «*surgical*» на подсознательном уровне вызывает образ хирургического вмешательства, что, по определению, не может быть неточным, следовательно, это еще больше подкрепляет уверенность и веру в то, что уничтожены будут исключительно только вражеские военные цели.

Вместо *bombing – бомбанартой, бомбардировка*- используется *limited air strike – или air support*, в таджикском языке военные действия по уничтожению сил противника камуфлируется при помощи словосочетаний-эвфемизмов *зарбаи ҳавоӣ*

Вместо словосочетания *saturation bombing* в английских средствах массовой информации *area bombing – бомбагзории шадид (барои нест намудани ҳама чиз дар минтақаи мавриди мақсад)* – обстрел города или бомбометание со сплошным поражением) или более точно «*terror bombing*» или «*carpet bombing*» – террористическая бомбардировка. Данный термин обозначает: «интенсивная бомбежка местности с целью разрушить все на целевой территории» [<http://dictionary.reference.com/browse/saturation+bombing>].

Protective reaction – вокуниши дифоӣ – защитная реакция (бомбардировка, в частности с воздуха, на территории противника). Данный термин указывает на то, что какая-то сторона конфликта начала наступление, а обороняющаяся сторона, лишь защищается, тем самым показывая, что действия совершенно правомерны и их необходимо оправдать.

Слова *involvement, задухурд* и *conflict, муноқиша* заменили *agression, агрессия* и *war – ҷанг*.

уничтожение вооруженного сопротивления стали называть *pacification, оромкунӣ, оштикунӣ*.

ЛСГ эвфемизмов-запретов на разглашение военной или государственной тайны. К примеру, собственные имена стран, городов, военных частей заменяются буквами или их названиями: *N (эн) - N - N-ский (энский)*, а также описательными выражениями *One next power - яке аз қудратҳои беруна - одна соседняя держава*.

ЛСГ эвфемизмов, отражающих проблемы военной конфронтации, репрессии и агрессии. Использование подобных эвфемизмов оправдывает собственные действия путем маскировки.

“Army Today’s Gail McCabe features the Legacy of Operation Iraqi Freedom from the perspective of U.S.” - Army Today натиҷаи Амалиёти озоднамоии Ироқро аз манзаври иттиоллоти Амрико нишон медиҳад. - Армейский информационный центр Маккейб показывает результаты Операции по освобождению Ирака в перспективе США. [<http://ireport.cnn.com>].

В данном примере в названии военной операции уже заложены так называемые «мирные цели». Единица «*freedom*» нацеливает аудиторию на восприятие войны как на либерализацию: «*US President George W Bush rallied US troops on Friday, telling them, that a war in Iraq would be «not to conquer but to liberate».* Американский президент Джордж Буш младший собрал американские войска в пятницу, заявив им, что война в Ираке не может быть завоевательным, а освободительным». [<https://news.bbc.co.uk>].

Conflict вместо *war*: *Iraq's current conflict is too recent to be broken into definable historical patterns.* – *Чанги ҳозираи Ироқ хеле ҷадид аст, ки бо намунаҳои таърихии худ муқоиса шавад. – Текущий конфликт Ирака является слишком недавним, чтобы соотнести его с определенными историческими образцами* [<https://news.bbc.co.uk>].

Из приведенного контекста видно, что использование слова «*конфликт*» вместо «*война*», для описания разворачивающихся военных действий в Ираке, смягчает суть происходящего. Когда произносится

слово «*конфликт*», первая ассоциация, которая возникает – ссора, которая произошла в результате недопонимания. Ассоциация же с «*войной*» может возникнуть лишь в том случае, когда мы начинаем анализировать происходящие события.

Вместо *warfare* (война) в американских СМИ часто используется эвфемизм *operations* «операции», которое частично завуалирует истинное агрессивное действия.

В таджикском языке английскому *conflict* вместо *war* соответствуют *муноқиша*, *муноқишот* или *чанг*, при котором слово *муноқиша* является наиболее точным соответствием эвфемического переосмысления, и употребления английского и таджикского языков. Однако иракские события и действия американской армии в Ираке в целом не получили положительной оценки в таджикской СМИ, поэтому при именовании иракского события оно получило однозначное имя *чанги Ироқ*, т.е. в данном случае происходящие события в Ираке и анализ действий американской армии в Ираке ассоциировались с «*войной*».

То же самое можно сказать о следующем примере: *In Iraq, the Islamic State group is driven by a deeply sectarian ideology - with a regional slant - that makes it far more violent; it also sees itself as part of a broader, ideological struggle, not confined to Iraqi or Syrian borders* [<https://news.bbc.co.uk>]. – *В Ираке исламская государственная администрация ведет глубоко просектантскую идеологию – с региональным уклоном – что все более драматизирует события; это следует рассматривать как часть более широкой, идеологической борьбы, не ограниченной иракскими или сирийскими границами*

Итак, войны в Ираке, по мнению автора статьи, в традиционном понимании данного слова, нет, там происходит идеологическая борьба. Таким образом, поскольку война в Ираке расценивается как *specific mission, ideological struggle, the mission to serve the cause of freedom, advance of liberty* – *як миссияи махсус, як муборизаи идеологӣ, миссия барои озодӣ, барои неширафти озодӣ хизмат кардан*, причин для беспокойства нет. Прибегая к подобным заменам, правительство выигрывает

расположение своих граждан и находит в их лице поддержку и одобрение.

ЛСГ эвфемизмов, скрывающих различные агрессивные действия:

Эвфемизмы данной группы в целом объединяются вокруг нескольких понятийных центров, которые направлены на сокрытие истинных целей предпринимающих агрессивных действий:

ЛСПГ эвфемизмов, оправдывающих предпринимаемые агрессивные действия. Сюда относятся сочетания: *regime change* (*таъғйири тартибот* – смена режима) считается более политически корректным выражением, чем, *dethroning the current government/dynasty* (*махрумияти қудрати давлати феълӣ ё сарнагун намудани ҳукумат ё сулолат* – лишение власти текущего правительства или свержение с престола династии). Когда происходит смена режима, граждане того или иного государства надеются на лучшую, мирную, благополучную жизнь. Данное выражение не несет в себе отрицательной коннотации, а также не предполагает, что смена режима, как в ситуации с Сирией, может привести к вооруженному конфликту и началу военных действий.

In their plot for regime change – дигар намудани сохтори давлатӣ: A political analyst says the United States and NATO have failed in their plot for regime change in Syria. – Сиёсатмадор изҳор мнамояд, ки сиёсати ШМА ва СПАШ оиди дигар намудани сохтори давлатӣ дар Сурия ба нокомӣ бархӯрд. – Политолог говорит, что Соединенные Штаты и НАТО потерпели неудачу в их попытке изменения режима в Сирии. [<http://www.presstv.ir/detail>].

ЛСПГ эвфемизмов, вводящих в заблуждение, так как заменяют слова агрессивных действий противоположным значением: *invasion* – «завоевание, агрессия» заменяются словами *pacify* – восстановить мир; *pacification* – умиротворение, *liberate* – освободить.

В таджикском языке им соответствуют *чорӣ намудани сулҳ, озодкунӣ, осоиши намудан* которые используются вместо *шиғол намудан, забт кардан*.

ЛСПГ эвфемизмов со значением «спасательная миссия». Этот семантический признак реализуется в эвфемизме *rescue mission* «выполнение спасательной миссии», который заменяет *invasion* «Вторжение, агрессивные действия».

ЛСГ потери на войне. Военные потери – это наиболее яркий, знаменательный факт, который связан с понятием смерти и привлекает к себе всеобщее внимание, чем и обуславливается наиболее тщательное скрывание данного факта и его камуфлирования. В английском языке в средствах массовой информации *убитых на войне* – *depressed, crushed* стали называть *body-count* или *inoperative combat personnel* – «недействующий боевой персонал»; *collateral damage* – сопутствующая потеря, потери в живых силах, *casualties* (потери, жертвы) употребляются вместо *death or injury* (убитые или раненые) и др. Общую семантическую структуру данного понятия формируют также единицы *misadventure* «несчастный случай», *body count* «число жертв» и др.

В таджикском языке приведенным эвфемизмам в целом соответствуют выражения – *талафот, талафоти ҷонӣ, осебҳои расида, ҳисороти нохоста, талаф додан, бой додан* вместо *кушта шудан*.

«*The Irish Republican Army said today . . . police constable William Turbitt, who was kidnapped in a bloody IRA ambush . . . was 'executed' because he was part of the 'British war machine'» [159, с. 91].*

При этом термин *execute* – *казнить* в английском языке предпочтителен в отношении террористов, т.к. он подразумевает незаконность их деяний (*execute – to kill sb, especially as a legal punishment. to execute an innocent man — казнить невиновного: Three of the Earl's faithful servants were executed at Perth. — В Перте казнили трёх верных слуг герцога.* Синонимом к данному слову выступает *kill* – *убить*. В таджикском языке соответствием служит слово – *нобуд кардан, ба қатл расондан, аз ҳаёт маҳрум кардан* и др.

ЛСГ эвфемизмов сокрытия массового убийства и уничтожения. В сопоставляемых языках используется целый ряд эвфемизмов для сокрытия массового убийства и уничтожения. К ним относятся:

liquidate/liquidation – обычно использует для того, чтобы скрыть массовое убийство, завуалировать стрельбу, кровь, смерть, уничтожение.

«In Russia, after the revolution, massive killings of people accused of obstructing the regime were called '*liquidations*,' a word previously meaning the disbanding of business enterprise»[159, с. 171].

Вместо *to kill or disable a target* – убить или вывести из строя – употребляется эвфемизм *neutralize* – устранять, подавить огнем, исключить из сферы боевых действий.

Соответствием *neutralize* в таджикском языке выступают *бехатар кардан, аз саф баровардан, аз қатор баровардан* вместо *нест кардан, қатл кардан*.

Из проанализированных примеров, видно, что многие эвфемизмы отражают проблемы политической борьбы, военной конфронтации, репрессии и агрессии. Они употребляются, прежде всего, с целью рационализации действий говорящего и снижения уровня отрицательной оценки происходящего.

Из вышеуказанных примеров, следует, что при выборе того или иного названия, говорящий преследует цель избежать коммуникативного конфликта, завуалировав намерения, но при этом смысл замены понятен без дополнительного разъяснения. В данном случае, на наш взгляд, в наибольше степени по отношению к данным политическим эвфемизмам заслуживает применяемое И.П. Гальпериным наименование «маскирующих эвфемизмов», и целью которых, как он отмечает, является «обмануть общественное мнение и выразить что-либо неприятное более деликатным способом» [39, с. 19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя различные определения и подходы к эвфемистической лексике, мы считаем, что «эвфемизм представляет собой элемент языка, употребляющийся вместо прямого номинанта стигматичного денотата для смягчения негативных ассоциаций у коммуникантов, квалифицированное в данном социуме или отдельным адресатом как неприличествующее, неприемлемое с точки зрения морально-этических норм, принятых в обществе с целью избегания — коммуникативных конфликтов и успешного общения, а также с целью завуалировать некоторые социально неприемлемые и неприглядные явления действительности. Изменчивость моральных детерминантов несомненно будет и далее вызывать пластичность сферы языкового эвфемии. Ибо современный человек не может пренебрегать нормами вежливости и корректности при общении с окружающими людьми, а эти нормы в течение веков вырабатываются на основе правил человеческого общежития.

Эвфемизации подвергаются больше всего слова из сферы физиологии и половых отношений. Среди эвфемизмов велика доля также и слов, охватывающих наименования умственных и физических недостатков, болезней и смерти. С исчезновением факторов, побуждающих образованию эвфемизмов, к числу которых относятся болезни, бедность, лишения, смерть и т.п. соответственно выйдут из обихода слова, которыми они заменяются. Однако для этого требуется возможно еще тысячи лет и потому необходимость в их переименовании остается и пополнение словаря эвфемизмов остается актуальным, столь же актуальным остается и изучение данного явления, стимулирующего обогащение словарного состава сопоставляемых языков.

В заключении следует сказать, что в центре внимания теории языкового существования находится реальное языковое общение, взаимодействие говорящего и слушающего, возникающее при этом

различия и то, как эти различия влияют на язык, определяя его движение и изменение. Эта теория ищет пути оптимизации языка на основе глубокого изучения изменяющихся потребностей общения в связи с развитием техники и средств массовой коммуникации. Эвфемизмы нейтрализуют, вуалируют и маскируют суть слова, выражения, понятия или явления и, стилистически окрашивая речь, являются своеобразными синонимами подразумеваемых слов-табу.

Эвфемизмы образуются с помощью различных способов. К этим способам относятся употребление метонимии (выражение каким-нибудь одним признаком самого понятия), метафор, перифразов, иностранных слов. Путем заимствования из иностранного языка иногда удается смягчить грубость и некорректность выражаемого понятия и тем самым создать эвфемизм.

В современном таджикском и английском языках эвфемизмы можно разделить на следующие группы:

- ЛТГ эвфемизмов «Анатомия и физиология человека»
- ЛТГ эвфемизмов названий болезней
- ЛТГ эвфемизмов, связанных понятием смерти
- ЛТГ эвфемизмов, обозначающие понятия, относящиеся к половой сфере
- ЛТГ эвфемизмов, именующих «внешность человека»
- ЛТГ эвфемизмов, характеризующих человеческие пороки
- ЛТГ эвфемизмов, употребляющихся для именованя человеческих недостатков
- ЛТГ эвфемизмов, употребляющихся в пределах понятийного поля «религия, вера» в сопоставляемых языках.
- ЛТГ эвфемистических наименований, относящихся к сфере преступлений и их последствий
- ЛТГ эвфемизмов, фигурирующих в военно-политическом дискурсе

В современном обществе эвфемизмы употребляются не только в быту, но и в средствах массовой информации, в публицистике и в художественной литературе. Замена традиционного слова –

эвфемизмом связана с желанием людей смягчить истинный смысл, избегать вульгрных и грубых слов.

Эвфемизмы способствуют нейтрализации и маскировке истинного смысла сказанного, к нивелировке грубости, резкости и неприличия.

Изучение своеобразия эвфемизмов возможно на основе материала эвфемического словаря того или иного языка, который постоянно пополняется новыми единицами и является важным объектом исследования лингвистов. Эвфемия является своеобразным отражением взаимоотношения морали и языка. Использование эвфемизмов зависит от уровня культуры и знания иностранных языков говорящим или пишущим.

Как в таджикском, так и английском языках, эвфемизм – это стилистически нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичной языковой единицы, которая представляется говорящему неприличной, грубой и нетактичной, т.е. выполняет роль словесного смягчения.

В функциональном аспекте выявляются, по меньшей мере, три основных группы случаев: стертые эвфемизмы, истинные эвфемизмы в функции смягчения и истинные эвфемизмы в функции смягчения с сопутствующими стилистическими эффектами. Таким образом, эвфемистические слова и выражения играют важную роль в обогащении словарного состава, в развитии значений слов, в образовании новых слов и приравняемых к ним лексических единиц. Первенствующее значение в этом принадлежит семантическому способу образования новых слов.

Требования вежливости в обращении, соблюдения хорошего тона могут вызвать у людей необходимость замены грубых слов и выражений, кажущихся неудобными в произношении, оставляющих неприятное впечатление, словами более изящными, мягкими и выразительными – эвфемизмами. Иногда эвфемизмы передают мысль завуалированно, несколько затемняют понятие и отношение к нему говорящего.

Таким образом, свойства и значение эвфемистических слов и выражений бывают различными и имеют различную ценность в

зависимости от того, каким целям, чему и кому они служат, эвфемизмы являются одним из важных стилистических средств, тесно связанных с развитием языка и литературы, с ростом культуры народа.

Изучение же самих явлений языкового эвфемии должно в известной мере способствовать продвижению в определенных областях, где обнаруживается действие моральных факторов тем самым в более широкой сфере взаимоотношений морали языка. Исходя из этого, подытожим основные теоретические обобщения и выводы из результатов диссертационного исследования. Основные из них являются следующие:

1. Эвфемия есть явление языка, имеющее как социально-психологический, так и собственно-лингвистический аспекты.

2. Эвфемизмы в современном таджикском и английском языках детерминируются моральными и религиозными факторами, а непосредственному употреблению эвфемизмов в речи в ряде случаев предшествуют отчетливо выраженные эмоциональные импульсы (страх, стыд или отвращение).

3. С учётом моральных религиозных факторов эмоциональных импульсов появляются разряды слов и сочетаний, в которых процессы эвфемизации в таджикском и английском языках входят названия всего, что связано со смертью, половыми отношениями, умственными недостатками, нравственными пороками и сверхъестественными явлениями.

4. Для современной эвфемии характерна тенденция к все более интенсивному использованию эвфемизмов-сленгизмов, проникающих в речь самых различных слоев населения, к уменьшению четкости социальной стратификации эвфемистической лексики и фразеологии.

5. Эвфемизмы продолжают служить одним из источников обновления и обогащения словарного состава таджикского и английского языков.

6. К способам образования эвфемизмов в современном английском и таджикском языках относятся семасиологические сдвиги

новообразования и заимствования.

7. Эвфемизмы являются одним из стилистических средств, которые тесно связаны с развитием языка и литературы с ростом культуры.

8. Эвфемистический словарь в сопоставляемых языках постоянно пополняется новыми образованиями во всех характерных для современной эвфемии лексико-семантических разрядов там, где действуют моральные предпосылки эвфемистической замены.

ЛИТЕРАТУРА:

Научная литература

1. Абаев, В.И. История языка и история народа /В.И.Абаев //Вопросы теории и истории языка. – М.,1952.– С.40– 55
2. Абдуллозода, Р. Ибораҳои халқӣ/Р.Абдуллозода.– Душанбе: Дониш, 1974. – 204с.
3. Адлер, Д. Борьба против политической корректности /Д.Адлер.– Америка, 1993. – №442. – С.15– 18
4. Азимова, М. Н. Сопоставительный анализ фразеологических параллелей английского и таджикского языков / М. Н. Азимова. – Душанбе, 1999. – 15 с.
5. Акбаров, А.А. Табу и эвфемизмы в таджикском языке: дис. канд. филол. наук: 10.02.22/ Акбаров Акбар Аслонович. – Худжанд, 2011. – 142 с.
6. Акбаров, А.А. Табу и эвфемизмы в таджикском языке: автореф. дис. канд. филол. наук.– 10.02.22/ Акбаров Акбар Аслонович. – Худжанд, 2011. – 27 с.
7. Акбаров, А.А. Пути использования эвфемизмов в таджикском языке/А.А. Акбаров// Матер. науч. практ. конф. проф. преп. состава Тадж. гос. ун- та коммерции, посвящ. 10- летию независимости Респ. Тадж. – Худжанд, 2001. – С. 87– 94.
8. Акбаров, А.А. Эвфемизмы и их значения/А.А. Акбаров // Сб. науч. метод. статей ДГПУ им. С. Айни. – Душанбе, 2008 – С. 102– 108.
9. Акбаров, А.А. Дисфемизмы как одна из предпосылок появления эвфемизмов/А.А. Акбаров// Актуальные вопросы филологии. – Душанбе, 2009. – Вып. III. – С. 290– 295.
10. Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1969. – 182с.
11. Алексикова, Ю. В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке: дис. канд. филол. наук: 10.02.04/ Алексикова, Юлия Владимировна . – Тамбов 2010. – 163 с.
12. Алещенко Е.И. Концепт «Смерть» и его отражение в произведениях разных жанров / Е.И. Алещенко // Современная филология в международном

пространстве языка и культуры: сб. тр. и материалов Междунар. науч. конф. – Астрахань: Астрах., ун-т, 2004. – С. 138–141.

13. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка/Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974.– 366с.

14. Аракин, В. Д. Исследования лексической сочетаемости фразеологии / В. Д. Аракин. – М., 1975. – 364 с.

15. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков/ В.Д. Аракин. – Л.: 1979. – 263 с

16. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.

17. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка / Т. И. Арбекова. – М.: Высш. шк., 1977. – 240 с.

18. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учебное пособие / И. В. Арнольд. – М.: Высш. школа, 1991. – 140 с.

19. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования/И.В.Арнольд.– Л.: Просвещение, 1966.– 192 с.

20. Арсентьева, Ю.С. Фразеологизмы– эвфемизмы в английском и русском языках: автореф. дис. канд. филол. наук:10.02.20/Арсентьева Юлия Святославовна. – Казань, 2012. – 23 с.

21. Арутюнова, Н.Д. Эвфемизмы в языке и речи: дис. канд. филол. наук:10.02.03/Н.Д. Арутюнова.– М.:1999.– 189с.

22. Артюшкина, Л.В. Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Людмила Владимировна Артюшкина. – Москва, 2001. – 17 с.

23. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке/Л.Г. Бабенко.– Свердловск, 1989. – 184 с.

24. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2010. – 240 с.

25. Баскова, Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков: дис. канд. фил. наук: 10.02.20/ Баскова Юлия Сергеевна.– Краснодар, 2006.– 162с.
26. Беляева, Т.М. Нестандартная лексика английского языка/Т.М. Беляева.– Л.: Изд- во Ле- нингр. ун-та, 1985.– 136с.
27. Бердова, Н.М. Эвфемизмы в современном немецком языке: автореф. дис. канд. филол. наук:10.02.04/Бердова Неля Михайловна. – Киев, 1981.– 19 с.
28. Бободжанова Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии/ Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2001. 123 с.
29. Бойко Т. В.. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Т. В.Бойко. СПб, 2005. – 206с.
30. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке / Р.А. Будагов. – 3– е изд. – М.: Добросвет, 2003. – 544 с.
31. Бушуева Т.С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: автореф. дис. канд. фил. наук:10.02.04/ Т.С.Бушуева. М., 2005.– 19с.
32. Васильев, Л.М. Теория значения в лингвистической литературе / Л.М.Васильев// Филол. науки.– 1971. – №4.– С.119– 124.
33. Васильев, Л.М. Теория семантических полей/Л.М. Васильев//Вопросы языкознания.– 1971.– №5. – С.105– 112.
34. Видлак, С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля/С. Видлак.– М.: –1965. – 383с.
35. Вильданова, Г.А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект/Г.А. Вильданова. – Бирск: Бирская гос. социально- пед. акад., 2011. – 157 с.
36. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды/В.В.Виноградов. – М.: Наука,1977. – 312с.
37. Винокур, Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий/Т.Г.Винокур //Стилистические исследования. – М.: Наука,1972.– 318с.

38. Вопросы сопоставительной типологии иностранных языков. – Душанбе, 1976. – 115с.
39. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. — М.: Высшая школа, 1981. — С. 340.
40. Грамматикаи забони адабии ӯзони тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1986г. – Ч 2.– 372 с.
41. Гурьянова, А. Эвфемизация английского языка в свете вежливости и политкорректности/ А. Гурьянова. /<http://portalus.ru>.
42. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка/В.И.Даль. – М.: Просвещение, 1987. – 225с.
43. Джамshedов, П. Семантика видов в русском, таджикском и английском языках: учебн. пособие / П. Джамshedов; отв. ред. Л. Г. Герценберг. – Душанбе: Маориф, 1988. – 96 с.
44. Джамshedов, П. Таджикско– английские соответствия (разряды глаголов) / П. Джамshedов. – Душанбе. – 1974. – 88с.
45. Диброва, Е.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц/ Е.И. Диброва. – М., 2002. – 557 с.
46. Забони адабии ҳозираи тоҷик (лексикология, фонетика ва морфология). – Душанбе: Ирфон, 1974. – 450с.
47. Забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Маориф, 1982.– 398с.
48. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина . — М.: Высш. шк., 1989. — 124 с.
49. Зеленин, Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии/Д.К. Зеленин // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л., 1929– 1930. – С. 56– 57.
50. Зикрияев, Ф. К., Зоҳидов, А. Таджикский язык / Ф.К. Зикрияев, А. Зоҳидов. – Душанбе, 2008. – 144 с.
51. Земская, Е.А. Особенности мужской и женской речи/Е.А. Земская// Русский язык в его функционировании.– М., 1993. – С. 90– 136.
52. Зеҳнӣ, Т. Санъати сухан/Т.Зеҳнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1979. – 326 с.

53. Иванова, О.Ф. Политкорректность в России / О.Ф. Иванова // Вестник Евразии. – 2002. – № 3 (18). – С. 62– 72.
54. Ильиш, Б.А. Современный английский язык / Б.А. Ильиш.– Изд. 2. – М.: Изд- во лит- ры на иностр. язык. М., 1948. – 348 с.
55. Искандарова, Д. М. Фазовые конструкции в таджикском языке / Д. М. Искандарова. Душанбе. 1997.– 108 с.
56. Имомёрова, Н. Структурно – семантический аспект табу и эвфемизмов в разносистемных языках.// Вестник ТНУ. 2010. №7(63) – С.130– 135.
57. Исматуллаев, Н. Эвфемизмы в современном узбекском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.22: Исматуллаев Н.– Ташкент, 1964.– 23с.
58. Камолиддинов, Б. Хусни баён. (Хусусиятҳои услубии фонетика, лексика, фразеология)/Б. Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 117 с.
59. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
60. Кацев, А.М. Эвфемизмы и синонимия/ А.М. Кацев// Вопросы структуры германских языков. Вып. 1. – Омск, 1976. – С. 164– 172.
61. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия/А.М. Кацев. Л.: ЛГПИ, 1988.– 88 с.
62. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение/С.Д.Кацнельсон. – М.; Л.: Наука,1965.– 110с.
63. Кестер– Тома, З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт.// З. Кестер– Тома. Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – С. 15– 31.
64. Кипрская Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ: на примере конфликта в Ираке 2003– 2004гг. автореф. дис. канд. филол. наук:10.02.04/ Е.В. Кипрская. – Киров, 2005. –17 с.
65. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов/М.Л. Ковшова.– М.: Енозис, 2007.– 320 с.
66. Корнюшенкова, И.В. Соотношение понятий «политическая корректность» и «эвфемия»/И.В. Корнюшенкова.//Дискуссионные вопросы современной лингвистики. Калуга: КГПУ, 2005. – С. 62– 64.
67. Крысин, Л.П. Иноязычное слово в роли эвфемизма/Л.П. Крысин// Русский язык в школе. – 1998. – №2. – С. 71– 74.

68. Крысин, Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века/Л.П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2000. – № 5. – С. 63– 91
69. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи/Л.П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1994. – №1– 2. – С. 28– 49.
70. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи/Л.П. Крысин// Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 262– 286.
71. Крысин, Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке/Л.П. Крысин // Русский язык в школе. М., 1994. – №5. – С. 76– 82.С.
72. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу/А.М. Кузнецов. М.: Наука, 1986.– 126.
73. Кузнецов А. М., О применении метода компонентного анализа в лексике// Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем, М., 1971.
74. Кузнецова Э.В. О пересекающемся характере лексико – семантических групп слов // Семантика и структура предложения: лексическая и синтаксическая семантика. Уфа, 1978.– 211с.
75. Куркиев, А.С. О классификации эвфемистических названий в русском языке. Классификация эвфемизмов по порождающим мотивам/А.С. Куркиев – Грозный,– 1977.– С. 96– 100.
76. Косимова, М.Н. Таърихи забони тољикӣ/М.Н.Косимова. Душанбе: 2009. – 490 с.
77. Ларин, Б.А. Об эвфемизмах/Б.А.Ларин // Учебные записки ЛГУ. – Л., 1961. –Вып. 60, № 301. – С. 110– 117.
78. Левицкий, В.В. Семасиология: монография для молодых исследователей/В.В. Левицкий. – Виница,– 2012.– 660с.
79. Леонтьев, А.А. Язык, речь и речевая деятельность/А.А. Леонтьев. – М., Просвещение, 1969.– 214с.

80. Маджидов, Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: дис. д-ра. филол. наук: 10.02.22: Х. Маджидов – Душанбе, 1995. – 472 с.
81. Маджидов, Х. Об одном типе фразеологических предложений / Х. Маджидов//Вестник Тадж. госуниверситета. – 1993. – №4. – С. 72– 80.
82. Мамадназаров, А. Библиографический указатель работ по сопоставительно– типологическому исследованию языков в республике Таджикистан/А. Мамадназаров. – Душанбе,2016.–356с.
83. Мамадназаров, А. Актуальные проблемы теоретической лексикографии на современном этапе/А. Мамадназаров // Проблемы перевода и его лингвистические аспекты. – Душанбе, 2014. –С. 187– 198.
84. Мамадназаров, А. Группировка значений слов и омонимия в процессе обучения английского языка/ А. Мамадназаров// Перспективы преподавания иностранных языков на современно этапе. – Душанбе, 2014. – С. 102– 110.
85. Мачидов, Ы. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик./Ҳ. Мачидов. – Душанбе: Маориф, 1983. – 143 с.
86. Мачидов, Ҳ. Сермаъноии луғавӣ / Ҳ.Мачидов//Маърифат, 1997.– №9. – С.7– 9.
87. Мақсудов, Т. Оид ба воҳидҳои фразеологӣ ва вазифаҳои синтаксисии онҳо/Т. Мақсудов, Ф.К. Зикриёев, Х.Чалилов Х. – Душанбе, 1986. – 84 с.
88. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание/Ю.С. Маслов. М.: Высш. шк, 1987.– 272 с.
89. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка/В.П. Москвин. М.: ЛЕНАНД, 2010. – 264 с.
90. Мухамедьянова, Г.Н. Эвфемия в общественно- политической лексике: на материале современного немецкого, русского и башкирского языков: дис. канд. филол. наук:10.02.20/Мухамедьянова Гульшат Насибуллоевна.– Уфа, 2005.– 194с.
91. Муҳаммадиев, М., Очеркҳо оид ба лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик/М.Муҳаммадиев. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 63 с.

92. Надель, Б.И. Черноморско– хеттские ономотологические связи (к постановке вопроса) // Rocznik orientalistyczny. – 1962, Т. XXVI, zesz. 1. с. 129.
93. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков. дисс...канд. филол. наук: 10.02.20 / Назирова Мавджуда. – Душанбе, 2009. – 134 с.
94. Назирова, М. Сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом цветообозначения в английском, русском и таджикском языках/М.Назирова// Вестник Тадж. национ. ун- та. –Душанбе, 2008.– №2(48). – С.95– 98.
95. Никитина, И.Н. Эвфемизмы как объект исследования в британской и американской лингвистике / И.Н. Никитина // Вопросы филологии. – М., 2008. – №2 (29). – С.111– 114.
96. Неменова, Р.Л. Шеваи чанубии забони тоҷикӣ. Ҷ. 1. Фонетика, лексика/Р.Л.Неменова, Ф. Чӯраев. – Душанбе: Дониш, 1980. – 331 с.
97. Обвинцева, О.В. Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): дис. канд. филол. наук:10.02.20/ Обвинцева Ольга Владимировна.– Екатеринбург, 2003.– 192с.
98. Общее языкознание. Внутренняя структура языкознания. – М.:1972.– 320с.
99. Павлова, Е.К. Специфика перевода политических эвфемизмов/Е.К. Павлова// Вестник Моск. ун- та. – 1989. – №10. – С. 60– 61.
100. Панин В.В. Политическая корректность как культурно– поведенческая и языковая категория : дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / В.В. Панин: – Тюмень, 2004. – 217 с.
101. Пауль, Г. Принципы истории языка/Г. Пауль.– М.: Изд- во иностр. лит- ры, 1960.– 501 с.
102. Потапова Н.М. Эвфемизмы в языке и речи: на материале англоязычного делового дискурса: дис. канд. филол. наук:10.02.04 / Н.М. Потапова. – Москва, 2008. – 165 с.

103. Порохницкая, Л.В. Культурологические и когнитивные принципы эвфемии в современном английском языке: дис. канд. филол. наук:10.02.04/ Порохницкая Лидия Васильевна.– Москва, 2004. – 195 с.
104. Принципы и методы семантических исследований.– М.: Наука,1976.– 379с.
105. Резанова, А.Н. Дисфемия в английском языке: семантические механизмы и прагматические функции: дис. канд. филол. наук:10.02.04/ Резанова Азелла Николаевна.– Санкт- Петербург, 2008.– 179с.
106. Реформатский, А.А. Введение в языковедение /Реформатский А.А. – М.: Аспект Пресс, 1996.– 275с.
107. Рузиева, Л.Т. Становление таджикской и русской антропонимии (сравнительно - сопоставительный анализ). дис. канд. филол. наук: 10.02.20/Рузиева Лола Талибовна. – Душанбе, 2006.– 172с.
108. Саммани М. Х. Эвфемизмы в современном русском языке и их способы перевода на арабском язык (в русских периодических изданиях последних 15 лет). дис. канд. филол. наук: 10.02.20/ Саммани Мухаммед Хассен. – Каир, 2015.– 233с.
109. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учеб. пособие/ Е.П. Сеничкина. М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
110. Смирницкий, А.И. Значение слова/А.И. Смирницкий//Вопросы языкознания.– 1955.– №2. –С.79– 90.
111. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в сознании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.– С. 173– 204.
112. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц/В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986.– 143 с.
113. Толстой, Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава/Н.И. Толстой// Вопросы языкознания.– 1963.– №1. – С.29– 46.
114. Тохирова, М.М. Сопоставительный анализ табуированной и эвфемистической лексики русского и таджикского языков: дис. канд. филол.

- наук: 10.02.20/Тохилова Мухайёхон Музаффаровна.– Душанбе, 2006. – 132с.
115. Трошина, Н.Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия / Н.Н. Трошина // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Речь, 1990. – 195 с.
116. Тюрина Е. Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка (на материале современного английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04: Е.Е.Тюрина. – Нижний Новгород, 1998. – 18 с.
- 117.Уварова, Е.А. Системная семантика английского эвфемизма: автореф. дис. канд. филол. наук:10.02.04/Уварова Елена Александровна.– М., 2012.– 30с.
118. Ульман, С. Семантические универсалии: Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М., 1970. – С. 250– 299
119. Усмонов, К. Грамматикаи назарии забони англисӣ / К. Усмонов. – Душанбе; Хучанд: Нури марифат, 2010. – 236 с.
120. Федуленко, Т. Н. Английская фразеология: курс лекций / Т. Н. Федуленко. – Архангельск, 2000. – 122 с.
121. Филин Ф.П. О лексико– семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М.: 1993.– С. 229– 239
122. Фрейзер, Д.Д. Золотая ветвь. 1том/Д.Д. Фрээр.– М.,1980– 525с.
123. Чамшедов, П. Типологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ. / П. Чамшедов. – Душанбе. 1978. – с.125
124. Шарафутдинова, Н. С. Лингвистическая типология и языковые ареалы : учеб. пособие / Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск: УлГТУ, 2009. – 128 с.
125. Шмелев Д.Н. Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. С. 402.
126. Шигапова Ф. Ф. Актуальные проблемы искусствоведения, филологии и культурологи // Мат- лы междунар. заоч. науч.- практ. конф. (18 января 2012 г.). Новосибирск: ЭКОР– книга, 2012. Ч. I. С. 115– 121.

127. Яровая, Л.С. Способы образования эвфемизмов в английском языке / Л.С. Яровая // Университетские чтения. – 2008. – Пятигорск: ПГЛУ. –2008. – С. 200– 209.
128. Barder Ch. Linguistic Change in Present Day English –Ed., 1964 – 179p.
129. Baugh A.C. A History of the English Language– N.Y., 1935– p.384.
130. British National Corpus [Electronic resource]. URL: corpus.byu.edu/bnc/ (accessed: 17.04.2013 – 08.10.2014).
131. Enright, D.J. Fair of Speech: The Uses of Euphemism / D.J. Enright. – Oxford Univ. Press, 1985.– 143p.
132. Foster, B. The Changing English Language. – Macmillan, London – Melbourne – Toronto, 1968. – 360 p.
133. Galperin I.R. Stylistics. – 2nd ed., rev. – M.: Higher School, 1977. – 334 p.
134. Kany, Ch. E. American– Spanish Euphemisms // Ch. E. Kany. – Univ. Colifornia, 1960.
135. Lawrence D.H. «Unmentionables and other Euphemisms». – London, 1973.– 172p.
136. Neaman J. S., Silver C. G. Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms. N. Y.: Avon Books, 1990. – 409 p.
137. Neaman, J. S., Silver C.G. The Wordsworth Book of Euphemisms: the Hilarious Guide to the Unmentionable. — Wordsworth Editions Ltd., Cumberland House, 1995. – 420 p
138. Partridge E. Usage and Abusage –N.Y., “Penguin Books”, 1964.– 274p.
139. Rowson, H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. New York, 2002.– 463с.

IV. Лексикографические источники:

140. Кохтев, А. Международный словарь непристойностей– М.: АЗЪ, 2001.– 91с.
141. Котелова, Н.З. Новые слова и значения. Словарь справочник по материалам прессы и литературы 60– х и 70– х годов. М.: «Русский язык», 1973,1984.

142. Кудрявцев, А.Ю. Куропаткин Г.Д. Англо– русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов. – Минск: Кузьма, 2001.– 384с.
143. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.– 394с.
144. Мамадназаров, А. Англо - таджикский словарь.– Душанбе: Эр–граф,2011.– 1015с.
145. Мамадназаров, А.,Туйгунов, Н. Краткий англо - таджикский словарь синонимов. – Душанбе: Эр- граф,2010.– 140с.
146. Мюллер, В. К. Англо- русский словарь. Современная редакция. – М.: Юнвес, 2004. – 768 с.
147. Кудрявцев, А.Ю., Куропаткин, Г.Д. Англо - русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов. — Минск.: 2001.— 384с.
148. Русско- таджикский словарь: Свыше 72000 слов / С. Д. Арзуманов, Х. А. Ахрори, М. Бегбуди и др.; под ред. М.С. Асимова. – Москва: Русский язык, 1985. – 1280 с.
149. Сеничкина, Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка.– М.: Флинта: Наука, 2008. — 464 с.
150. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1985.– СЭС–1600с.
151. Трофимова, З.С. Словарь новых слов и значений / З.С. Трофимова. М.: Павлин, 1993. – 320 с.
152. Фарҳанги забони тоҷикӣ. 2т. (под редакцией М.Шукурова, В.А. Капронова, Р.Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ). М.: «Советская энциклопедия», 1969 т.І – 951 с., т.ІІ – 952с.
153. Чамшедов, П., Толибӣ, Р. Фарҳанги англисӣ– тоҷикӣ/ П. Чамшедов, Р.Толибӣ.– Душанбе: Пайванд, 2005.– 1202с.
154. Шахобова, М. Б. Англо– таджикско– персидский словарь / М. Б. Шахобова. – Душанбе: Дониш, 1989. – 252 с.
155. British National Corpus [Electronic resource]. URL: corpus.byu.edu/bnc/
156. Ayto J. Bloomsbury. Dictionary of Euphemisms. Over 3,000 Ways to Avoid Being Rude or Giving Offence.– Bloomsbury Publishing PLC; New Ed edition (4 Sept. 2000)

157. Holder, R.W. A Dictionary of Euphemisms. How not to Say What You Mean / R.W. Holder. – Oxford University Press Inc., New York, 2003– 501p.
158. Partidge E.A. A dictionary of slang and unconventional English –L., “High School”, 1973– 364p.
159. Rowson, H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. Castle Books / H.A. Rowson. – New York, 2002.
160. Spears, R.A. Slang and Euphemism: A Dictionary of Oaths, Curses, Insults, Ethnic Slurs, Sexual Slang and Metaphor, Drug Talk, College Lingo and Related Matters / R.A. Spears. – Signet, 2001.
161. The Barnhart Dictionary of New English since 1963. (Clarence Lewis Barnhart, Sol Steinmetz, Robert K. Barnhart Barnhart): Harper & Row, 1973. – 512 p.

III. Художественная литература.

162. Айнӣ С. Фуломон.– Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1959. – 620 стр.
163. Айнӣ, С.Куллиёт. Ҷ.І. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1958.– 346с.
164. Айнӣ, С.Куллиёт. Ҷ.ІІ. Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1960.– 620с.
165. Айнӣ, С.Ёддоштҳо. – Душанбе: Маориф, 1991.– 390 с.
166. Икромӣ, Ҷ. Духтари оташ.– Душанбе: Ирфон,1983,– 528с.
167. Икромӣ, Ҷ. Шодӣ. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1954. – 398 с.
168. Икромӣ, Ҷ. Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро. Душанбе: Ирфон,1984.– 154с.
169. Куприн, А.И.Повести. – М. Сов. писатель,1985.– 423с.
170. Муҳаммадиев, Ф. Асарҳои мунтахаб.Ҷ.1 Душанбе: Ирфон,1978.– 558с
171. Турсун, С. Ҳикояҳо. –Душанбе: Ирфон, 1979.– 192с.
- 172.Улуғзода, С. Мунтахабот. Ҷ.1.– Душанбе: Ирфон,1982.– 448с.
- 173.Газета “Семья” №1– 6 2001г.
174. Газета “Оила” №1– 22 2010г.
175. Газета “Зан ва мард” №1– 8 2006г.

176. Газета “Ҳақиқати Ленинобод” № 3 1989г.
177. Morning Star, 1970, December 4
178. Dickens Ch. “The Old Curiosity Shop”/ Ch. Dickens.- Moscow Progress publishers, 1978. - 480p.
179. Galsworthy J. End of the Chapter. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1960. – V. 1– 2. – 601 p.
180. Greene G. Loser Takes All. – L.: Penguin Books, 1980. – 124 p.
181. Hailey A. In High Places. – N.Y.: Bantam Books, 1979. – 376 p.

Список использованных источников средств массовой информации

182. BBC News. [Electronic resource]. URL: [<https://news.bbc.co.uk>].
183. CNN iReport [Electronic resource]. URL: [<http://ireport.cnn.com>].
184. D– Day: in the words of the BBC journalists (text version) // www.bbc.com [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-27715250>
185. Independent magazine UK [Electronic resource] URL: <http://www.independent.co.uk>.
186. Time magazine [Electronic resource] .

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эвфемизмы английского языка и их эквиваленты в русском и таджикском языках

Adult	Порнографический	Порнографӣ
Affair	Роман	Ишқбозӣ
Airraid	Работа	Кор
Asylum	Психиатрическая больница	Девонахона
Attack	Операция	Амалиёт
Badshape	Беременная	Дучон
To be born a little tired	Сумасшедший	Девона
To belly up	Умереть	Вафот кардан
To be in Queer Street	Быть бедным	Камбағал будан
To be summoned to ones fathers	Умереть	Вафот кардан
Birds and bess	Объяснение ребенку вопросов отношения полов	Ба кӯдак оиди муносибатҳои ҷинсӣ сухан кардан
Bottomless	Голый	Луч
Broadmoor patient	Сумасшедший	Бемори касалии руҳӣ, девона
Business	Похороны	Маросими дафн
By-products	Убитые	Қатл шудагон
Creator	Бог	Офаридгор
To depart to God	Умереть	Вафот кардан
Departure	Смерть	Марг

Diskens	Черт	Шайтон
End	Смерть	Марг
To enjoy her majesty's hospitality	Попасть в тюрьме	Ба хабс афтодан
Gay	Гомосексуалист	Ҳамчинсбоз
Gee	Иисус	Исо
Gents	Джентльмен	Ҷентелмен, одами боадаб, ҷавонмард
Gentleman in brown	Вошь	Шабушк
Gentlemen's companion	Вошь	Шабушк
Glorious	Пьяный	Маст
To go	Умереть	Вафот кардан
To go to heaven	Умереть	Вафот кардан
Groom of the labber	Палач	Ҷаллод
To guit the stage	Умереть	Вафот кардан
Hempen cravat	Верёвка для повешения	Арғамчин барои доркашӣ
Herb smoke	Гашиш	Банг
Hospice	Психиатрическая больница	Девонахона
House of ill fame	Бордель	Ҷоҳишахона
House of worship	Церковь	Масҷид
If anything should happen to smb.	Умереть	Вафот кардан
If the worst comes to the worst	Умереть	Вафот кардан
Intoxicated	Пьяный	Маст
To join the majority	Умереть	Вафот кардан

Juice	Алкогoль	Нӯшoкии спиртӣ
Juiced	Пьяный	Маст
Juicer	Пьяница	Маст
Knight of the cleaver	Мясник	Қассoб, гӯштфурӯш
Lord	Бог	Худованд
Maleoriented	Гомoсексуалист	Бачабoз
Masssociety	Капитализм	Капитализм
Misters	Любовница	Маъшуқа
To mount a ladder	Быть повешенным	Ба дoр oвехтa шудан
Nymph of darkness	Проститутки	Фoҳишa
To pay the debt of nature	Умереть	Вафoт кардан
The prince of the world	Черт	Шайтoн
To put away	Посадить в тюрьму	Ба маҳбас шинoндан, ҳабс кунондан
To put to sleep	Убить	Қатл кардан
Rationalization	Увольнение	Аз кoр oзoд кардан(и)
Sanitation Engineer	Уборщик мусора	Фаррoши ахлoттoзакун
To send to a glory	Убить	Қатл кардан
Smack	Героин	Героин
Soft	Сумасшедший	Девoнa
Stuff	Наркотик	Нашъa

Tybern tree	Виселица	Дор
X-rated	Порнографический	Порнографӣ

English –English Dictionary of ephemisims

Acid head	Addict, person addicted to specified drug (opium)
Addiction	Gin
Acts of indecency	Irregular sexual relations
Anything should happen to me	If I die
An article of clothing	Slips
Atomic device	Atomic bomb
Batty	Crazy
Be a frost	To be a failure
Beadledom	Stupid officiousness
Beak	Magistrate
Beezer	Noise
Begad	By God
Begorra	By God
Belial	The Devil, the spirit of evil; man of belie, reprobate
Be big with a child	To be pregnant

Blackamoor	Negro, dark-skinned person (black+moor)
Bluebeard	Husband of many wives
Boozy	Addicted to drink; fuddled
Bosh	Nonsense, foolish talk, folly
Brasserie	Woman's underbody worn to support breasts
Broadmoor patient	Criminal lunatic
Bumf	Toilet paper; paper chase; paper(s) documents
Bustle	Pad of frame putting out top of woman's skirt behind
Captains and the kings	The leading members of the Conservative Party
Civ(v)ies	Civilian clothes
Cocaine	Drug from coca producing Hallucinogenicity
Cock eyed	Stupid
Cod	Hoax, fool
Commit a nuisance	To write vulgar words on the walls of a lavatory
Correctional therapeutic communities	Prisons
Cripes	Christ
Custodial officer	Prison guard
Delicate reference	An interesting condition

Do one's duty	To go to the toilet
Derrier	Toilet,wc,lavatory
Deterrent	Hydrogen bomb
Dykey	Homosexualist
Educationally subnormal	Backward
Emergency	War
Enjoy her majesty's hospitality	To be in prison
Footwear engineer	Bootblack
Gay	Homosexual, dissolute,immoral
Glass maintenance engineer	Window cleaner
Golden age	Old age
Goldenager	Old man
Go west	To dismiss from service
Hostess	Prostitute woman
House of tolerance	Public house
Indian hay	Marijuana
Juice	Alcohol
Juiced	Drunker
Juiced	Drunk
Klep to cracy	Government by thieves

Knight of the cleaver	Butcher
Kooky	Crazy
Mentally abnormal	Crazy
My Gum	My God
Negro	Black man
Noctian	Night watchman
Old Harry, Old Gentlemen, Old Nick	Devil
People enjoying temporarily hospitality from the state	Prisoners
Pillhead	Addict
Pothead	Marihuana smoker
Pot culture	Way (style) of life cantered round the use of marijuana
Resources reaction strikes	Air strikes
Retrograde	Retreat
Revolution	A change of Cabinet
Senior citizens	Olden age pensioners
Serious offence	Rape
Sequential	Against pregnancy medicine
Scadiscopist	Chimney sweep
Short life property	Habitation in slums
Smack	Heroin, sedative drug prepared from morphine

Skin flicks	Nudity film
Socially disadvantage	Mentally ill
Social illness, terminal illness	Venereal disease, communicated by sexual
Special area	Area for poor
Spend a penny	To go to the lavatory
Stuff	1. marijuana 2. heroin
Sun trap	Back court yard
Swinging singles	Spinsters
To turn a stave	To write poetry
Training bases	Military bases
Underachiever	Mentally sick person
Under privileged (lower income blackest)	The poor
Venereal	Sexual indulgence
Violence	Crime
Very adult publications	Pornographic literature
Wind	Rumors

Эвфемизмы таджикского языка и их эквиваленты в русском и английском языках

Аблаҳ	Глупец	Fool
Аз ақл бегона	Сумасшедший	The mad man
Анкабут	Паук	Spider

Аспи чӯбин	Гроб	Tomb
Аҳмақ	Глупец	Fool
Аҷоиб	Сумасшедший	The mad man
Ба балоғат расидан	Стать зрелым	To become mature
Ба марги муфочо насиб шудан	Умереть	To die
Бандаи мӯъмин	Смирный человек	The restrained person
Бараҳна	В чем мать родила	The naked
Барги сабз	Подарок	Present, gift
Барномаи ёрмандӣ	Программа помощи.	The help program.
Ба селоби фано ғарк шудан	Умереть	To die
Бахтёр будан	Быть на седьмом небе	To be happy, lucky
Бордор	Быть в положении	To be the pregnant woman
Ба ҳаёт баромадан	Жениться, выходить замуж	To get married
Бе ихлоси иқтидо	Слабая приверженность	Weak adherence
Беҳуш	Глупец	Fool
Бечора	Бедный	Poor man
Бод	Рак	Cancer
Боло	Верхи (в значении вышестоящее учреждение)	Tops (in value higher establishment)
Вақтхуш	Захмелевший	Drunk
Вафот кардан	Умереть	To die
Гавҳар	муж	husband
Газанда	Скорпион	Scorpion
Гул	Краснуха	Smallpox
Гулчинӣ рафтани	Умереть	To die
Гулузиндонак	Ангина	Quinsy
Гӯл, гӯлу гаранг	Глупец	Fool
Дарди бедаво	Рак	Cancer

Даст қалб	Вор	The thief
Дунёи озод	Свободный мир	Free world
Духтарро ба чой додан	Отдать дочку замуж	To marry a daughter
Духтарро баровардан	Выдать дочку замуж	To marry a daughter
Духтарро ба ҳаёт баровадан	Выдать дочку замуж	To marry a daughter
Духтаро гусел кардан	Выдать дочку замуж	To marry a daughter
Дучон	Быть в положении	To be the pregnant woman
Иблис, билис, шайтони лаъин	Сатана	Devil
Завҷаи муҳтарама	Уважаемая жена	Dear wife
Зангир шудан, шӯ карданӣ шудан	Хотеть жениться; хотеть выйти замуж	To want to get married
Зан гирифтан	Жениться	To get married
Зардӣ, зардпарвин	Желтуха	Jaundice
Лозимӣ	Панталоны	Trousers
Луб-луч модарзод	В чем мать родила	The naked
Камакак сарзада	Сумасшедший	The mad man
Кордаш болои равган	Богатый	Rich man
Кутоҳдаст	Бедный	Poor man
Қазо кардан	Умереть	To die
Қанд	Сахарный диабет	Diabetes
Қашшоқ	Бедный	Poor man
Қотил, кушанда	Убийца	The murderer
Қувват	муж	Husband
Қурбони сари касе гаштан	Умереть	To die

Малак, малоик малоика, фаришта	Ангел	Angel
Малакулмавт	Ангел смерти	The death angel
Мархум	Покойник	The dead man
Мархума	Покойница	The dead woman
Махмур	Наркоман	The addict
Махмуру маст	Наркоман	The addict
Махбас, паси панчара	Тюрьма	Jail, prison
Махрум шудан	Нести наказание, быть изолированным	To bear punishment
Моҳона	Менструация	Menstruation
Муччй кардан,	Поцеловать	To kiss
Наваду нух	Сумасшедший	The mad man
Намерасидагй	Сумасшедший	The mad man
Нисфи ман	Моя половина (употребляется вместо «я его жена»)	My half
Ноқисулақл	Сумасшедший	The mad man
Офтоб	Солнце (в значении возлюбленная)	The sun (in the meaning of beloved)
Оиладор шудан	Приобретать семью	To get married
Оромгоҳ	Кладбище	Cemetery
Охират	Судный день	Judgement day
Ошно, рафиқ	Муж	Husband
Подишоҳи олампадох	Покровитель мира	The patron of the world
Пойчома	Нижняя одежда	Trousers
Растохез, рӯзи растохез, маҳшар, рӯзи маҳшар	Судный день	The Dooms Day
Раҳматй шудан	Умереть	To die

Роҳи сафед	Счастливого пути	Happy journey
Рубоҳӣ кардан	Хитрить, интриговать	To use cunning, intrigue
Рӯзи саҳт омадан	Умереть	To die
Сабук шудан	Рожать	To give birth
Сарро дуто кардан	Женить сына	To marry the son
Сархуш	Захмелевший	Drunk
Сафари охират	Смерть	Death
Серпул	Богатый	Rich man
Содалавҳ	Глупец	Fool
Тарбод	Ревматизм	Rheumatism
Тасаддуқи сари касе кардан	Умереть	To die
Умедвор	Быть в положении	To be the pregnant woman
Ун, он, кас	Муж	Husband
Урён	В чем мать родила	The naked
Фавт	Смерть	Death
Фарзи айн	Обязательно	Necessarily
Хирс	Богатырь	The athlete
Хонадор шудан	Обзавестись домом, жениться	To get married
Хотирпарешон, парешонхол	Рассеянный	Fool
Хуморӣ	Находящийся в состоянии опьянения	Drunk, being crapulent
Ҳавоӣ	Захмелевший	Drunk
Ҳардамхаёл	Глупец	Fool
Ҳузури муборак	Благословенное присутствие	Blest presence

Хушрафта	Обезумевший	Fool
Чашм пушидан	Умирать	To die
Чашм равшан шудан	Родить	To give birth
Чойпулӣ	Взятка	Bribe
Чаноб, чаноби оӣ, таксир	Господин, ваше высочество, высокоблагородие	The mister, your highness, highnobleness
Чаханнам, дузах	Ад	Hell
Чонро ба Чаббор супурдан	Отправиться в лучший мир, приказать долго жить	To die
Шарик, шерик	Муж	Husband
Шаҳид шудан	Погибнуть	To die
Шим	Штаны	Trousers
Шинондан, шиштан	Посадить (в тюрьму), сидеть (в тюрьме)	To bear punishment
Ширакайф	Захмелевший	Drunk
Ширамаст	Слегка выпивший	Drunk
Шуш шамол кашидан (касалии сил)	Туберкулез, простуда легких	Tuberculosis